

Оглавление

КАК ЛЕНЯ ГОЛИКОВ СТАЛ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	1
ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН	7
ЭТО БЫЛО НА СТАНЦИИ ОБОЛЬ	23
ЗНАМЕНОСЕЦ ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЫ	27
САМОЕ СИЛЬНОЕ ОРУЖИЕ	35
“НЕ ПОДВЕДУ ТЕБЯ, КОМИССАР!”	38
СВИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ГОДЫ	41
ВОДРУЗИЛ КРАСНОЕ ЗНАМЯ	46
ОН ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА	49
ПИОНЕР ПОВТОРИЛ ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА	53
БОЕЦ ПОДПОЛЬНОГО ФРОНТА	56
ГВАРДИИ МАЛЬЧИК	58
ВАЛЯ-ПИОНЕРКА	61
ГОРНИСТ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО ПОЛКА	62
НАШ ВОЛОДЯ	68
ПИОНЕРЫ СЕЛА ПОКРОВСКОГО	73
В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ	86
САША КОЗАК — СВЯЗНОЙ ЦК	88
ИНТЕРНАЦИОНАЛ	93
ГЕРОИ РЯДОМ	96

КАК ЛЕНЯ ГОЛИКОВ СТАЛ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Леня Голиков жил в Лукино — маленькой глухой деревне на берегу речки Полы, что впадает в древнее полноводное озеро Ильмень. Ничто не омрачало детских лет мальчика. Был он счастлив, и ему казалось, что все окружающее дано ему навсегда, на всю жизнь. Но пришли другие дни. Фашисты напали на нашу страну, фронт приближался к Лукино. Жители рыли на огородах ямы — прятали в них от гитлеровцев вещи. Потом всей деревней переселились в лес, в Быки — в самую глухомань.

Как-то Ленька решил сходить в Лукино посмотреть на свой дом, узнать, нет ли в деревне немцев.

Крадучись и настороженно прислушиваясь к малейшему шороху, мальчик благополучно добрался до речки, высунулся из-за бугра и вдруг увидел немецких солдат. «Вот попал!» — растерялся Ленька.

Он подбежал к мосткам у реки и от неожиданности шарахнулся в сторону. Прямо над ним где-то совсем рядом оглушительно затарахтел пулемет. Он поднял голову и увидел чьи-то ноги, обутые в сапоги. Там, в неглубокой ямке, вырытой в песке, лежал пулеметчик и строчил по немецким солдатам. Пулеметчик переползал с места на место, давал очередь, полз дальше и снова открывал огонь. Он хитрил, чтобы немцы думали, что у реки засело несколько пулеметчиков. Но вот пулемет ненадолго замолчал.

— А здорово вы их! — восторженно воскликнул Ленька. Пулеметчик, занятый боем,

вздрагнул и стремительно по-вернулся к Ленке.

— А чтоб тебя! — сердито крикнул он, увидя перед собой мальчугана.— Чего тебе здесь надо?

— Здешний я, деревню свою хотел поглядеть.

— А звать тебя как?

— Ленка.

— Тогда вот что, Леонид,— сказал пулеметчик.— Сейчас я отходить буду, хочу наказ тебе дать... Товарища у меня фашисты убили. Вон в тех кустах лежит. Олегом звали. Эх, какой парень был! Схорони ты Олега. Вырой Могилу и схорони... Не надругались чтобы...

— Пулеметчик! — закричали с противоположного берега.— Отходи быстрее. Сейчас мост рвать будем...

Пулеметчик пополз вниз. Ленка бросился в сторону.

Со всех сторон раздавалась стрельба. К деревне подходили гитлеровцы. Вот-вот займут они Лукино, тогда Ленке несдобровать. Надо уходить.

В тот же день, когда сгустились сумерки, ребята хоронили убитого пулеметчика. Под соснами вырыли могилу, нарвали травы, наломали веток и расстелили их на дне. Солдата завернули в плащ-палатку и опустили на ветви. Вскоре над могилой вырос маленький холмик. На поляне, залитой лунным светом, поблескивал пулемет Олега.

— Пулемет-то себе возьмем,— сказал Толька.

— Конечно, не то фрицам достанется... Сделаем тайник и спрячем.

Ребята взвалили на плечи ручной пулемет и исчезли в тем-ноте леса.

Ранним пасмурным утром ребята отправились делать тай-ник. Делали его по всем правилам. Расстелили рогожу и на нее бросали вырытую из ямы землю, чтобы нигде не оставлять следов. Тайник получился хороший.

Когда все следы были скрыты и на месте тайника выросла большая куча валежника, Ленка сказал:

— Теперь чтобы никому ни единого слова! Как военная тайна.

— Надо бы клятву дать,— предложил Сережа.

— Зачем?

— Чтобы крепче было.

— Давайте просто дадим честное пионерское. Или еще раз повторим Торжественное обещание — крепче будет.

— Правильно, ребята,— поддержал Ленка.— Повторим еще раз все вместе.

Мальчики в торжественном салюте подняли руки и все вместе повторили слова пионерской клятвы:

Здесь, в глухом лесу, возле зарытого в землю оружия, которое готовили пионеры для борьбы с врагом, слова Торже-ственного обещания звучали как-то особенно волнующе.

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Через несколько дней Леня встретил своего школьного учителя Василия Григорьевича.

— Леня!.. Голиков!..— воскликнул учитель, увидев мальчика.— Какими судьбами? Ведь немцы вас, говорят, выгнали из деревни. Живешь-то где? Пойдем, проводи меня, по дороге все и расскажешь.

— А вы-то где, Василий Григорьевич?

— В партизанах я,— сказал учитель.

Они пришли к уцелевшим избам на краю села, где разместился на отдых партизанский отряд.

Народу здесь было полным-полно. Одни сидели у стола и чистили автоматы, другие шили, третьи ели из алюминиевых котелков. А Ленка просто не мог прийти в себя от радости.

Сколько мечтал он о встрече с партизанами, и вот, будто по волшебству, кто-то перенес его прямо в партизанский отряд. Он с любопытством оглядывался вокруг. Вот бы ему сюда!

Видать, храбрый народ, веселый... Одно слово: партизаны!

Ленька спросил учителя:

— Василий Григорьевич, а мне в партизаны можно?

— Тебе? — удивился учитель.— Вот уже не знаю. Лет-то тебе сколько?

— Пятнадцать,— соврал Ленька и весь зарделся.

— Возьми его, Василий Григорьевич, к себе в разведку,— посоветовал усатый партизан.— Паренек, видать, шустрый...

— А может, и правда взять? В школе атаманом был... - С этого дня пионер Леня Голиков был зачислен в партизанский отряд, а через неделю отряд снялся с места и углубился в лес, чтобы через линию фронта проникнуть в тыл к немцам. Болотами и лесами шли несколько суток. Иной раз забирались в такие дебри, что, казалось, невозможно и выбраться. Многим было трудно идти. Одни натирали ноги, другие не могли управиться с лыжами, третьи быстро замерзали.

Что касается Леньки, то казалось, будто на него и не влияет новая обстановка. Он стойко переносил партизанские тяготы: суровые холода, бессонные ночи, долгие переходы. Конечно, Леньке очень помогало то, чему он научился в пионерском отряде. Жизнь в лесу, на речке, военные игры, далекие походы закалили его, сделали выносливым. Ленька умел разжигать костер в заснеженном лесу, спал под открытым небом и не знал, что такое простуда.

Вскоре в партизанском отряде появился еще один паренек, Митяйка. Ленька сразу подружился с Митяйкой. Они даже спали на одних нарах. Кто-то из партизан вошел однажды в землянку и сказал ребятам:

— Ну, орлы, командир вас вызывает, задание для вас есть. С этого дня Ленька с Митяем стали ходить в разведку.

Они узнавали, где расположились вражеские гарнизоны и огневые точки врага, где находятся блиндажи. Теперь у Леньки был настоящий автомат. Ему уже не раз приходилось видеть врагов совсем близко, но он не трусил.

— Ну как, жарко было? — спрашивал командир отряда.

— Ничего, подходяще! — улыбаясь, отвечал Ленька. Ребята придумали свой способ разведки. Они одевались

в лохмотья, брали суму и под видом нищих ходили по селам, выпрашивали милостыню, а сами глядели во все глаза и все примечали: сколько там солдат, какое у них оружие, сколько автомашин, пушек...

Разведчик-партизан Леня Голиков выполнял большую и опасную работу. Для него стало обычным ходить в ночи, неизвестными тропками, быть готовым к любой неожиданности. В этом он не видел никакого героизма, это были партизанские будни, жизнь. И рассказывать не любил о своих делах — как взрослый. Но иногда мог выкинуть такую штуку, что партизаны лишь руками разводили, а командир говорил: «Мальчишество». Однажды Леньке и его приятелю Митяю удалось проникнуть в немецкую офицерскую столовую. Пообедав, он написал записку и оставил ее на столе. В записке было написано: «Смерть немецким оккупантам! Здесь обедал партизан Голиков. Трепещите, гады!»

Когда гитлеровцы обнаружили записку, маленькие партизаны-разведчики были уже далеко.

Иногда Ленька с другими разведчиками уходил из отряда на несколько дней. Они разведывали подходы к железным дорогам, сопровождали минеров, сами рвали мосты.

Однажды при выполнении важного задания Леньку контузило, и он долго пролежал в шалаше. Но молодой организм преодолел недуг, и Ленька снова начал ходить в разведку.

В этот раз разведчикам предстояло взорвать вражеский эшелон.

...Глухой взрыв потряс воздух. Оглянувшись, Ленька увидел под паровозом столб огня.

Паровоз сошел с рельсов, круша, выворачивая шпалы. А сзади громоздились вагоны, платформы.

— Бежим! — крикнул разведчик Степан, и партизаны, как сговорились, бросились в разные стороны. Ленька бежал рядом. За их спиной слышались винтовочные выстрелы, приглушенные очереди автоматов.

— Погоню начали,— сказал Степан.— Теперь уноси ноги. Пригнувшись, они побежали к

лесу. Вдруг Степан вскрикнул и стал припадать на левую ногу.

— Эх! Подбили, дьяволы! Теперь не уйти мне, беги один. Но Ленька и представить себе не мог, чтобы оставить раненого товарища. А Степан все больше слабел. Теперь Ленька почти нес его на себе.

— Нет, больше не могу, — тихо проговорил Степан и бессильно опустился на землю.

Тогда Ленька срезал две березки, связал их накрест комлями, растянул на них плащпалатку, перенес на волокушу Степана и потащил к месту стоянки партизанского отряда.

Утром командир отряда объявил Леньке благодарность перед строем и сказал, что партизан-разведчик Леонид Голиков за спасение товарища будет представлен к правительственной награде.

Через несколько дней произошли большие события: Леньку приняли в комсомол, и он получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

Но самое необычайное произошло 13 августа 1942 года.

ЛЕНЯ ЗАХВАТИЛ ВАЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В этот день партизаны ходили в разведку на шоссейную дорогу. Выполнив задание, командир решил возвращаться в отряд. Он дал сигнал. Ленька тоже поднялся, но в этот момент увидел вдали немецкую легковую машину. Ленька лег за кучу щебня, приготовил гранату и стал ждать. Машина приблизилась, притормозила у мостика, и Ленька швырнул гранату. Граната ударилась в буфер, раздался взрыв. Машину

подбросило, тряхнуло, и только по инерции она пробежала еще десяток метров. Ленька видел, как из машины выскочил немец, схватил пистолет-автомат, какой-то красный портфель и бросился в сторону от дороги. Гитлеровец заметил, как из-за груды щебня кто-то выбежал и в два прыжка очутился возле машины. А затем немец увидел, что за ним гонится какой-то мальчишка. Тогда он сделал несколько выстрелов. Ленька залег и продолжал стрелять лежа. А гитлеровец опять побежал... Расстояние до него увеличивалось.

Уже целый километр гнался Ленька за убегающим врагом. Немец сбросил с себя белый китель, остался в темной сорочке, и целиться в него стало труднее.

«Только б хватило патронов, только б хватило!» — думал Ленька и бежал, бежал, что было мочи.

В его автомате оставался последний патрон. Гитлеровец убегал, продолжая отстреливаться. Ленька прицелился и выстрелил. Враг пошатнулся, сделал несколько неверных шагов и упал на землю. Ленька подбежал к убитому, взял портфель, автомат и, тяжело дыша, пошел обратно. Он подобрал по дороге белый китель и увидел на нем генеральские витые по-гоны.

— Эге! А птица-то, оказывается, важная, — сказал он вслух. Ленька явился в партизанский лагерь в белом генеральском кителе, генеральской фуражке и с красным портфелем под мышкой. Вид его был так уморителен, что грянул громкий хохот. А Ленька, сделав серьезное лицо, отрапортовал:

— Разведчик-партизан Леонид Голиков с задания прибыл... Портфель с документами генерала Василий Григорьевич повез в штаб бригады. В штабе поднялась суматоха. Срочно вызвали радиста.

— Ну, Леонид, молодец, — сказал Василий Григорьевич, когда возвратился из штаба. — Такие документы и опытный разведчик раз в сто лет добывает. Про них сейчас в Москву сообщать будут. Вот какие твои документы!

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Вскоре из Москвы пришла радиограмма — предлагали представить к высшей награде всех участников операции по захвату важных немецких документов. В Москве еще не знали, что документы захватил один партизан и ему всего четырнадцать лет.

Так пионер Леонид Голиков стал Героем Советского Союза.

Но Ленке не довелось узнать о своем награждении. Он погиб в неравном бою под селом Острая Лука 24 января 1943 года.

Мать Лени, Екатерина Алексеевна, долго не знала о судьбе сына.

Но однажды в Лукино приехал курьер в военной форме. Он нашел Екатерину Алексеевну и передал ей большой пакет с сургучными печатями. В пакете лежала наградная грамота в малиновом кожаном переплете. В ней было сказано:

Герою Советского Союза

ГОЛИКОВУ

ЛЕОНИДУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

За Ваш геройский подвиг в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, в тылу противника и за особые заслуги в организации партизанского движения Ленинградской области Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 2 апреля 1944 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза,

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Г о р к и н

Курьер привез еще и письмо Екатерине Алексеевне от Михаила Ивановича Калинина: Уважаемая Екатерина Алексеевна! По сообщению командования Ваш сын Голиков Леонид Александрович погиб за Родину смертью храбрых. За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном в борьбе с немецкими захватчиками в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 2 апреля 1944 года присвоил ему высшую степень отличий — звание Героя Советского Союза. Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения, как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

М. Калинин

Почти целый год боролся Леонид Голиков с фашистами. За это время он принимал участие в 27 боях, уничтожил не-сколько десятков фашистов, пустил под откос вражеский эше-лон, подорвал два железнодорожных и двенадцать шоссейных мостов, три склада с фуражом и продовольствием, девять автомашин с боеприпасами.

НАВЕЧНО НА ПОСТУ

...В селе Острая Лука на месте, где шел неравный бой, в котором погиб партизан Леня Голиков, на пригорке против братской могилы выросла новая просторная школа. Пионеры приносят цветы на могилу маленького героя, который погиб в боях за Родину. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. А в селе Поле, где стоит новая двухэтажная школа, есть пионерский отряд имени Лени Голикова. На сборах вспоминают ребята о герое, слушают рассказы о его боевых подвигах. И каж-дому из них хочется быть таким же храбрым, отважным, каким был пионер-партизан Леонид Голиков. В городе Новгоро-де есть улица, названная именем Лени Голикова, а в сквере, что находится против Дворца пионеров, ему воздвигнут гранитный памятник, который был открыт 18 января 1964 года к 20-й годовщине освобождения Новгорода от немецко-фашистских захватчиков. Леня изображен на памятнике с автоматом в руке. Народный мститель бдительно и смело смотрит вперед. Он стал навечно на свой пост.
Ю. КОРОЛЬКОВ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОМАНДИРАМ ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИИ И ПАРТИЗАНАМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИИ КОМАНДОВАНИЯ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ТЫЛУ ВРАГА И ПРОЯВЛЕН-НЫЕ ПРИ ЭТОМ ОТВАГУ И ГЕРОЙСТВО И ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА»

ГОЛИКОВУ ЛЕОНИДУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин
Москва, Кремль, 2 апреля 1944 г.

Памятник Лене Голикову в Новгороде

ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН

На притихшую зеленую улицу Шепетовки с оглушительным треском ворвались мотоциклисты в черных касках, с высоко засученными, словно у мясников, рукавами серых от пыли френчей; в трусах, словно они ехали не воевать, а загорать на пляже. А за ними через город хлынула лавина машин, повозок, солдат. В несколько дней фашисты ограбили, опоганили родной город Вали Котика.

...Краем тротуара, то и дело оглядываясь, пробирались трое ребяташек: Валя Котик, Коля Турухан и Наташа Горбатюк.

Ребята вдруг остановились, тесно прижавшись к холодной стене здания, на котором недавно (до сих пор еще след виден) была вывеска “Горсовет”, а теперь висел фашистский флаг.

У здания, скрипнув тормозами, остановился длинный черный лимузин. Из него неторопливо, важно вылез фашистский офицер, шепетовский гебитскомиссар Ворбс.

Он презрительным пустым взглядом скользнул по сероглазому русоголовому мальчишке в рваных брючатах, со сбитыми до крови босыми ногами, в этот миг невольно отстранившемуся от стены. Скользнул взглядом и прошагал деревянной солдатской походкой в гебитскомиссариат. Но если бы фашист на несколько мгновений остановил свой взор на лице мальчика, то увидел бы в его глазах непримиримую ненависть.

Знай Ворбс, кем скоро, совсем скоро станет этот хлопчик, знай тогда Ворбс, что в руках этого хлопчика его жизнь, он голосом, полным злобы, отдал бы приказ схватить, пытать, убить пионера.

Ворбс был так глубоко уверен в том, что здесь, в Шепетовке, все способны только гнуть спину перед каждым фашистом, что полчаса спустя даже не поверил какому-то ефрейтору Отто Шульцу, доложившему, что у него украли оружие.

— Вы, Шульц, сами где-то потеряли свой автомат,— напустился на него Ворбс.— Вспомните, где реквизировали яйца и сало, там и ищите!

Он не мог знать о том, что в это самое время двое мальчишек и одна девочка кубарем скатились в воронку от снаряда далеко от гебитскомиссариата. Это были те самые ребята, что полчаса назад терлись возле гебитскомиссариата, и в руках они держали автомат ефрейтора Шульца.

Наташа и Коля, все еще тяжело дыша от быстрого бега и пережитого волнения, рассматривали автомат с магазином, наверняка полным патронов.

— Как я его, а? — задорно поблескивая глазами, говорил Валик, вспоминая все детали происшедшего.

Это Валя первым заметил возле одной из калиток автомат. В глубине двора слышался голос какого-то фрица. Наташа и Коля не сразу догадались, для чего Валик вдруг шепнул им торопливо:

— Скорее в соседний двор!

Только они перемахнули через забор, как рядом с ними в траву упал автомат, следом за ним прыгнул Валик.

— Бежим!

— Куда теперь его девать? — спросила Наташа.

— В “копилку”, конечно,— ответил Валик,— я сейчас смотаюсь домой за велосипедом и корзиной.

Начало тому, что ребята называли “копилкой”, было положено накануне утром.

Ребята купались в речке. Валик нырнул и ударился рукой обо что-то металлическое.

— Колька, там железо какое-то, иди сюда, вытянем! — позвал он товарища.

“Железо” оказалось винтовкой. Валик нырнул еще раз. Улов получился еще богаче.

Никогда еще ни Валику, ни Коле Турухану не приходилось даже на спор столько нырять. Глаза у них стали красными, как у кроликов. Уши болели. Зато на берегу в густых зарослях лозняка был целый арсенал: винтовки, пистолет, даже пулемет.

— Жаль, патронов нет,— сокрушался Валик.

А откуда быть патронам? Видно, бойцы, попавшие здесь в окружение, все патроны выпустили по врагу, а потом бросили в воду ставшее ненужным оружие, чтобы оно не досталось немцам.

Оружие так запрятали, что никому не найти. Этот склад и называли ребята “копилкой”. Теперь туда прибавился еще автомат с патронами.

Для кого собирали ребята оружие? Откровенно говоря, Валик тогда еще не знал этого точно. Он Коля Турухан говорил Наташе и Коле:

— Мы его отдадим тем, кто будет бороться с фашистами. Да и мы сами уже не маленькие, верно?

...К Вале Котику, одиннадцатилетнему пионеру с улицы Ворошилова, давно уже присматриваются зоркие, внимательные, невидимые глаза подпольщиков.

Им нравится смелый мальчик, из-под носа фрица унесший автомат, обнаруживший и перетаскавший вместе с друзьями к себе за сарай разобранные по частям винтовки и даже пулемет. И все на глазах у немцев, в корзинке, привязанной к багажнику велосипеда.

Скоро, совсем скоро пионер выдержит испытание, и подпольщики, как равного, возьмут его в свою семью, скажут ему:

“Мы верим тебе, пионер Валя Котик, верим, что ты сможешь выполнить любое наше задание, какими бы опасностями это не грозило!”

ЛИСТОВКИ

Короткими, частыми гудками зазвонил один из многочисленных телефонных аппаратов на столе у гебитскомиссара — аппарат, связанный с прямым кабелем немецкого генштаба Варшава — Берлин.

“Неужели и там уже известно об этом?” — со страхом подумал он, поднимая трубку.

Так и есть, из Берлина, из канцелярии самого шефа гестапо, запрашивали о том, какие меры приняты для наказания неизвестных лиц, пустивших ночью под откос эшелон с отборными гитлеровскими солдатами.

Какие меры? Ворбсу не о чем было докладывать. Не сообщать же о том, что вот уже скоро сутки после крушения, а спасательные команды все еще продолжают вытаскивать из под обломков вагонов трупы солдат и офицеров. Вот уже скоро сутки, как из Шепетовки на восток, на фронт не может выйти ни один эшелон.

Следы партизан уводили в лес и там терялись. Так рапортовали Ворбсу вояки, посланные на розыски партизан. Они просто боялись сунуться в глубь леса, знали: оттуда не унести ног.

Скоро полночь, а Ворбс все не уходит из своей канцелярии, листает доносы полицаев, допрашивает предателей-старост. Но и они ни о чем не могут рассказать фашисту. Они тоже, как и гитлеровцы, боятся высунуть нос из сел.

Среди ночи неслышная тень подкралась к дверям гебитскомиссариата. И в то время, как часовой зашел за угол дома, на двери, рядом с объявлением о часах приема, появился еще один белый листок бумаги. Часовой не обратил на него никакого внимания.

А тень неслышно скользила дальше, от дома к дому. И на стенах то в одном, то в другом месте оставался белый прямоугольник бумаги. Из-за туч выглянула луна, и тогда стало видно, что быстрая тень — это фигура мальчика. Вот он завернул за угол, оглянулся по сторонам и, чтобы не скрипеть калиткой, перемахнул прямо через забор во двор перед небольшим домиком.

Сквозь плотно завешенное окно в одном месте чуть-чуть пробивался свет.

“Не спит”, — подумал мальчик и осторожно нажал на щеколду входной двери.

В коридоре он нагнулся, сунул оставшиеся в руках листки бумаги в ботинок и уж тогда шагнул в комнату.

Мать ждала сына.

— Где ты был, Валик?

— Так, гулял.

Мать вздохнула. Гулял... С тех пор, как пришли оккупанты, сын стал каким-то скрытным, у него появились тайны, секреты от нее, матери. Только однажды чуть приоткрылась завеса над неизвестными ей делами сына.

Валя как-то вечером принес домой несколько листков бумаги.

Валик Трубухин

Коля Турухан

В комнате сидел хозяин хаты Радчук да еще Стратков и Лукашенко, которых подпольщики снабдили поддельными справками о досрочном освобождении из плена. Оба они теперь отдыхали, приходили в себя после долгих месяцев каторжной работы, голодовки.

Радчук цепко схватился за один из листков.

— Что это?

— А посмотрите сами хорошенько,— сказал Валик.

Это были листовки, сброшенные с самолета и все до одной тщательно подобранные Валиком. Валя думал, что и Радчук так же обрадуется весточке с Большой земли, как обрадовались Лукашенко и Стратков, жадно прочитавшие листовку от начала до конца.

А Радчук не читал, все допытывался, откуда взял листовки, да сколько их, да куда спрятал.

Валик насторожился, примолк. Он еще нарисовал рядом с текстом карикатуру на Гитлера, потом сунул листовку в карман и отправился спать.

Разве мог Валя предположить, что негодяй Радчук наутро побежит в полицию докладывать о листовках, что он там сообщит о том, что Валя рисовал карикатуру на Гитлера?

Но, видно, у Валика уже начало вырабатываться чутье настоящего подпольщика. Рано поутру, чуть взошло солнце, когда Радчук еще не просыпался, он ушел из дому и спрятал в укромном месте солидную пачку листовок.

А в полдень нагрянули полицаи. Они перевернули в квартире все вверх дном, повели на допрос мать. До вечера они ее мучили там, но потом выпустили. А вот Васе Лукашенко вырваться из полиции не удалось. Его арестовали и направили на каторгу в Германию.

С тех пор Валик еще больше замкнулся в себе. И как ни старался Радчук что-нибудь разнюхать о его делах, чтобы доконать пионера и его мать, ему ничего не удалось узнать.

Листовки продолжали появляться на стенах домов Шепетовки. И матери Валика, Анне Никитичне, приходилось только догадываться, что это дело не проходило без участия ее сына.

Неизвестный, наклеивающий листовки, работал все более дерзко. Наутро в гебитскомиссариате скандал. Вся Шепетовка смеялась над незадачливыми оккупантами,

которые даже двери своей собственной канцелярии не смогли уберечь от листовок. Куда уж им было бороться с партизанами, пускавшими под откос эшелоны.

А Валик, сунув руки в карманы, прохаживался по противоположной стороне улицы и с удовольствием наблюдал, как бегают полицейские, получившие за ротозейство нагоняй от Ворбса, как дюжий детина кинжалом соскабливал прочно приклеенную листовку.

Полицейские торопливо пробегали мимо вихрастого сероглазого мальчишки. Им было не до него. Им и в голову прийти не могло, что смельчак, наклеивший листовки на двери гебитс-комиссариата, смельчак, в поисках которого они сбились с ног, вот он, рядом ходит.

ВАЛЯ НУЖЕН ПАРТИЗАНАМ

У Котиков поселился некий Степан Диденко, досрочно освобожденный из плена. Не понравился поначалу Валику новый жилец.

Во-первых, он старался жить со всеми в мире и согласии, даже с полицейскими, в чьих хатах по ночам Валик и его друзья били стекла. Во-вторых, он каждый вечер отправлялся на главную улицу города. А ведь там теперь и кинотеатр был только для немцев, и кафе только для них. Никакой уважающий себя человек не пошел бы вечером гулять на главную улицу города, когда-то такую красивую, уютную. А Диденко наряжался в красивый костюм, шел и возвращался домой поздно.

Диденко явно мешал Вале. А вдруг он такой же, как Радчук, и ждет случая, чтобы пронюхать о листовках, которые хранились у Валика в ботинках?

Однажды, когда Валик уже спал, Степан, как всегда, пришел поздно. Посмотрев на стоптанные ботинки Валика, решил починить их. Взял дратву, молоток, гвоздики, приладил ботинок на углу стола и тут почувствовал, что к нему на колени что-то выпало из ботинка.

Это были листовки.

Диденко ничего не сказал Анне Никитичне. Он починил ботинки, положил снова под стельки листовки, поставил их возле кровати Валика.

Утром Диденко, как всегда, ушел по каким-то своим делам.

А Валик? Как он разволновался, увидев свои отремонтированные ботинки! Ведь если Диденко окажется тем, за кого он его принимал, не миновать ему застенка. Да что ему — попадут в застенки мать и брат..

Диденко и в самом деле рассказал о листовках своим друзьям. Друзья его были

подпольщиками Шепетовки. До сегодняшнего дня Валику совсем необязательно было об этом знать.

— Наконец нашелся тот,— говорил Диденко,— кто по ночам расклеивает листовки. Мы думали, что неизвестная нам подпольная группа, а это Валя Котик.

И тогда между Валиком и Степаном произошел серьезный, долгий разговор, после которого Диденко сказал Анне Никитичне:

— Анна Никитична, ваш сын нужен нам...

Кому “нам”, мать Валика не спрашивала. Анна Никитична знала, что Диденко — партизан. Ведь его рекомендовал на жительство к ней коммунист Горбатюк. Через Анну Никитичну Горбатюк не раз передавал Диденко сведения, полученные им от верных друзей. К ней часто заходил друг Диденко, дядя Ваня Нищенко, внешне безобидный, пожилой, сутулый человек с палочкой. Но это только внешне. Ночью он преображался. Походка у дяди Вани становилась легкой, упругой. Он мог долгими часами, не шевелясь, лежать у железнодорожного полотна, наблюдая за движением эшелонов, чтобы потом по рации, не страшась того, что фашисты могут запеленговать, передавать шифрованные донесения в партизанский штаб.

Да, Анна Никитична очень хорошо понимала, что значили слова “ваш сын нужен нам”. Это означало и для Валика, и для всей ее небольшой семьи начало другой жизни, полной опасностей. Но она только сказала Степану:

— Хорошо. Раз это нужно вам, партизанам, значит, нужно Родине. Только... берегите его, Степан. Малой он еще, горячий...

И стал Валя Котик связным шепетовских подпольщиков.

Оружие, которое так тщательно собирали и прятали ребята, на возах с сеном перекочевало в лес, в партизанский отряд.

Но автоматов, винтовок, взрывчатки требовалось все больше, потому что все больше людей приходило к партизанам, все шире разворачивали они свою борьбу с оккупантами. Шепетовские подпольщики помогали группам военнопленных вырываться из-за колючей проволоки лагерей. И освобожденные бойцы и командиры шли в лес, к партизанам, чтобы мстить врагам, помогать родной Советской Армии.

Охота за оружием приводила Валу Котика иногда в самые неожиданные места.

Как-то в Шепетовку приехал из Германии ансамбль “Фюнф цилиндр”.

“Только для немцев!” — гласили афиши.

Но Валику удалось незаметно проникнуть в бывший кинотеатр, где заезжая труппа давала свое представление. Зал был переполнен. Солдаты без конца аплодировали пяти девицам в коротеньких юбочках, черных чулках и блестящих цилиндрах на пышных прическах. Кричали: “Бис, браво!” и топали ногами от восторга.

Но Валика совсем не интересовало то, что происходило на сцене. Притаившись за портьерой, он осторожно осматривался вокруг.

Нет, за ним, кажется, никто не следил.

У немца, стоявшего совсем близко от него в проходе,— не хватило бедняге места — из расстегнутой кобуры выглядывала рукоятка револьвера... Немцы, увлеченные представлением, не заметили, как от портьеры отделился мальчик, как револьвер перекочевал из кобуры в его карман.

Через полчаса Степан Диденко взвешивал на ладони оружие:

— Хороша “пушка”! У Пав люка как раз нет оружия подходящего. Отдадим револьвер ему. Согласен?

Конечно, Валя был согласен. Ему было очень приятно, что револьвер сразу попадал в руки одного из самых храбрых подпольщиков Шепетовки.

ПАСТУШКИ

Анна Никитична стала замечать, что с некоторых пор Валентин пристрастился пасти корову.

Но гонял он ее не к лесу, где росла сочная трава, а к пустырю — немецким продовольственным складам, снабжавшим фронт.

Ребята — Валя, Наташа, Коля — шалили, прыгали возле коровы. Часовые так привыкли к хлопцам, что даже не отгоняли их от проволоки, окружавшей склады. Только когда они слишком близко подходили, часовой угрожающе поднимал вверх автомат, и ребята мгновенно отлетали на приличную дистанцию.

Безобидная компания... А у Степана Диденко и Горбатюка с каждым днем накапливалось все больше сведений о расположении постов, времени смены караулов, количестве въезжавших и выезжавших из склада машин. Все это передавали ребята, зорко следившие за каждым движением немцев.

И вот однажды вечером к складу подкатил грузовик. Караул только что сменился, и немцы преспокойно сидели в дежурке. Одни наигрывали на Губных гармониках, другие играли в карты.

Из кабины грузовика выскочил щеголеватый немецкий офицер и направился к караулу. Сидевшие там немцы вскочили, чтобы приветствовать офицера, да так и остались стоять с поднятыми вверх руками. На них смотрело дуло автомата.

На чистейшем немецком языке партизан в офицерской форме сообщил охране, что если кто-нибудь из них вздумает пошевелиться, автомат заговорит, и тогда вряд ли кому-нибудь из охранников удастся съездить на побывку в фатерланд.

Вслед за офицером на территорию склада прошли переодетые партизаны. Они принесли замаскированные в картонные ящики бидоны с керосином. Среди партизан охранники с удивлением увидели тех самых мальчишек, что пасли корову возле складов. Мальчишки вели партизан так, словно они всю жизнь прожили на этом складе, показывали:

— Вот здесь продовольствие, вот здесь обмундирование...

Через несколько минут тяжело нагруженная продуктами машина мчалась прочь от охваченного пламенем склада. А охрана продолжала сидеть в караульном помещении, потому что на дверях болталась табличка: “Заминировано”. Эту табличку перед самым уходом повесил Валя.

После этой операции Степа и Коля ушли в отряд. Валя еще оставался в Шепетовке.

Налет на огромные склады, расположенные всего в сотне метров от жандармерии, охраняемые десятками часовых, не на шутку встревожил немцев.

Но скоро их ждал еще один сюрприз.

Снова, маскируясь под пастушка, ходит Валик. Но теперь за Шепетовкой, в небольшом леске. Корова себе пасется, а Валя то в одном, то в другом месте небольшой саперной лопаткой роет ямки.

Партизаны знали, что через Шепетовку куда-то далеко на запад, в Берлин, идет линия связи. Но как обнаружить тщательно замаскированный кабель в земле? Нескольким разведывательным группам было приказано искать его. Искал кабель и Валик.

Маленький лесок, где Валя пас корову, он знал вдоль и поперек. Когда-то до войны летом ребята собирали здесь ягоды, осенью грибы... Валик чувствовал, что в леске что-то

изменилось. Но что? Деревья стали больше, гуще? Нет, наоборот, лесок прорезала просека. Раньше ее не было. Это просека так изменила лес. Но для чего ее проложили немцы? А может быть...

Валя оглянулся вокруг и, убедившись, что здесь никого нет, принялся копать землю. Скоро лопата наткнулась на кирпич. Откуда быть здесь в лесу, в земле кирпичам? Валя пошире разрыл землю. Не один, а целый ряд кирпичей уходил куда-то под землю с востока на запад вдоль просеки. Валя поднял кирпич. В каменном ложе куда-то тянулась серая змея толстого освинцованного кабеля. Острым концом лопатки Валя стал что есть силы бить по свинцовой змее.

В это время гебитскомиссар держал возле уха трубку того самого телефонного аппарата, что был подсоединен к этому кабелю. Он готовился сообщить своему шефу о том, что им разработан блестящий план уничтожения партизан, что для выполнения этого плана он на днях лично выезжает в Славуту...

Но поговорить так и не удалось: в трубке раздался треск, и взволнованный голос телефонистки сообщил:

— Повреждение на линии.

А Валя, перерубив кабель, положил на место кирпич, тщательно заровнял землю, заложил то место, где копал, зеленым дерном.

Пусть стараются, ищут место разрыва! И фашистам пришлось больше недели искать разрыв кабеля. Больше недели не было связи с Варшавой и Берлином.

ГРАНАТА ДОСТИГЛА ЦЕЛИ

Нет, гебитскомиссар не мог больше откладывать карательную экспедицию против партизан. Он должен был ехать в Славуту, чтобы скорее разгромить их и доложить, наконец, шефу хотя бы об одной победе над невидимыми, неуловимыми, грозными партизанами.

И партизанам стало известно, что гебитскомиссар собирается в Славуту.

Степан Диденко дал задание Валику:

— Проследи за гебитскомиссаром.

С Валиком на задание пошел его друг Степа Кищук. Валя взял противотанковую гранату, а Степа — трофейный автомат.

Ребята залегли в леске у поворота дороги.

Вдали показался бронированный автомобиль, полный солдат, и открытый черный лимузин гебитскомиссара.

И тогда из придорожных кустов во весь рост поднялся вихрастый сероглазый хлопчик. Глаза его были темны от гнева, ненависти к фашисту, виновнику стольких смертей невинных людей. В руках у мальчика — граната.

Ворбс откинулся в угол автомашины. О, теперь бы он узнал этого мальчишку среди тысяч других! Но в это мгновение взрыв разнес на куски и машину, и гебитскомиссара.

В Шепетовке начались облава за облавой. Немцы из кожи вон лезли, чтобы разыскать виновников дерзких нападений.

Над подпольщиками начали сгущаться тучи. В Славуте провокатор выдал доктора Михайлова, одного из руководителей подполья. Щупальца немецкой охранки добрались и до Горбатюка. Он умер от пыток в кабинете начальника криминальной полиции предателя Неймана, но не выдал никого.

Наташе с матерью пришлось уходить в лес. Немцы, конечно, не оставили бы на свободе жену и дочь коммуниста.

Но расправы не помогали. Поезда на железной дороге все чаще летели под откос.

Как-то субботним вечером в окно Валика раздался условный стук. Пришел Диденко. Теперь ему все чаще приходилось менять конспиративные квартиры.

— Собирайтесь, — сказал он, — на понедельник назначен ваш арест.

Анна Никитична, Валик и старший брат Виктор ушли вовремя. Через час после их ухода на квартиру нагрянула полиция...

ПАРТИЗАНСКИЙ РАЗВЕДЧИК

Перед строем несколько человек, вновь прибывших в отряд. На левом фланге самый маленький — Валя Котик. Он тоже вооружен. В руках у него автомат, один из нескольких десятков добытых им немецких автоматов.

Вслед за комиссаром Кузовковым Валя произносит слова партизанской присяги:

— Клянусь, что скорей умру в жестоком бою с врагами, чем отдам себя, своих родных и весь советский народ в рабство кровавому фашизму...

— Клянемся! Клянемся! — повторяют все партизаны. Так началась для Вали Котика жизнь в партизанском

отряде Героя Советского Союза Антона Захаровича Одухи. Валу определили разведчиком в отряд Логутенко.

Шесть эшелонов на счету у пионера Вали Котика. Шесть эшелонов с боеприпасами, снаряжением, живой силой противника пустил под откос пионер.

А сколько мужества и выдержки нужно было, чтобы во время разведки спокойно проходить мимо немецких часовых в Славуте и в Изяславе, в Полонном и Майдан-Виле, всюду, где у партизан были явки, всюду, где стояли крупные немецкие гарнизоны, военные склады; чтобы спокойно идти мимо фашистов, когда у тебя в подкладке куртки защиты листовки или донесения партизанскому “Центру”, подпольному обкому!

Связной обязан был действовать быстро и четко. А в случае провала молчать, молчать до конца. Таков партизанский закон. И Валик бесстрашно шел навстречу бесчисленным опасностям. Валика и его друзей в партизанском соединении называли корчагинцами. И это высокое звание, неведомо кем придуманное, наполняло гордостью сердце пионера. Ведь самая любимая его книга — “Как закалялась сталь” Николая Островского. С ней Валик не расставался даже в партизанском отряде. Когда он учился в школе, мечтал хоть немного быть похожим на своего любимого героя. И слово “корчагинец” говорило о том, что товарищи по отряду очень высоко ценят его заслуги.

Сколько раз рисковал Валя своей жизнью, сколько он совершил замечательных дел? Трудно ответить на этот вопрос, потому что рисковал своей жизнью пионер каждый день, потому что самые замечательные дела считались у партизан самой обычной боевой работой. Так считал и Валя. И, выполнив задание, он коротко рапортовал об этом командиру, а потом — все, больше никому об этом не рассказывал. И время стерло воспоминания о многих подвигах пионера.

...Валя получил новое задание: идти в разведку к селу Болотин, проверить, есть ли там немцы.

Мальчик осторожно ехал на коне сквозь лесную чащу. Вот и Болотин. Лес подходит к самым хатам. Но что это за шум в селе, кудахтанье кур, визг свиней?

Валя оставил коня в кустах и пробрался совсем близко к единственной улице, пересекавшей село. И тут чуть не расхохотался.

На улице стояли две танкетки. А по дворам, растопырив руки, гонялся за курами и поросятами чуть не целый взвод фашистов.

— Сейчас вам будут такие курки! — прошептал Валик и одну за другой метнул две гранаты.

В несколько скачков он был уже в кустах, у коня. А фашисты, решив, что их атакует целый отряд, удрали из села.

...Однажды группе Логутенко, в составе которой был Валя, поручили разделаться с немецким гарнизоном одного из сел района. Несколько часов подряд двигались партизаны лесною чащей.

— Привал,— наконец, скомандовал командир.

Отряд остановился, выставив вокруг секреты. Стал на пост и Валик.

Зорко всматривался он в лесную чащу. Казалось, все было спокойно вокруг. Но внезапно кто-то тяжелый, грубый подмял мальчика под себя, вывернул ему руки, отнял автомат. Это были каратели, шедшие по следам отряда.

— Лежать! — приказали Валику через переводчика. Немцы пытались добиться у него, откуда он, кто ему дал оружие, где его боевые товарищи. Но Валик только показывал пальцем в небо. Выбросили, мол, с парашютом его одного. Оставив возле него двух часовых, каратели осторожно стали двигаться в глубь леса, в сторону отряда.

Валик лежал на земле и лихорадочно думал, как сообщить партизанам о смертельной угрозе, нависшей над ними. Он шевельнулся, что-то круглое, ребристое вдавилось ему в ногу.

Граната! Фашисты забыли отобрать у него в суматохе гранату! Он осторожно подтянул руку, сунул ее в карман, снял кольцо, вскочил и, швырнув гранату под ноги сидевшим на пеньке часовым, прыгнул в сторону.

Партизаны услышали взрыв. Фашистам не удалось застать их врасплох.

А Валя?

Раненный осколками гранаты, он несколько километров полз по лесу и, наконец, обессиленный упал в избушке лесника.

Лесник был помощником партизан, он подобрал пионера и отвез его в глухое село к фельдшеру, а потом сообщил партизанам об этом.

Через две недели Валя вернулся в отряд. На голове еще белела повязка, он так и не вылежал положенного срока, не дождался, пока зарубцуются его раны.

И вот он стоит в шеренге празднично одетых, подтянутых партизан. Командир соединения Одуха читает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении партизан соединения медалями.

— “За отвагу и находчивость, проявленные при выполнении заданий командования в тылу врага, наградить партизана Валентина Котика медалью “Партизану Великой Отечественной войны”.

- Служу Советскому Союзу! — отчеканил Валик.

...Сорок четвертый год. Февраль. Скоро Вале исполнится четырнадцать лет.

— Всего четырнадцать?! — удивляются партизаны. Все привыкли считать его старшим. В партизанском отряде Валя вырос, возмужал. Его серые глаза смотрят с недетской серьезностью. Да, рано фашисты отобрали у него детство. Это они заставили мальчика вместо книжек, тетрадок, игрушек взять в руки оружие.

— Всего четырнадцать! — удивляются товарищи, видевшие, как он мчится на коне, как он стреляет из автомата, как он взрывает эшелоны.

— Уже четырнадцать,— хмурится Валик. Ему хочется казаться взрослее.

Ему не раз предлагали на самолете улететь на Большую землю, в тыл, чтобы там учиться в школе. Ему говорили: “Ты еще мал”.

Сколько хитрости, настойчивости пришлось приложить пионеру, чтобы остаться в отряде! Нет, он никак не мог уйти из отряда, пока фашисты топтали его родную землю.

Немцы отступали под ударами Советской Армии. Фронт все ближе подходил к Шепетовке. Партизанское соединение получило приказ от командования Советской Армии взять штурмом город Изяслав, через который фашисты направляли в тыл все свои эшелоны. Перед началом операции командир вызвал мальчика к себе:

— В этом бою ты останешься в распоряжении штаба.

— Пустите в атаку! Это же, наверное, наша последняя атака!

— Нет,— твердо ответил Музалев.— Ты слышал: вчера взяли Шепетовку. Скоро там откроется школа. Ты должен живым и здоровым вернуться, ту да. Я не хочу, чтобы в этом последнем бою с тобой что-нибудь случилось.

Налет на Изяслав был полной неожиданностью для немцев. После короткого боя город был взят. Но партизаны знали: фашисты скоро оправятся и постараются отбить город снова. Слишком много значил он для них. А Валя смотрел со стороны, как окапываются партизанские батальоны.

Но вот и он, наконец, получил задание — охранять брошенный немцами склад боеприпасов. Валик залег у склада. Теперь отсюда он не ступит ни шагу!

С запада загрохотали танки. Немцы бросили на город “тигры”. А у партизан ни одной противотанковой пушки! Все ближе, ближе к складу стали рваться снаряды, мины. Фашисты медленно теснили партизанские части. Вот уж немцы совсем близко от склада, который поручено охранять Вале Котику. Он бросился на землю и стал посылать в сторону врагов патрон за патроном.

И вдруг издали донеслось громовое “ура”. Это на помощь партизанам шли войска Советской Армии. Валя привстал, метнул гранату в отступавших фашистов и тут же рухнул на землю, сраженный фашистской пулей.

ПИОНЕР-ГЕРОИ

Тихо шелестят в городском парке вековые деревья. Под их сенью, рядом с могилами бойцов Советской Армии, погибших за освобождение Шепетовки, стоит памятник Вале Котику, пионеру-партизану. Возле памятника всегда цветы. Ребята хранят память о герое. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Школа, где он учился, носит имя Вали Котика. За партией, на которой он сидел, сидят теперь лучшие ученики школы. Имя украинского пионера-героя стало известно далеко за пределами Советского Союза. По морям и океанам под советским флагом плавают океанский теплоход “Валя Котик”.

Посмертно Валя Котик награжден орденом Отечественной войны I степени, а 27 июня 1958 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

С. ЧУМАКОВ

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ПОСМЕРТНО
ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПИОНЕРУ-ПАРТИЗАНУ КОТИКУ В. А.**

ЗА ПРОЯВЛЕННЫЕ МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ В БОЯХ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ ПРИСВОИТЬ
ПИОНЕРУ-ПАРТИЗАНУ

КОТИКУ ВАЛЕНТИНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *К. Ворошилов* Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *М. Георгадзе*

Москва, Кремль, 27 июня 1958 г.

Памятник Вале Котику, сооруженный в Шепетовке на средства, собранные пионерами и школьниками Украины.

ЭТО БЫЛО НА СТАНЦИИ ОБОЛЬ

Дочки старого рабочего Кировского завода Мартына Нестеровича Портнова Зина и Галя поехали в июне 1941 года на каникулы в Белоруссию. Здесь их застала война.

Зина, ученица 385-й школы Ленинграда, установила через своего дядю Ивана Яблокова связь с партизанами. По их заданию она распространяла среди населения антифашистские листовки, собирала и пересчитывала оружие, оставленное во время отступления советских войск.

Вскоре на станции Оболь Витебской области подпольный райком партии создал нелегальную комсомольскую организацию “Юные мстители”. Большинство участников этой организации — ученики Обольской средней школы. Зину Портнову избрали членом руководящего комитета организации, а восьмилетнюю Галю назначили связной.

Около двух лет юные мстители вели мужественную борьбу против фашистских оккупантов. Они пускали под откос воинские эшелоны, разрушали железнодорожные линии, мосты и шоссе, взрывали водокачку, выводили из строя действующие заводы.

Работая официанткой в офицерской столовой, Зина, вместе с другими подпольщиками, отравила пищу — погибло свыше ста фашистов. Отважная комсомолка мстила врагу за горе и муки народа, за родной Ленинград, зажатый в кольцо блокады.

Помогала подпольщикам и Галя.

...Был тихий вечер. Солнце уже заходило, окрашивая в нежные тона легкие облачка в ясном небе. Когда совсем стемнело, в доме Володи Езовитова собрался комитет юных

подпольщиков.

Возле дома, на завалинке, сидела, держа в руках куклу, Галя. Зина договорилась с ней, что в том случае, если появится чужой человек, Галя должна запеть “Во поле березонька стояла...”

Всматриваясь в темноту, Галя заметила, как к дому приближаются полицейские — братья Волковы, жившие на краю села.

Тоненьким, дрожащим голоском девочка запела под самым окном:

Во поле березонька стояла,

Во поле кудрявая стояла...

В доме сразу затихло. Подпольщики по одному выбрались через сени в хлев, а оттуда — огородами в лес.

Полицейские подошли к девочке, которая задумчиво сидела на завалинке и напевала что-то себе под нос, немного постояли и, ничего не заподозрив, ушли.

Когда девочка вернулась домой, Зина обняла ее и поцеловала:

— Спасибо, Галочка. Вовремя предупредила. Галя очень обрадовалась:

— Я твоя помощница,— гордо сказала она сестре.

Назавтра Зина встала спозаранку. Готовясь уйти к партизанам (гитлеровцы заподозрили официанток в отравлении офицеров), она должна была, по указанию комитета, немедля передать в село Мастище мины, которые были у нее спрятаны.

— Галочка, вставай! — будила она сестричку.— Дело есть...

— Снова буду помощницей? — спросила Галя. Ей очень нравилась роль подпольщицы.

— Ага! Отнесешь эту корзину Марье Дементьевне. На дне лежат черные мячики, а сверху яички.

Галя уже знала, что это за мячики, и ни о чем не спрашивала. Девочка шла проторенной

дорогой, думая о том, как бы скорее добраться до Мастища. Солнце грело не по-осеннему жарко, и Галя перешла в тень.

Вот уже видны крайние хаты села. Она ускорила шаг, но вдруг из переулка выскочил мотоцикл с коляской.

“Фашисты!” — Галя вздрогнула, будто кто-то толкнул ее в спину.

Заметив в руках у девочки корзинку, водитель затормозил. Он слез с мотоцикла, подошел к Гале и заглянул в корзинку.

— Яйки, яйки... гут,— обрадовался он, пытаясь залезть руками в корзинку. Галя почувствовала, что у нее от страха подкашиваются ноги. Она заплакала, прижимая к себе корзинку.

Пожилой солдат, который сидел в коляске, крикнул что-то водителю. Галя перевела это по-своему: “Не трогай!” — и еще сильнее начала плакать, умоляюще глядя на пожилого немца с нашивками на погонах. Водитель, отстав от девочки, сел за руль.

Прошел еще один день. Зина в обед принесла из сарая огромную банку с запаянной крышкой.

— Где бы ее, Галочка, спрятать?

Долго сидели сестры, задумавшись. Посмотрев на Галины игрушки, разбросанные в углу, Зина предложила:

— А что, Галочка, если я пошью тебе новую куклу? Девочка уже хотела возразить: “Вон сколько у меня игрушек”, но, увидев серьезное лицо Зины, согласилась.

— А играть с ней можно?

— Нет, Галочка. Мы зашьем в нее банку. Пусть валяется в углу. Только не трогай ее...

Вечером Зина, придя домой, посидела несколько минут молча, потом спросила:

— Как, Галочка, поживает наша кукла?

Сестры заглянули в угол: над горой игрушек была видна некрасивая кукла. А когда стемнело, Зина завернула мину в тряпку и понесла в Оболь.

Ночью пришли партизаны и забрали Зину и Галю с собой в лес. Шли целую ночь. Идти было трудно. А тут еще Галя поцарапала босые ноги — они были в крови. Она тихо плакала, но шла, через силу ступая по тропинке, покрытой сосновыми иглами. Зина попросила остановиться. Она перевязала Гале ноги, и они двинулись дальше. Утром добрались до партизанского отряда.

Зина стала бойцом в разведке, а Галю приняли помощницей санитарки. Она очень гордилась новой должностью.

После ареста некоторых участников организации (их выдал провокатор) командование партизанского отряда поручило Зине Портновой установить связь с теми, кто остался в живых. Разведчица успешно выполнила задание, но, возвращаясь, натолкнулась на вражескую засаду. Зину арестовали.

Фашисты зверски пытали ее, но она не выдала тайны организации. На допросе смелая девушка внезапным ударом головы выбила револьвер из рук начальника гестапо и выстрелила в него в упор.

Через боковую дверь Зина бросилась во двор, побежала к берегу речки, но ее догнали фашисты. Одного из них она убила. Нацелилась в другого, нажала спуск, но выстрела не услышала. Закончились патроны...

Зину схватили метров за пять от берега. Продержав ее больше месяца в тюрьме и ничего не добившись, гитлеровцы расстреляли юную патриотку.

За боевые подвиги Зине Портновой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Галя Портнова осталась жива и вместе со всем народом встретила Победу.

Так боролись с врагами нашей Родины ленинградские школьницы — сестры Портновы. Память об их героических делах и светлый образ бесстрашной комсомолки Зины Портновой будут жить вечно.

У шоссейной дороги — между Витебском и Полоцком — стоит высокий обелиск. На одной его стороне надпись: “Здесь, у Оболи, в 1942—1943 годах активно действовала подпольная комсомольская организация “Юные мстители”. На другой стороне обелиска высечены имена подпольщиков, погибших в борьбе с фашизмом. И первым стоит имя ленинградской комсомолки Зины Портновой.

Г. НАБАТОВ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗЕНЬКОВОЙ Е. С, И ПОРТНОВОЙ З. М. ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЗАМУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ С ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЗЕНЬКОВОЙ ЕФРОСИНИЙ САВЕЛЬЕВНЕ - руководителю подпольной комсомольской организации, действовавшей на ст. Оболь Витебской области, с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”

ПОРТНОВОЙ ЗИНАИДЕ МАРТЫНОВНЕ — члену этой организации (посмертно).

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *К. Ворошилов* Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *М. Георгадзе*

Москва, Кремль, 1 июля 1958 г.

ЗНАМЕНОСЕЦ ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЫ

ТАМ ЖЕ ЗНАМЯ!

Не яблоками в садах, не льном, лежащим в валках на поле, не медом и мукой свежего помола пахла осень 1941 года. Ветер нес смрад пожарищ, порохового дыма, раскаленного металла. Гром боев докатился до села Погорельцы на Черниговщине.

В конце августа через село, ведя под руки раненых товарищей, прошла группа красноармейцев.

— Отступают...

Вася Коробко, невысокий крепкий мальчик, молча смотрел вслед отряду, скрывшемуся за околицей.

С другого конца села вползали тяжелые машины с черными

крестами на башнях.

— Фашисты!

Внезапно кто-то дернул Васю за рукав.

— Беги! — это был школьный товарищ Иван Кудин. Мальчики бросились во двор,

притаились за оградой.

— Смотри, смотри, к школе отправились...

— Иван! Там же... — Вася мысленно перенесся туда, в школьные коридоры, по которым уже топали кованые сапоги.

Вот гитлеровцы ввалились в учительскую, в библиотеку, подошли к пионерской комнате.

— Там же знамя!

Вася гневно сжал кулаки.

— Гранатами их, гадов! Гранатами!

— Где же они у тебя? — тихо спросил Иван.

— Достанем...

Огородами, левадой Вася подкрался ближе к школе. Вдруг он увидел, как во двор вышел немецкий офицер, держа в руках красное полотнище.

— Это знамя юных большевиков, пионеров, — сказал он окружившим его солдатам.

У Васи колючий клубок подкатился к горлу. Вот это красное знамя он, знаменосец, выносил перед строем своей дружины. Под этим знаменем пионеры села шагали на праздники, на пионерские слеты. И вот Василий сидит за кустом бузины и наблюдает, как враг глумится над красным знаменем... «Нет, не удастся вам, фашисты!»

Вечером гитлеровский офицер сидел в учительской комнате Погорельской школы и писал письмо домой, в город Дрезден. «...Дорогой мой сын Зигфрид! Сегодня мы захватили еще одно украинское село со смешным названием Похарельцы. В школе к нам попало знамя маленьких большевиков, которые здесь учились. Я тебе пришлю это знамя, можешь сделать из него коврик для нашей собачки... Пусть этот подарок напоминает о славных победах твоего отца, верного солдата фюрера».

Но когда офицер поднялся, чтобы вложить обещанный подарок в ящик для посылки, знамени нигде не было. Гитлеровец распекал своих солдат, ругал унтер-офицеров...

Утром моторизованная колонна гитлеровцев двинулась дальше. Неожиданно за селом головной вездеход проломил настил моста и завяз в илистом грунте. На него с разгона налетели задние машины. Ругаясь, фашисты суетились возле мостика. Особенно бесновался офицер: вчера загадочно исчезло знамя, сегодня провалился мост, который вечером осмотрели саперы и нашли его вполне исправным... Лишь Вася знал, куда девалось пионерское знамя и почему провалился мостик...

Весь прошедший вечер Вася из тайника наблюдал за офицером, в руках которого видел знамя. У мальчика родился смелый план: отнять его у врага.

Смеркалось. Офицер заходит в учительскую, садится у стола... Что-то пишет. Рядом — красное полотнище. Вася сжимает в ладони гранату, найденную в окопах за селом. В другой руке — штык. «Главное — мгновенно вскочить в комнату, — обдумывал мальчик. — Немец не успеет опомниться от неожиданности... Удар штыком. Если же не удастся... Тогда...» Вася стиснул гранату. Неожиданно офицер поднялся и вышел. Мгновение — и Вася был в комнате... Красное полотнище оказалось в его руках. Бросились в глаза знакомые слова: «Будь готов!»

«Всегда готов!» — мысленно отвечает Вася и, спрятав знамя под рубашку, исчезает за окном. А в полночь юный патриот подкрался к деревянному мостику за околицей. Ломом вытащил железные скобы, подпилит сваи... Долго ремонтировали фашисты переправу: почти на целый день задержал их пионер Вася Коробко.

ПИЛОТКА КАПИТАНА

В голубовато-розовом вечернем небе, словно черные молнии, носились самолеты с крестами на крыльях. Со всех сторон наседали они на советский бомбардировщик, который возвращался с боевого задания. Строчки трассирующих пуль тянулись к краснойзвездной машине. Советский самолет тоже отвечал пулеметным огнем. Вот его меткая очередь отсекла хвост «мессер-шмитту». Тот «клюнул» носом и, оставляя дымный след, упал на землю. Через

несколько минут вспыхнул и второй вражеский истребитель. Но вот смолк пулемет советского бомбардировщика. Видимо, кончились боеприпасы. На него, как коршуны, набросились семь немецких истребителей.

...Поврежденный советский самолет врезался в деревья старого парка на околице Погорельцев. К месту катастрофы спешили крестьяне. Одним из первых прибежал Вася Коробко со своим другом Володей Шендрой. Мальчики открыли кабину. Один летчик был без сознания, двое других старались отстегнуть лямки. Все трое были бледные, окровавленные.

— Кто в селе? — еле слышно спросил летчик со шпалой в петлицах.

— Сейчас никого... Немцы пошли дальше...

— Вовка, помогай,— сказал Вася и осторожно положил руку летчика себе на плечи.

— Держитесь за нас, товарищ капитан... — и мальчики начали вытаскивать летчика из кабины.

Подбежало несколько колхозников. Они вынесли из самолета двоих оставшихся раненых.

— Врач нужен...

— Я сейчас,— и Вася стремглав бросился к дому, где жила медсестра Мария Ильюченко.

Благодаря хорошему уходу медсестры Марии, здоровье пилотов улучшалось, раны заживали. Вася тайком от всех носил им в тайник еду, табак, сообщал новости. Были эти новости невеселыми.

Фронт уже откатился далеко. В селе обосновались полицейские. Капитан Виктор Петрович Григорьев все чаще переспрашивал Василия:

— Так ты хорошо окрестные леса знаешь?

— Хорошо, дядя Витя...

— Эх, встать бы мне скорее на ноги... Подались бы мы, Василек, к своим.

И это время наступило. Достав из-под стрехи пулемет, который с помощью крестьян капитан снял с разбитого самолета в день катастрофы, летчики ночью покинули село. Огородами и садами Вася вывел их на опушку, рассказал, куда идти дальше.

— Ну, прощай, сынок! — крепко обнял мальчика усатый сержант.

— Разобьем врага — жди в гости,— сказал молчаливый штурман.

А капитан вынул из-за пазухи свою пилотку с красной звездой и вложил ее в Васину ладонь.

— Береги, на память... И ночь поглотила три крепкие фигуры.

НЕИЗВЕСТНЫЙ «ОХОТНИК»

Васю все время не оставляло желание раздобыть оружие. Вместе с друзьями Иваном Кудиным и Леней Стукало ходил он по полям, продирался сквозь лесные чащи на места недавних боев. Вася нашел несколько гранат, винтовку, патроны. С тех пор тайком от всех выходил он за село «на охоту». Как толь-ко на дороге появлялся гитлеровец, Вася из засады открывал по нему огонь.

Однажды, лежа за кустами, Вася внимательно следил за дорогой. Вдруг там показалась машина с фашистами. Мальчик прицелился. Выстрел, второй — и тут Вася почувствовал, как кто-то сильный схватил его за руку.

— Ну-ка, кончай канонаду...

Человек в пиджаке, с автоматом, внимательно рассматривал мальчика.

— Плохой пока еще из тебя вояка, попался, как муха... — насмешливо произнес он.

Вася рванулся.

— Не дергайся, не дергайся!

Тем временем немцы, рассыпавшись цепью, начали проче-сывать кусты.

— Ползи за мной, — приказал незнакомец...

Скоро они добрались до леса. Из-за деревьев выходили вооруженные люди. Вася исподлобья смотрел на них. Заметил на фуражках красные ленты. Радостно екнуло сердце:

«Партизаны!».

— Кто такой? — строго спросил мальчика один из них.
— Василий... Коробко... Из Погорельцев.
— Пионер?
— Да. Шесть классов семилетки окончил, — прибавил Вася Коробко, желая этим подчеркнуть, что он уже совсем взрослый.
— Что же это, ты: решил сам всех фашистов побить? Не осилишь. А вот все вместе — победим.

В ЛОГОВЕ ВРАГА

В село Вася вернулся с заданием партизанского штаба... Скоро в Погорельцы прибыл немецкий комендант. Он должен был назначить сельского старосту. Чтобы привлечь внимание жителей, офицер велел поставить на площади патефон и крутить пластинки. Понемногу собирались крестьяне. Вася Коробко тоже пришел. Он до тех пор не отходил от патефона, пока не подсунул своей пластинки. И вот на площади зазвучало:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Вася тотчас же исчез. Немецкий комендант гордо расхаживал вокруг патефона и слушал бодрую мелодию русской песни. К немцу подбежал полицейский и растерянно начал объяснять:

— Господин гауптман, это никс гут пластинка. Ферштеген? Нике гут. — А патефон пел:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города.

Василий шмыгал в толпе:

— Кому бумаги на сигарки? — и раздавал партизанские листовки. В них было сказано:

...Наш народ хорошо понимает, что староста — это ставленники пособник кровавого фашизма, это немецкий шпион, это изменник нашей социалистической Родины и народа. Дорогие товарищи! Ведите решительную борьбу против немецких оккупантов и их приспешников — сельских старост. Пусть знают все те, кто идет служить немцам, кто предает свой народ, что мы уничтожали и будем уничтожать их, как заклятых врагов .

Все чаще действия партизан тревожили фашистов.

Вскоре для борьбы с народными мстителями в Погорельцы прибыл батальон карателей. Вася пришел к офицеру, который командовал эсэсовцами:

— Я хочу вам помочь.

— О! Ти карашо! Ти — гут малыпик! — улыбаясь, сказал довольный немец.

Офицер приказал Васе топить печи, убирать в казарме. Смелый, наблюдательный мальчик скоро уже знал, сколько оружия у немцев, где хранятся боеприпасы, когда сменяются караулы. Все эти сведения Вася оставлял в «почтовом ящике» за селом, возле старого кирпичного завода, откуда их регулярно забирали партизаны.

Как-то Васю вызвал гитлеровский офицер. Он расспрашивал мальчика, хорошо ли тот знает лесные тропинки, не слышал ли чего о партизанах.

— Слышал... И даже знаю, где они.

Осенним туманным утром каратели двинулись к лесу. Колонна полицейских выступила на юг. Немцы должны были окружить партизан с севера.

— Идите прямо до самую болота, — объяснял Вася старшему полицейскому. — Перейдете на

ту сторону — и по просеке прямо и прямо.

...Когда полицейские, вымокшие, выбившиеся из сил, перешли болото, их встретил сокрушительный огонь. Это немцы, которым Вася нарочно показал неверную дорогу, в тумане приняли своих помощников за партизан и чуть ли не всех перестреляли.

Сразу же после этого Вася ушел к партизанам.

Темной декабрьской ночью привел он партизанский отряд в родное село. Неожиданно напав на немецкий гарнизон, народные мстители уничтожили свыше 100 фашистов, 9 автомашин, 18 мотоциклов, 2 орудия, склад боеприпасов.

В тот же день в лесу перед строем Вася Коробко давал присягу:

— Я, красный партизан, даю партизанскую клятву, что буду смелым, дисциплинированным, решительным и беспощадным к врагам. Клянусь, что никогда не выдам своих товарищей, всегда буду хранить партизанскую тайну... Я буду до конца жизни верен партии, своей Родине...

ЮНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Как-то отряд вышел на боевое задание. Ночью группа партизан-подрывников, в которой был и Вася Коробко, незаметно подошла к железнодорожной насыпи. Мальчик подложил взрывчатку под рельсы. Время шло, а поезда все не было. Рассвело. Партизаны с надеждой прислушивались к каждому звуку. Стояла тишина. Что случилось?

Взошло солнце. На насыпи показался немецкий патруль. Солдаты приближались. Сейчас они обнаружат подрывников в редком кустарнике... Надо немедленно отходить к лесу. И как раз в это время вдалеке послышался стук колес.

Вася лежит в сырой канаве. «Неужели пропустим?» Он представляет себе изрытую окопами линию фронта. Изнемогая от усталости и ран, советские бойцы сдерживают натиск фашистов. Идет неравный бой. И вдруг новые колонны гитлеровских танков поползли на наши позиции... Фашистские летчики, которые сейчас едут в приближающемся эшелоне, будут сбрасывать на наши окопы свой смертоносный груз...

«Нет, подлые убийцы, не будет этого!» — стиснув зубы, думает Вася. Он смотрит на старших товарищей, лежащих рядом. Суровые лица. Полные решимости взгляды. Молчаливый уговор — лучше смерть, чем отход.

Вот патруль уже рядом... И поезд ближе и ближе. Солдаты засуетились, показывая один другому на ивняк под насыпью...

— Получайте, гады! — Вася включил ток. Могучий взрыв потряс все вокруг. Вспыхнули цистерны с бензином, полетели под откос вагоны, танки. Фашисты, спасшиеся во время взрыва, пытались бежать.

СНОВА В ПОГОРЕЛЬЦАХ

Осень вступала в свои права. Она шагала по лесам, стряхивая на землю красные и желтые листья, умывая холодными росами иссеченные пулями стволы деревьев. С курлыканием летели в теплые края журавли.

«Счастливого вам пути! — мысленно прощался с ними Вася. — Возвращайтесь весной!» И внезапно подумал: «А что будет тогда? Наверное, уже разобьем фашистов. Откроется школа. Ох, и буду же я учиться! Никогда больше учительнице не придется говорить: «А не мог ли ты, Василий, лучше приготовить домашнее задание?»»

— В это время у нас начинались уроки, — мечтательно произнес Вася.

— А я на первую смену ходил, — сказал его ровесник Миша Давидович, который чистил винтовку. — Знаете, как я алгебру любил, — и, отломив от куста веточку, начал писать на земле алгебраические знаки. — А ну-ка, кто решит?

Юные партизаны Миша Хавдей и Миша Милевский отложили оружие и склонились над примером.

У командира отряда, который с порога своей землянки наблюдал за детьми, больно сжалось сердце. «Дорогие мои вояки, вам бы сейчас учиться, играть с ровесниками. А вам приходится заниматься вот чем», — он перевел взгляд на винтовки ребят.

— Ну-ка, погляди сюда, Марк, — обратился он вдруг к партизану, который склонился в землянке над картой. Тот выглянул из-за спины командира.

— Как ты думаешь, учитель, — показывая на детей, сказал командир. — Может быть, нам открыть для них школу? Пусть учатся в свободное время.

— Прекрасно, — обрадовался учитель, — я буду с ними заниматься.

Взрослые подошли к пионерам.

— Что, ребята, — сказал Марк Иванович Писаный, — может быть, откроем свою партизанскую школу?

— Вот было бы здорово! — воскликнул Вася Коробко.

А ночью он вместе с учителем Марком Ивановичем вышел на боевое задание. Где-то к полуночи добрались до Васиного родного села Погорельцев. Садами и огородами прошли к одной из хат. Вася постучал в окно. Раз. Еще раз.

К стеклу прижалось бледное лицо мальчика, потом в сенях загремел засов. — Заходите!

— Вот обещанное! — Вася вынул из-за пазухи книжку. Маленький хозяин Володя Шендра поднес ее к глазам:

— Гри...цева ш...кільна наука, — прочитал он в полутьме. — А где же?..

— На четвертой странице, — подсказал Марк Иванович. Володя перелистнул несколько страниц и увидел партизанскую листовку.

— Вот так Грицева наука!

— А это по селу расклейте, — Вася подал сверток с листовками.

— Осторожно только, Володя, — предупредил учитель. — Враги коварны. Они следят за каждым нашим шагом. Чуть зазеваетесь — и попадете в ловушку.

— Будьте спокойны, Марк Иванович, — ответил Володя, — наши пионеры не подведут.

И действительно, дети незаметно передавали из дома в дом книжечку «Грицева шкільна наука». А их родители вечерами жадно прочитывали ее четвертую страницу. Долго не могли обнаружить полицейские и листовок. Пионеры наклеили их в колодцах, внутри срубов.

Пойдут крестьяне по воду, перегнуты над колодцем и читают партизанскую весточку.

Прощаясь с Володей, Вася сказал:

— У меня к тебе личная просьба. Собери учебники, у кого какие есть. Нам очень нужны.

В эту же ночь постучали и в хату, где жила семья Коробко.

— Кто там? — послышался взволнованный голос Александры Кузьминичны.

— Я, Вася!..

...Мать не находила себе места от радости и волнения. То бежала в кладовку, чтобы принести что-нибудь поесть, то снова садилась напротив сына и, забыв обо всем, всматривалась в родное лицо... У матери оставались недолго, надо было спешить обратно, в лес.

Захватив медикаменты и радиоприемник, смонтированный братом, Вася и Марк Иванович вышли из хаты. Мать проводила их до огородов. Как только попрощались и исчезли в темноте — поднялась стрельба. Затопали сапогами полицейские, побежали мимо хаты к околице. Издалека донеслись взрывы гранат. До рассвета мать уже не смыкала глаз. Утром — скорей к колодцу. А там уже кучка женщин. Только и разговоров, что о ночном налете партизан.

— Говорят, убили двоих, — донеслось до Александры Кузьминичны.

— Кого? — чуть не крикнула она и, чтобы не упасть, схватилась за сруб колодца. — Кого убили?

— Да полицейских.

— А партизаны?

— Ушли.

«ПРИНЯТЫ»

На лесной поляне собрались молодые партизаны на комсомольское собрание. Секретарь комсомольской организации Мария Скрипка читает заявление Васи Коробко о вступлении в комсомол. Кто-то крикнул:

— Да он еще маленький!

— Зато боевой,— спокойно ответила Мария.

— Кто рекомендует? — спросил один из присутствующих. Поднялся высокий худощавый юноша, бывший токарь из Москвы.

— Я рекомендовал пионера Василия Коробко. О его боевых делах вы, товарищи, знаете. Правда, последний Васин подвиг еще не всем известен. Считаю своим долгом рассказать... И перед комсомольцами возникли живые картины прошедшего боя.

Накануне партизанская разведка доложила, что немцы послали против их отряда крупное подразделение полиции. Но ночью народные мстители окружили карателей. По сигналу командира бойцы кинулись в атаку. Захваченные врасплох, полицейские в одном белье выбегали из хат и тут же падали, скошенные пулями. Рассвело. И тут Вася Коробко внезапно увидел, что четверо полицейских тянут за собой станковый пулемет, пробираясь к высотке за околицей. Оттуда село как на ладони.

«Сейчас как врежут с высоты по нашим,— мелькнула у Васи мысль.— Нет, гады, не выйдет!» И он прицелился из автомата. Щелкнул затвор, но выстрела не было. Кончились патроны. Вася выхватил из кармана револьвер. В нем осталось три патрона. Но на таком далеком расстоянии в полицейских не попасть. И Вася побежал за ними.

Один из полицейских остановился, прицелился в мальчика из автомата, но Вася снял его метким выстрелом. Вторым — убил еще одного карателя. В револьвере осталась одна пуля.

«В кого послать эту, последнюю?» Оба полицейских внезапно легли на землю и повернули пулемет в Васину сторону. Сейчас свинцовая очередь скосит мальчика.

В это мгновение Вася выпустил третью пулю в наводчика и с кинжалом в руке бросился к последнему полицейскому. Тот не выдержал, вскочил и что было силы помчался прочь. Через минуту он скрылся в густом сосняке.

Забрав станковый пулемет, брошенный полицейскими, Вася вернулся в отряд...

Закончив рассказ, партизан сказал:

— Предлагаю Василия Коробко принять в ряды комсомола!

Поднялся седоусый партизан с орденом Красного Знамени на груди, полученным еще в годы гражданской войны.

— Я тоже рекомендую- Васю,— произнес старый коммунист.— Не раз мы с ним ходили на боевые задания. А ну, скажи, Вася, сколько уже эшелонов ты подорвал?

Вася смутился:

— Да... три.

— Слышали?! — усмехнулся довольный партизан.— Так как, по-вашему, дорос он до комсомола?

— Дорос! Принять! — зашумели все.

У Васи радостно забилось сердце. От волнения он даже не слышал, что говорили вокруг.

Увидел лишь дружно поднятые руки. Это голосовали за него. И хотя Василию еще не хватало лет для вступления в комсомол, за самоотверженность и храбрость комсомольцы отряда приняли Васю Коробко в свои ряды.

ТРОЕ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

В один погожий осенний день в расположении партизанского отряда приземлился советский самолет, прилетевший с Большой земли. Он привез боеприпасы, оружие, медикаменты.

Вместе со своими боевыми друзьями Вася пошел разгружать самолет. Неожиданно он услышал у себя за спиной голос летчика:

— Пилотку мою ты, я вижу, сохранил, Василий Иванович. А вот старых знакомых не хочешь

узнавать.

— Дядя Витя! А остальные где?

— Здесь! Здесь!— весело откликнулись и молчаливый штурман, и усатый сержант.

Разговорам, воспоминаниям, казалось, не будет конца. Но вот командир самолета подал Васе газету.

— Ну-ка, почитай вот тут...

Вася пробежал глазами строки Указа Президиума Верховного Совета СССР. В нем говорилось, что за исключительное мужество партизан Василий Иванович Коробко награжден орденом Красного Знамени.

Шло время. В боях и походах мужал, закалялся Вася Коробко. О юном подрывнике с уважением говорили даже бывалые партизаны. Девять фашистских эшелонов, десять паровозов пустил Вася под откос. Уничтожил около 400 гитлеровцев. За боевые подвиги Родина наградила юного героя орденом Ленина, двумя медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

Скоро партизанский отряд, в котором был Вася Коробко, прорвав немецкую оборону, соединился с регулярными частями Советской Армии.

И вот Вася вместе с бойцами своего отряда вступил в родное село. Но недолго пробыл он здесь.

В руинах лежали села, ждали плуга опустошенные поля. Большие задачи стояли перед молодежью. Надо было восстанавливать народное хозяйство. И Василий решает тоже принять участие в этом деле. Юноши и девушки Полесья избирают его своим вожаком. Он стал секретарем Семеновского райкома ЛКСМУ. С увлечением работал Василий. Но его неудержимо тянуло к боевым друзьям.

— Я не успокоюсь, пока хоть один фашист будет на земле,— говорил он.

Василия Коробко направляют во вражеский тыл.

Снова бои и походы. Снова полетели под откос фашистские эшелоны, подорванные рукой Василия.

...Весной 1944 года с группой товарищей Вася отправился на выполнение очень важного задания. Свыше 100 километров прошел маленький отряд, обходя гитлеровские гарнизоны, избегая каких бы то ни было встреч. Шли по земле врага.

Наконец вдалеке заблестела свинцовая гладь большой реки. С противоположного берега через мост день и ночь мчались на фронт танковые колонны, шла пехота, тянулись длинные обозы.

Лежа в кустарнике, Вася разглядывал в бинокль предмостные укрепления. Около дотов в несколько рядов заграждение из колючей проволоки. На ней по навешаны консервные банки, стреляные гильзы. От малейшего прикосновения к проволоке все это начинает страшно греметь. А у самой воды — минные поля. «Подходов к мосту нет», — определил Василий и вопросительно глянул на друзей. Все молчали. По речке промчались сторожевые катера. «Волну поднимают, как торпедные катера», — подумал Вася.

И внезапно он представил, как по течению мчатся на фермы моста несколько торпед. «А что если и вправду так сделать. Ведь другого выхода нет!» И юноша обратился к друзьям:

— Есть план.

Ночью далеко от моста вошли в воду три партизана. Перед собой каждый из них толкал небольшой плот, связанный из сухих веток. На плотках — взрывчатка. Течение подхватило и понесло смельчаков...

Сколько минут плыть? Пятнадцать, двадцать? А что потом?

Они оставят плоты со взрывчаткой под опорами моста, а сами поплывут дальше.

И вдруг над головой ярко вспыхнула осветительная ракета. Что-то хлестнуло по воде рядом с Василием. Послышался треск автоматных очередей.

— Помогите! — глухо прозвучало вблизи. Вася обернулся и увидел плот товарища, одиноко кружившийся по воде. Вася протянул руку, подтащил плот к себе. И в ту же минуту увидел, как пулеметная очередь накрыла второго товарища.

«А я все-таки доплыву. Меня вам не убить!» — упрямо повторил про себя Василий. И он плыл, словно живая торпеда, неся врагу смерть.

Пуля обожгла правое плечо, но Василий еще яростней греб левой рукой. «Доплыву, доплыву!»

Вот уже мост над головой. Прижав плоты со взрывчаткой к одной из опор, Василий зубами выдернул чеку детонатора.

Страшный взрыв потряс стальную громаду моста,— и он с грохотом провалился в черную пасть реки.

Задание было выполнено, но при этом погиб юный партизан, воспитанник пионерской дружины Погорельской средней школы на Черниговщине — Василий Коробко. Память о нем будет жить вечно.

...Пионеры выстраиваются на сбор. Председатель совета дружины командует:

— Дружина, к выносу знамени стоять смирно! Проходит мгновение... другое... В торжественной тишине звучит ясный голос правофлангового:

— Почетный знаменосец дружины Василий Коробко погиб смертью героя в бою против фашистских захватчиков.

Минута молчания, и внезапно тишину разрывает дробь барабанов, звук горна. Чеканя шаг, юный знаменосец в сопровождении ассистентов выносит пионерское знамя, отбитое у врага Васей Коробко. Ветер колышет красное полотнище, и оно, словно неугасимое пламя, реет над пионерским строем как символ бессмертия тех, кто отдал свою жизнь за счастье Советской Родины.

Б. АДАМОВИЧ

САМОЕ СИЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Черная влажная земля, освободившись от снега, словно дышала. Глубоко, жадно. И от нее поднимался, едва-едва колеблясь, легкий парок.

Ноги, будто налитые свинцом, тяжелые, еле двигаются. По-зади долгий ночной переход.

Наконец, привал. В лощине, на талой холодной земле, расположилась группа людей.

Тишина... Ох, какая стоит вокруг тишина... И ничто, кроме оружия на коленях, на груди, в руках людей, не напоминает сейчас о войне. Партизан никогда не расстается с оружием.

Ест, спит — оно всегда при нем.

В центре кружка ладный, крепкий паренек. Это — Миша Глазок. К нему прикованы сейчас все взгляды.

Мальчик не заполнял анкет, не писал заявлений. Просто по-дошел к комсorghу Марии Коваленко и сказал: «Хочу быть комсомольцем».

И вот идет заседание комсомольского бюро.

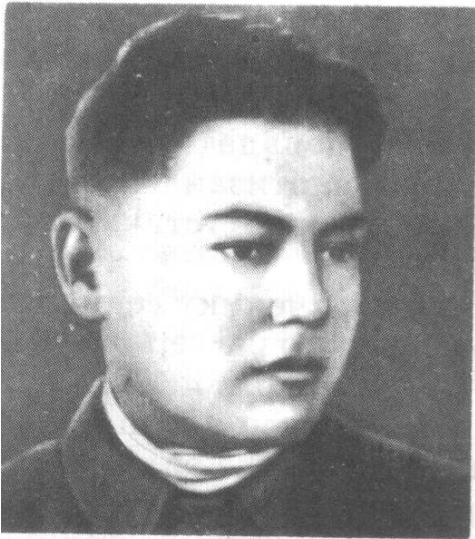
— Год рождения?

— 1928-й...

Кто-то интересуется образованием, социальным происхождением. Его обрывают:

«Спрашивай по существу!..»

— Хорошо ли стреляешь?

Миша Глазок

— Стрелять умею,— скромно отвечает Михаил.

Ненависть к врагу сделала его глаза зоркими, а руку твердой. Не в учебные мишени, в фашистов надо попадать в бою. А мальчик был уже не в одной горячей стычке партизан с врагом.

— Хорошо стреляет,— уточнил кто-то из присутствующих.

— Кем хочешь быть?

Если бы год назад этот вопрос задали ему, ученику седьмого класса Ключовской школы, он, наверное, немного растерялся бы и не сразу ответил. Ему хотелось стать художником, передавать на полотне красоту родной земли. Или подняться над ней высоко-высоко и, держа в руках штурвал самолета, увидеть бескрайние поля, леса, крохотные квадратики зданий и синюю змейку реки. А часто в мечтах видел себя в форме пограничника у полосатого столба с надписью «СССР». И трудно было отдать предпочтение чему-нибудь одному, остановиться на чем-то окончательно.

Теперь колебаний не было. В каждом деле есть специальности самые сложные, самые трудные, а потому и самые почетные. Среди партизанских — это разведчики и подрывники. Михаил видел, каким авторитетом пользуются эти смельчаки, слышал рассказы об их бесстрашии. Когда в отряде появлялся двадцатилетний Володя Павлов, высокий, подвижный, веселый, мальчик не сводил с него восхищенных глаз. Он знал, что не одного-двух фашистов, а многих захватчиков и гору фашистской техники сразу, только за одну удачную операцию, может уничтожить подрывник.

Вот почему сейчас на вопрос, кем он хочет быть, Михаил ответил твердо и уверенно:

— Подрывником.

Четырнадцатилетний мальчик понимал, что его долг — быть там, где труднее, опаснее. Проголосовали.

— Теперь держись, чтобы никто тебя и не заподозрил в трусости...

Это было и поздравлением, и напутствием одновременно.

Вскоре в партизанский «университет» подрывников был зачислен мальчик, который еще не вырос из пионерского возраста.

Не за партой проходил науку вчерашний школьник. Учился читать рельеф местности, в темноте ночи успешно решать уравнения со многими неизвестными, чертить смертоносные

для врага узоры под железнодорожной колеей.

Вместо школьного ранца, юный подрывник нес на себе по восемь — десять килограммов тола, — иногда 10—12 километров от партизанской базы до места запланированной диверсии.

Вспомните, как трудно иногда бывает спокойно и сосредоточенно высидеть за партой 45 минут урока. Непоседливый и подвижный, как все в четырнадцать-пятнадцать мальчишеских лет, Миша терпеливо и безмолвно, порой под обстрелом, часами выжидал под носом у гитлеровцев благоприятного момента для минирования. Рукам, которые могли бы на уроках физики собирать интересные электрические схемы, пришлось подключать детонаторы к шашкам взрывчатки.

На железнодорожных участках Ковель—Сарны, Брест— Минск сдавал «экзамен на зрелость» подросток Михаил Глазок, а не в стенах школы.

Уже на равных с Володей Павловым и другими признанными мастерами подрывного дела выходил Миша на боевые задания. Номером первым. Это значит, он делал самую опасную работу. Он отвечал за качество минирования. На его личный счет заносили результаты диверсии.

Вот как описал свой первый самостоятельный выход на минирование М. Глазок: «...Я и мой второй номер Михаил Шкут притаились в ста метрах от насыпи в ожидании

установленного времени для начала работы. Чувствую, что волнуюсь, но не хочу этого показать Михаилу: волнение — враг подрывника. Вижу, что Шкут тоже нервничает.

Прижавшись к земле, он лежит рядом со мной и сдержанно посапывает, когда я скашиваю глаза в его сторону. Время истекло. Я подал Михаилу сигнал, и мы бесшумно поползли к насыпи... Пробежав по шпалам не-сколько метров, присели и взялись за работу.

Михаил расстелил плащ-палатку между рельсов, лег на нее и начал рыть под шпалой яму.

Я, стоя коленями на шпалах, чтобы не оставлять следов на земле, внимательно готовил механизм мины.

Подготовительные работы приближались к концу, когда со стороны будки вспыхнул пламегаситель немецкого пулемета-универсала, и над нашими головами просвистели трассирующие пули. В небо взвилась ракета. От ослепительного света все вокруг заколебалось, яркие блики забегали по земле. Когда ракета погасла, я поднял голову: впереди непроглядная тьма с одиноким огоньком в будке. После вспышки ракеты он казался совсем бледным и далеким. Пулеметная стрельба повторилась в том же направлении, только дальше. Было ясно, что кто-то из подрывников обнаружен охраной. Нельзя терять ни минуты, надо закончить установку мины.

Стрельба слева не прекращалась — там завязался бой. Пользуясь суматохой, мы быстро работали. Наступил самый ответственный момент — установка детонатора. Я поставил МЗД на десятикилограммовый заряд тола, отвел детонатор в сторону и подсоединил к концам электрической цепи. Если механизм смонтирован неправильно, в эту минуту детонатор должен взорваться. Но все обошлось благополучно. Детонатор установлен в заряд.

Шкут начал засыпать яму. Все готово. Я достал из кармана маленькую метелочку, связанную из травы, отцепил от пояса флягу с водой и, дождавшись, когда Шкут положит на место верхний слой земли, принялся маскировать мину. Установка мины закончена. Миша взвалил на плечи плащ-палатку, в которую была завернута оставшаяся земля. Чтобы за-путать следы, прошли по шпалам метров 70—80 вдоль линии, потом бесшумно скатились с насыпи и только там, в лесу, высыпали остатки земли».

На этой мине подорвался вражеский эшелон, пошел под откос с фашистами и техникой. Он был записан на личный счет юного подрывника Михаила Глазка.

А потом еще восемь эшелонов и, кроме того, участие в многочисленных диверсиях в качестве второго номера.

За мужество и героизм, проявленные юным партизаном, он был награжден орденом Ленина.

И все-таки был случай, когда возраст едва не подвел Михаила, хотя он и успел немного подрасти.

«Дети до 16-ти лет не допускаются...» Нет, не в кино...

Фронт подходил к государственной границе. Партизанское соединение, в рядах которого был М. Глазок, расформировали. Но Михаил не вернулся домой, хотя и мог это сделать. Он пошел в группу парашютистов-десантников, которую готовились забросить во вражеский тыл за пределами нашей Родины.

И надо же случиться такому! Перед самой отправкой медики пришли к заключению, что несовершеннолетнему нельзя прыгать с парашютом. Тем более — в тыл врага...

Но в военное время, кроме заключения врачей было и другое— более сильное— зов своего сердца, которое не могло биться спокойно, пока шел бой с фашизмом, выводы собственного разума, который подсказал, что делать.

Среди смельчаков-десантников, заброшенных в глубокий тыл врага, был и шестнадцатилетний Миша Глазок. Там, в Словакии, он стал командиром отдельного взвода, в котором бойцами были разведчики, по возрасту годившиеся ему в отцы. Снова туда, где труднее всего, где опасней всего...

*

В Ключовской школе на Черниговщине есть музей. Там среди других экспонатов — небольшая книжка «Лесные солдаты». Ее написал инженер одного из харьковских предприятий Михаил Максимович Глазок, бывший ученик школы. Это автобиографический рассказ о том, как мужали мальчишки в грозные военные годы.

«В Киеве мы сдали на склад свои автоматы и пистолеты, с которыми прошли тысячи километров по тылам врага. Но самое сильное, самое верное и безотказное оружие осталось с нами на всю жизнь. Это оружие на склад не сдается. Имя ему — любовь, любовь к родной Советской земле»,— такими словами заканчиваются записки партизана.

Г. ЛИТВИНОВА

“НЕ ПОДВЕДУ ТЕБЯ, КОМИССАР!”

Тревожной декабрьской ночью сорок второго года начальник разведки отряда имени Щорса номер два Геннадий Мусиенко привез из села Соловьяновки небольшого мальчика. Мальчик был очень худой, одежда висела на нем, как на вешалке, в больших голубых глазах застыла тоска.

Партизаны начали было расспрашивать новичка, но Мусиенко не позволил.

— Не трогайте его! — строго сказал он.— Горе у человека, а вы с разговорами...

И тихо добавил:

— Отец его еще до войны умер. А мать вчера каратели расстреляли. Сирота.

С этой ночи Володя Казначеев стал сыном отряда...

Вышло так, что беспокойная партизанская судьба занесла в это время и меня в отряд имени Щорса номер два.

Комиссар отряда Аким Захарович Михайлов с первого дня появления Володи Казначеева взял его под свою опеку. И если отряд имени Щорса стал для Володи семьей, то комиссар — отцом. Не то чтобы особенно и баловал его. Аким Захарович был суровым, немногословным. Очень высокий, худощавый, в шинели, перетянутой накрест двумя тонкими, потрескавшимися ремнями, он чем-то напоминал комиссаров гражданской войны. Такому человеку не солжешь, не покривишь перед ним душой. Любимчиков комиссар не терпел. А случится беда — он всегда рядом.

Летом сорок третьего во втором отряде имени Щорса, как и во всех других отрядах нашего партизанского соединения, был сформирован взвод подрывников. Узнал об этом и Володя. Пошел к командиру подрывников, попросил:

— Возьмите и меня.

Но командир был чем-то занят. Отмахнулся от мальчика.

— Тоже подрывник нашелся! Сиди в лагере да щи хлебай! Володя чуть не заплакал от обиды. К этому времени он уже возмужал, окреп. Принимал участие во многих боях, которые вел отряд.

К тому же Володя, родившийся в Брянском лесном краю, с колыбели знал лес, понимал его таинственные письмена: читал следы, как книгу с крупным шрифтом, в темную ночь мог найти дорогу. Он безошибочно определял, какая ветка треснет, а какая согнется бесшумно, умел развести костер в любую погоду, соорудить из коры шалаш. Словом, к этому времени Володя Казначеев стал настоящим партизаном.

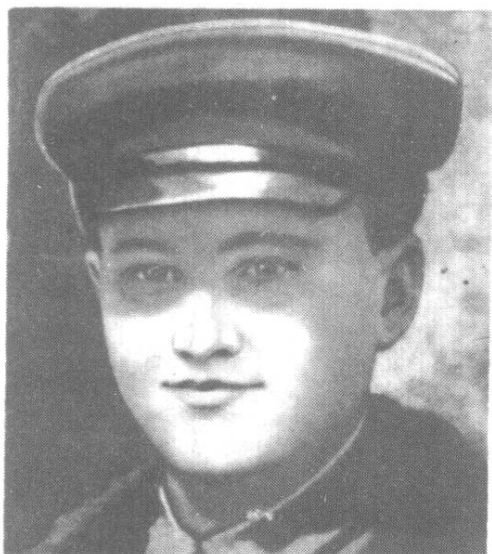
Подозрительно пошмыгивая носом, пришел он в штаб к комиссару. Аким Захарович выслушал его путаное объяснение, помолчал минуту. Потом спросил:

— Твердо решил стать подрывником?

— Твердо, товарищ комиссар.

— А знаешь, какая работа у подрывника? У каждого партизана смерть за плечами стоит, а у подрывника — сразу две. И от вражеской пули, и от собственной мины. Справишься? Не подведешь?

— Не подведу. Честное пионерское. Так Володя стал подрывником.

Володя Казначеев

Он сказал правду — не подвел своего комиссара. Железную дорогу Ковель—Брест, на которой действовал отряд имени Щорса, гитлеровцы охраняли особенно тщательно: она шла вдоль фронта и по ней перебрасывали живую силу, технику с одного направления фронта на другое. Почти на каждом километре железной дороги был дот или дзот. Некоторые участки обнесли колючей проволокой и освещали прожекторами. Через каждые полчаса по линии проходил патруль, проезжали вооруженные пулеметами дрезины. По обеим сторонам железной дороги лес был вырублен, а из поваленных стволов сделаны завалы.

Словом, и комиссар отряда, и командир, и его заместитель по диверсионной работе сначала не решались послать Володю на самостоятельное задание: слишком еще мал был мальчик. Но Володя не терял времени. Он оказался одним из лучших слушателей “лесной академии” — кратковременных курсов, на которых готовили подрывников.

Как раз в это время подрывники осваивали новую технику— мину МЗД-5, которую только что прислали с Большой земли. Это была мина особой конструкции, ее можно было установить и на полчаса, и на четыре месяца. Все это время по тому месту, где была установлена мина, свободно могли ходить поезда. А когда наступал срок и мина “дозревала” —она внезапно взрывалась под первым же поездом.

Если поставить несколько десятков таких мин с разными сроками замедления, то “дозревание” происходит каждый день — под откос летят вражеские эшелоны. Пospевай лишь восстанавливать колею! Фашисты сбивались с ног в поисках диверсантов, а их и след простыл — уже ставят мины совсем в другом месте.

Новая мина, в отличие от старых, какими подрывники пользовались до этого времени, была гораздо сложнее и “норовистой”. И научиться ставить ее было не очень-то легко. Однако Володя изучил эту мину так, что мог с завязанными глазами, на ощупь, собирать ее, ставить, подключать капсуль-детонатор, вытаскивать предохранитель. Поэтому командование отряда решило поручить ему самостоятельно ставить мины. И не ошиблось.

Далеко не всем диверсионным группам удавалось добраться до железнодорожного полотна, поставить мину, “принести эшелон”, как шутя говорили подрывники. Но группа, с которой ходил Володя, неизменно возвращалась с удачей. И даже комиссар Аким Захарович Михайлов, вообще скупой на похвалу, однажды после возвращения Володи с очередного задания похлопал его по плечу, обнял и тихо сказал:

— Молодец!

Накануне 26-й годовщины Великого Октября комиссар Михайлов поехал в центральный лагерь соединения и взял с собой Володю, который к тому времени пустил уже под откос не один вражеский эшелон. Комиссар хотел, чтобы Казначеев сам рассказал командиру соединения, секретарю подпольного Вольнского обкома партии Алексею Федоровичу Федорову о своих успехах.

Дорога от места расположения отряда имени Щорса до центрального лагеря не близкая. Но она хорошо знакома была всем, кто ехал вместе с комиссаром и Казначеевым. Хоть и знакомая, но кто его знает, что тебя ждет впереди! За каким поворотом, за каким кустом притаился враг? Что кроется за тишиной партизанского леса? Потому и двигался отряд осторожно.

Впереди верхом на коне — Володя Казначеев. Проскачет немного вперед, посмотрит, что там за пригорком или за поворотом, и махнет тем, кто позади: мол, порядок, дорога свободна.

Сегодня Володе все по душе. И то, что у него за спиной новенький автомат, и не какой-то немецкий “козел”, а настоящий ППШ, который ему вручили, как одному из лучших диверсантов. И то, что комиссар доверил ему коня. И что сам он, Володька, в разведке впереди. И, наконец, то, что до Любешова уже недалеко, а в Любешове расположена партизанская застава и, следовательно, конец походу. А сегодня шестое ноября, и выходит,

что праздник Октября он, Володька, будет встречать в центральном лагере... Одного лишь не знал Володя, что на околице Любешова его подстерегала беда.

За одним из поворотов Володя внезапно увидел вооруженных людей. Их было довольно много, они стояли и сидели на обочине, спокойно поглядывая на приближавшегося к ним Володю. Рядом кони щипали осеннюю траву. Володе и в голову не пришло, что здесь, возле партизанской заставы, мог очутиться враг. “Ребята из кавэскадрона”, — решил он.

— Иди-ка сюда, друг! — крикнул Володе какой-то здоровенный парень, поднимаясь на ноги. Казначеев взглянул внимательней и замер: на белой папахе чернел трезубец — эмблема бандеровцев.

В голове лихорадочно заметались мысли: “Как быть? Скакать назад? Мигом подстрелят. Метнуться направо или налево, в кусты? А комиссар? А остальные? Нельзя — попадут прямо в руки врагам... Как же быть?”

— А ну-ка, давай, пошевеливайся! — крикнул здоровила, поднимая винтовку. Бандит, очевидно, тоже рассмотрел красное партизанское лычко на фуражке Казначеева.

— Иду, иду! — откликнулся Казначеев, осторожно высвобождая ноги из стремян. — Но!..

Резким движением Володя спрыгнул с седла и распластался на земле. Бандит запоздал на мгновение — его пуля просвистела в воздухе. Вторая свалила коня, и он с жалобным ржанием тяжело упал на колени. Володя в ответ ударил длинной очередью из автомата и короткими перебежками, петляя среди кустов, побежал к своим. Вдогонку ему застрочил пулемет, рванула граната... Но главное было сделано — комиссар и командир отряда, услышав выстрелы, сразу свернули с дороги. Если бы не Володя, они через несколько шагов очутились бы в руках врага...

Я рассказал лишь несколько эпизодов из Володиной жизни. Но, может быть, и этого довольно, чтобы понять, как мы все обрадовались, когда в День Победы узнали, что Володя отмечен высокой наградой Родины — орденом Ленина.

Бывают такие люди, которые с первой же встречи и на долгие годы остаются главными в твоей судьбе. В жизни Володи таким человеком стал комиссар Михайлов. Они и после войны не разлучались. Володя приехал в Херсон, где Аким Захарович стал заместителем председателя горсовета, и поступил в мореходное училище.

Пока учился, жил у комиссара, расставаясь лишь на время учебных плаваний. Вместе гуляли они после работы, вместе ходили на охоту и на рыбалку.

Шли годы. Давно отгремели бои в партизанских лесах. Нет уже в живых Акима Захаровича. Владимир Петрович Казначеев стал морским инженером. Но и теперь, когда он берется за сложное и трудное дело, когда ему что-нибудь не удастся, он вспоминает Акима Захаровича Михайлова и говорит себе: “Нет, не подведу тебя, комиссар!”

И становится легче. И отступает беда. И трудное не кажется трудным.

Адель Литвиненко

В. ПАВЛОВ, Герой Советского Союза

СВИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Каждый раз, когда поезд приближается к Киеву, сердце Адели Николаевны на мгновение замирает, и что-то теплое и трепетное перехватывает дыхание. Волнуется, будто вот-вот увидит дорогого, близкого человека, встреча с которым всегда — счастье. Она идет киевскими улицами, спешит, озабоченная серьезными делами, — и все равно ее не покидает это удивительное чувство. Словно идет на свидание.

Города чем-то похожи на людей. У каждого свой неповторимый облик, свой характер. Страницы жизни любого человека всегда неразрывно связаны с биографией городов и сел. Жизнь сплетается с историей города, сливается с героической биографией народа, Родины. Поэтому каждый приезд в Киев для Адели Николаевны — это встреча с милым далеким детством. Это — вспышки страшных, как взрывы бомб, воспоминаний о том, что вмиг оборвало его. Это — свидание с послевоенной юностью, трудной и прекрасной, со светлыми мечтами и надеждами, которые осуществились, которые сбылись.

«ХОЧУ БЫТЬ ВОЕННОЙ...»

...Адель Николаевна выходит на привокзальную площадь. И словно видит...

Одиннадцатилетняя Аделька, чернявая маленькая девочка, вместе со своим пионерским отрядом пришла сюда, где уже собрались тысячи пионеров.

Кастилия... Астурия... Бискайя... Каталония... Совсем недавно это были просто красивые, звучные, непонятные слова. Теперь — не так. Не из учебников узнала третьеклассница, где течет река Эбро, и не на уроке услышала такое трудное и длинное название — Торрехон де ла Кальсада.

Сколько раз поздно вечером, перед сном, она расстилала на полу комнаты большую карту и всматривалась в каждую толчку, черточку, кружочек. Разве она так далеко, эта Испания?.. Как добраться туда?.. В трюме парохода? А может быть, пойти пешком?.. Там бьются с фашистами мужественные, свободолюбивые, героические люди. Им нужно помочь!

Маленькая пионерка брала отцовскую «Правду» и искала, что там написано об Испании.

«В деревне Рамбла, в провинции Кордова, фашисты убили камнями на деревенской площади всех жен антифашистов. Матери падали с младенцами на руках...»

Она читала эти строки, сжимая кулачки, и не думала, что через несколько лет своими глазами увидит такие же страшные картины на родной земле.

Тогда она не могла даже представить, что пушки Круппа, которые расстреливали Мадрид, станут бить по Киеву, а смертоносные «юнгерсы», сбрасывающие бомбы на беззащитных испанских женщин и детей, разбомбят эшелон, в котором будет ехать ее мать с маленькими сестричками.

Всем своим существом девочка стремилась быть в рядах бойцов, сражавшихся против фашистов, мечтала быть вместе с республиканцами Испании. Она не знала тогда, что скоро уже не в мечтах, а в действительности будет сражаться с фашистами.

А сейчас киевские пионеры встречают черноглазых испанских детей. У Адели глаза тоже темные-темные. Но в них еще нет отблеска войны, как у Пепиты, Люсии, Карменситы и других девочек, которых спасла от страшной опасности, приголубила Советская страна. Сегодня Адель радуется приезду детей республиканцев в Киев и кричит вместе со всеми: «Салют! Вива Испания! Но пасаран!»

...Адель Николаевна идет по улице Горького. Как все изменилось вокруг! Но и среди новых высоких зданий ей нетрудно отыскать памятную тропинку и сказать ей: «Здравствуй!» У каждого советского мальчика или девочки была и есть такая тропинка. Иногда — в несколько шагов, бывает — и в километры длиной. По асфальту или по земле, в разные годы, но всегда в один и тот же сентябрьский день впервые меряют ее длину маленькие ноги семилетнего человека. И с того дня ходят по ней почти ежедневно. От дома — до школы. До тех пор, пока эта тропинка не выведет на широкую жизненную дорогу.

В годы, когда пионерка Адель бегала по этой тропинке в школу, одноклассники почему-то

называли ее... Леваневским. Почему? Кто знает... Леваневский был одним из семи летчиков, которые за спасение челюскинцев первыми в стране были удостоены звания Адель Литвиненко Героя Советского Союза. Адель никогда не мечтала стать летчицей.

И разве мог тогда кто-нибудь пред-видеть, что их школьная подруга, девчонка, которая могла порой и всплакнуть, в будущем тоже, как Леваневский, будет удостоена высшего отличия — Золотой Звезды — и люди назовут ее Героем.

Челюскинцы. Папанинцы. Стахановцы. Пятисотенницы. Ими восхищались и взрослые, и дети. В детстве Адель собирала в заветную папку вырезки из газет и журналов, фотографии героев-орденоносцев, рассказы об их жизни.

«Как они стали такими? — не раз думала пионерка и при-ходила к заключению:— Это совсем особенные люди!..»

Однажды в журнале «СССР на стройке» встретился ей очерк о женщине-танкисте. «Значит, можно стать военной, как отец», — обрадовалась Адель. Портрет Нины Пыжовой не попал в папку. Он украсил стену над кроватью девочки, а женщина-танкист стала воплощением ее мечты.

«Я обязательно буду военной», — решила Адель. И не знала тогда, что путь к исполнению заветного желания будет неожиданным и кратким.

...Красивая чернявая женщина идет по улицам Киева. Ни-что не напоминает в ней военного человека. Вспоминает: «Уже 22 июня 1941 вот здесь упали первые бомбы. Я тогда была такой... как эти девчущки...» Темные глаза приветливо и ласково смотрят на стайку школьников с красными галстуками. А воспоминания уносятся дальше... И внезапно их перебивает вопрос. Смешной и неожиданный:

— Извините. Скажите, пожалуйста, это — вы? Я вот говорю, что это вы, а они не верят...— смущенно и путано спрашивает девочка, одна из тех, что сейчас пробежали мимо нее.

Выручает подруга. Добавляет:

— Ваша фамилия Литвиненко? Вы работаете на прокатном стане?..

Ее узнали. Так было уже не раз. Много писем приходит и в Макеевку. С предельно кратким адресом: «Герою войны и труда». Особенно от пионеров. Теперь уже они вырезают из га-зет и журналов портреты Адели Николаевны. И, как она когда-то, считают: «Это—особенный человек!» А разве не так?

С пятнадцати лет на фронте. В восемнадцать у нее уже три ордена Красной Звезды. Имела четыре ранения, и все же после войны по комсомольской путевке поехала на восстановление Донбасса. Хотя была инвалидом I группы, сумела вернуться к труду - Стала оператором прокатного стана. И работала так, что заслужила звание Героя Социалистического Труда. Коммунисты послали ее делегатом на XXIV съезд КПСС. Избиралась депутатом Верховного Совета УССР нескольких созывов. Вот какой это человек!

Но мальчикам и девочкам очень важно знать, какой она была в детстве, когда носила красный галстук, и ни один чело-век еще не знал, что Адель станет героем.

ПОДАРОК

...Адель Николаевна останавливается у витрины с детскими игрушками. Что же ее тут так заинтересовало? Сын Женя уже вырос, из армии вернулся. В куклы не играет. А она рассматривает именно их. Особенно одну, голубоглазую. Похожа... Ох, как похожа на ту... Наверное, тоже говорит: «Ма-ма» и глаза закрывает и открывает.

Как ей тогда самой хотелось жалобно протянуть: «Ма-а!» Позвать маму, чтобы приголубила, пожалела.

— Мамочка, где ты? Что с тобой, с сестричками? Куда вы пропали, когда я побежала за кипятком? Говорят, эшелон разбомбили. Неужели я тебя не увижу никогда-никогда?..

Ноют раны. Маленькая, раненая, она лежит на госпитальной койке. Больно. А слез нет. Уже позади бой. Ее первый настоящий бой с фашистами.

Две гранаты на поясе — вот и все оружие связного Юрки. Так назвал девочку командир

батальона, подобранный ее на железнодорожной колее. Тогда он строго предупредил:
— После боя поедешь к моим родителям, а сейчас некогда с тобой возиться. Начинается наступление. Наступление! Наконец-то наступление!

— Будешь связным,— приказал капитан Панкратов, когда батальон занял исходные рубежи. Маленький, юркий, как ящерица, связной с приказами комбата пробирался окопами и траншеями к командирам рот. Тот-час возвращался с донесениями. Ловкими руками чинил поврежденный телефонный кабель.

Совсем близко враги. Их надо прогнать, выбить из Ростова.

— Вперед!

Выскочили из окопов. «Впе-е-ред!» И побежали. Строчили пулеметы. Взвизгивали мины. Свистели пули, как в знакомых с детства кинофильмах про войну. А из-под сапог летели, как камни, комья грязи, скованные морозом.

Адель бежала вместе с красноармейцами. Спотыкалась. Путалась ногами в длинных брюках, которые где-то раздобыл для нее старшина. Сковывала, стесняла движения тяжелая шинель. А она бежала. Падали, как подкошенные, люди. Но никто не останавливался. Девочка с ходу перепрыгнула через что-то неподвижное в серо-зеленой шинели. Фашист! Убитый!.. Таким она впервые увидела врага. Не испугалась. А еще быстрее побежала вперед.

Гнать, гнать их прочь! Бить! По-настоящему страшно стало не тогда, а потом, когда Адель увидела на отбитых у оккупантов улицах Ростова виселицы и маленькие неподвижные тельца замученных детей. Ох, жуть!

На территории завода «Ростсельмаш» шел яростный бой.

— Юрка! А ну-ка, скорей патроны!

Адель подносит их. И вдруг — вспышка, ослепительная, как молния. Что-то полоснуло по ноге, словно кто-то дал подножку. Упала, и в это мгновение обожгло руку. Пополз туман... и почему-то прекратилась стрельба. Скорее почувствовала, чем увидела: кто-то наклонился над ней, что-то сказал...

Очнулась — вся в бинтах. Запах лекарств. Справа и слева бледные незнакомые лица.

Открылись двери — радость какая: капитан Панкратов и Володя Савицкий. Пришли, словно к дочке и сестричке.

— Здравствуй, Аделька! Поправляйся скорей. Ты же именинница через два дня. Хитрая! В день Октябрьской революции родилась. Все празднуют твой день рождения. Поздравляем с двадцать четвертой годовщиной Октября. Теперь ты — на-стоящий воин Красной Армии. Приняла боевое крещение. Вот тебе...— и капитан Панкратов вручил Адели красноармейскую книжку.

А сержант Володя протянул ей большую куклу:

— Это тебе подарок в день рождения от нас всех. Никогда в детстве у девочки не было такой красивой игрушки. К тому же кукла говорила: «Ма-а», закрывала и открывала глаза.

Адель поблагодарила, радостно улыбнулась. Прижала ее здоровой рукой к себе и подумала: «Спасибо, дорогие! Ближе вас никого у меня сейчас нет. Спасибо за внимание, за ласку. Вот куклу принесли — думаете, что я еще ребенок... А я ведь и вправду совсем недавно была ребенком, школьницей. И такой чудесной кукле очень бы обрадовалась. А сегодня смотрю на нее, а думаю совсем о другом... Перед глазами — виселицы в Ростове и расстрелянные ребятишки, чуть побольше этой куклы... Они уже никогда не откроют глаза и не скажут: «Мама». Какой же взрослой я теперь стала! И какой мне надо быть сильной... Я постараюсь... Я уже не плачу. И красноармейской книжке обрадовалась больше, чем кукле... Как в ней написано? Литвиненко Адель Николаевна, красноармеец. Это я теперь — красноармеец, солдат!...»

Это было 5 ноября 1941 года. Седьмого ноября Адели исполнилось пятнадцать.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

...Девочки-школьницы в синих, малиновых, белых рези-новых шапочках прыгают в воду и

плывут, догоняя друг дружку. Вода в бассейне, прозрачная и чистая, отливает бирюзой. А на ней вспыхивают и играют отблески солнца. Красиво!

Не могут воспоминания всегда, неотступно, как тень, ходить за человеком. Бывают и такие минуты, когда человек просто радуется жизни — солнцу, небу, красоте. Как сейчас.

— Адель Николаевна, вы плавать умеете?..

Кивнула головой и снова засмотрелась на девчат.

И не вспомнила, что ей уже пришлось однажды услышать такой вопрос.

...Трудно было разобрать, услышать слова в грохоте жаркого боя. Со всех сторон, лязгая, фыркая, гремя, ползут огромные неповоротливые чудовища, закованные в броню. И, как пасти сказочных страшных чудовищ, жерла орудий изрыгают огонь и дым. А вверху, над головой, свирепо воют десятки моторов. И... взрывы, взрывы, взрывы. Сверху, спереди, со всех сторон...

А маленький плацдарм на переправе держится. Он еще наш, наш! За него будут биться до последнего дыхания те, кто еще может стрелять... Вот тогда и прозвучал вопрос:

— Ты плавать умеешь? — и комиссар полка приказал Адели переплыть на левый берег Дона.

Не яркая резиновая шапочка, как у этих девочек, а тяжелая металлическая каска была тогда на голове юной пловчихи. А под ней — донесение, написанное комиссаром. О том, как отчаянно, до последнего дыхания бились с врагом, какие тот понес потери. И фамилии самых отважных, представленных к наградам.

Не веселые солнечные зайчики, а всплески от пуль танцевали на воде. Рывок, еще рывок из последних сил — и вот уже твердая земля под ногами. В пакете, доставленном в штаб Аделькой, была и ее фамилия. За отвагу в бою, за переправу близ донской станицы девочка получила тогда первый орден Красной Звезды.

СНОВА ЗА ПАРТОЙ

...А на этой улице в 1944 году была 45-я киевская женская школа. В один октябрьский день среди сотен девочек в платьях появился старший сержант — в шинели, брюках и гимнастерке. На гимнастерке горели три ордена Красной Звезды. Старший сержант сел на свободную парту в восьмом классе.

Все с любопытством рассматривали новичка. Короткая мальчишеская прическа. А глаза... Такие бывают только у украинских девчат — «темі, як нічка, ясні, як день». И где-то в глубине притаившаяся сдерживаемая боль. Адель не могла, как ее новые подруги, выпорхнуть во время перемены на школьный двор или взбежать на третий этаж, где был ее класс. Ведь не так много дней прошло с тех пор, как еле живую девочку с перебитым позвоночником вытащили из-под артобстрела.

И не беда, что приходится время от времени лежать в по-стели. Главное — она ходит. Пусть с палочкой, прихрамывая, но самостоятельно передвигается. Говорят, после такого ранения — это просто чудо. И никто не знал, как трудно бывает сержанту высидеть сорок пять минут урока.

Увидев пустое место за ее партой, одноклассницы молча переглядывались. Понимали: опять лежит. У чужих людей. Отец погиб. О матери до сих пор ничего не известно. А сама — инвалид. Что же делать? Значит, лежать в постели, пить лекарства и ждать, когда отступит боль, когда станет легче?! А время идет. Адели уже восемнадцать, а она только в восьмом классе. Три года на фронте, многое забыла, хотя училась до войны хорошо.

Холодно... Электролампочка, словно тлеющий фитилек. Еще не на полную мощность работает электростанция. В городе затемнение — война еще не закончилась. Но близка победа. А она уже отвоевалась. Но отдыхать нельзя. Не то время. Не тот характер. Бойцы не сдаются никакому врагу, даже когда этот враг — собственная беспомощность.

Адель ни за что не бросит учебу. И на восстановление Крещатика выйдет вместе со всеми. Еще и на танцы пойдет — вот увидите! А потом, возможно, станет геологом. В помещении

школы находится геологоразведочный техникум. Вот окончит его и будет лазить по горам, ходить по тайге, искать полезные ископаемые... Надо только не терять времени. Скорее окончить школу.

И она сидит над книжками. С утра до вечера. Без выходных. За неполный учебный год оканчивает восьмой и девятый классы.

День Победы Адель встречает уже десятиклассницей.

*

Детство далеко-далеко. А пионерский галстук с ней. Герой Социалистического Труда Адель Николаевна Литвиненко — почетная пионерка нескольких отрядов и дружин, носящих ее имя. В Алма-Ате и Тирасполе, в Макеевке и селе Навария на Львовщине, в городе Зубцове Калининской области, в Ростове, в Бузулуке — во многих городах и селах живут ее хорошие друзья — юные пионеры.

Тысячи писем, множество вопросов приходят в ее адрес.

Адель Николаевна не в состоянии всем ответить — приходят на помощь радио и телевидение. О ней снят фильм, написано немало строк в газетах и журналах, советских и зарубежных. А дети хотят знать о ее жизни все новые и новые подробности.

Биография ее проста и вместе с тем незаурядна.

Во время войны была прекрасным солдатом. В мирные дни стала замечательной работницей. Всегда с увлечением, на со-весть делала то, что нужно было Родине. Людям. А значит, и ей самой. Защищала родную землю, училась, работала в полную силу, не жалея себя.

Г. ЛИТВИНОВА

ВОДРУЗИЛ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Боря учился в семилетней гомельской школе, когда началась война против фашистской Германии. Фронт приближался к родному городу. В доме Цариковых разместились советские командиры. Мальчик все время был с бойцами, выполнял их поручения, вместе с ними изучал военное дело. Смысленный, проворный, он быстро научился пользоваться оружием, ставить мины, маскироваться.

Бои шли уже на подступах к городу. Отец мальчика, опоясавшись пулеметной лентой и взяв в руки винтовку, ушел на передовые позиции. Вскоре пришла весть о его гибели. В город ворвались оккупанты. Как-то раз, когда Боря лазил по обвалившимся окопам, разыскивая тело отца, гитлеровцы забрали мать и младшего братика Толю.

Боре удалось бежать в село к деду. Он начал помогать ему в кузнице. Однажды распахнулась дверь, и на пороге появился фашист. Он что-то выкрикнул по-немецки. Дед озадаченно пожал плечами, не понимая, чего от него хотят. Тогда немец навел на грудь кузнеца автомат и равнодушно выпустил из него короткую очередь. Дед, охнув, повалился к ногам мальчика. Так же равнодушно бросив взгляд на убитого им старика, фашистский палач повернулся к выходу.

Дальше события развивались с молниеносной быстротой. Боря внезапно почувствовал, что его руки сжимают тяжелый молот. Не задумываясь, он двумя прыжками подскочил к немцу и что было силы ударил его молотом по голове. Взяв у врага автомат, мальчик выбежал на улицу. Гитлеровцы, которые слышали автоматную очередь, спешили к кузнице. Мальчик, отстреливаясь, побежал к лесу и там притаился.

...Двое суток пробирался Боря по заснеженному лесу. К счастью, он встретился с группой партизан прославленного на Гомельщине отряда Бати. Его привели к командиру. Боря стал разведчиком. Это было в декабре 1941 года.

Не раз Боре случалось выполнять ответственные задания, и всегда он приносил командованию отряда нужные сведения. Однажды ему удалось пробраться в штаб большого карательного отряда гитлеровцев, который намеревался окружить и уничтожить партизан. Но Борю выдал изменник, засланный гитлеровцами в партизанский отряд. Он успел предупредить карателей о том, что у них, возможно, появится юный разведчик. Борю схватили и бросили в застенки.

Ни побои, ни жестокие пытки не могли сломить волю двенадцатилетнего мальчика. Фашисты приговорили партизанского разведчика к расстрелу.

Грузовая машина с пленными и пятью конвоирами, свернув с полевой дороги, влилась в поток немецких войск, двигавшихся по широкому шоссе. И как раз в эту минуту в воздухе начал нарастать гул авиационных моторов. Над дорогой появились красноразведные штурмовики “Ил-2”. На головы гитлеровцев посыпались бомбы, снаряды.

В мотор грузовика, на котором везли юного пионера Борю Царикова, попал снаряд. Взрывом убило водителя и двух конвоиров. Трое солдат, оставшихся живыми, с перепугу забыли о юном разведчике и метнулись по направлению к лесу следом за бежавшими гитлеровцами. Более удачного случая для бегства трудно было желать, и Боря, воспользовавшись переполохом, собрал последние силы и перевалился через борт машины. Каждое движение причиняло невыносимую боль. Но мальчик дополз до спасительного леса и спрятался в густом кустарнике.

Еле живой вернулся Боря в отряд. Несколько дней отдыха — и снова боевые партизанские будни.

В начале 1942 года, после разгрома немецких войск под Москвой, гитлеровцы спешно перебрасывают на восток свои дивизии, боевую технику, боеприпасы. Однако благодаря смелым действиям советских партизан многие эшелоны оккупантов до линии фронта не доходили. Тогда фашисты, чтобы обезопасить свое движение по железной дороге, прибегли к крайним мерам. Вдоль всех путей вырубали лес, установили вышки с пулеметами и мощными прожекторами, все подходы к железнодорожной линии и к мостам заминировали, через каждые четыре телеграфных столба расставили часовых.

Гитлеровцам казалось, что они сделали все возможное, чтобы парализовать действия советских партизан. Но народные мстители не отступили. И в усложнившихся условиях они смело и решительно наносили чувствительные удары врагу.

Ночь... Боря в белом маскировочном халате, словно ящерица, подползает к железнодорожной насыпи. Лютый мороз пробирает до костей. Но ему нельзя даже шелхнуться, чтобы ненароком не выдать себя. Ведь вокруг него, всего в нескольких шагах, топчутся гитлеровцы.

Нестерпимо томительно тянется время. Но вот слух уловил гудение рельсов, мимо проносится автодрезина с пулеметной установкой.

“Ага! Значит, сейчас появится поезд”, — определяет про себя мальчик. И действительно, послышался гудок паровоза. Боря весь подобрался, готовясь к стремительному броску. Но тут же сдержал себя. По короткому перестуку колес на стыках почувствовал: что-то не так. Очевидно, хитрят фашисты. И точно! Из-за поворота появился паровоз, толкавший впереди себя пустую платформу.

“Ну, тебя мы пропустим, поезжай себе дальше, а вот тот, что идет за тобой вслед, очевидно, важный поезд, встретим, как надо, с музыкой”, — решил Боря. И как только прогрехотал паровоз, мальчик, теперь уже уверенно и быстро работая руками, по-пластунски вполз на насыпь, заложил под рельсы мину и так же, всем телом зарываясь в снег, пополз в направлении леса, где его ждала группа разведчиков.

Сзади прозвучал сильнейший взрыв и грохот. Железнодорожные платформы с многотонной техникой скатывались с насыпи и, наползая одна на другую, превращались в гигантскую

грудю покоренного металла. Как позже установила партизанская разведка, в эту ночь фашисты недосчитались 71 тяжелого танка.

За эту операцию Боря Цариков был награжден боевым орденом Красного Знамени. Через линию фронта его самолетом привезли в Москву. В Кремле Михаил Иванович Калинин лично вручил тринадцатилетнему пионеру правительственную награду. Командование хотело оставить Борю в Москве, но он настоял, чтобы его послали на фронт.

И снова бои. Теперь Боря — разведчик воинской части. За мужество и отвагу во время форсирования реки Десны 7 августа

1942 года его наградили вторым орденом Красного Знамени.

*

14 октября 1943 года часть, где служил Боря, подошла к Днепру. На противоположном берегу — родной белорусский город Лоев. Ночью Боря тихо вошел в ледяную воду, поплыл к берегу, занятому врагом. На рассвете он вернулся, принеся такие ценные сведения, которые помогли десантному отряду в тот же день прочно закрепить за собой плацдарм на противоположном берегу, а Боре — водрузить на освобожденной земле красное знамя части.

В тот памятный день 15 октября 1943 года Боре пришлось еще девять раз переплывать ледяные воды Днепра под яростным огнем противника, чтобы своевременно доставлять командованию армии важные оперативные донесения.

30 октября 1943 года Боре Царикову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Но когда это радостное известие пришло в часть, юного героя уже не было в живых. 13 ноября 1943 года он погиб от пули немецкого снайпера, навеки оставшись бессмертным в памяти юных пионеров-ленинцев, всего советского народа.

Д. ГУНИН

Боря Цариков

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛАМ, ОФИЦЕРАМ, СЕРЖАНТСКОМУ И. РЯДОВОМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ

ЗА УСПЕШНОЕ ФОРСИРОВАНИЕ РЕКИ ДНЕПР, ПРОЧНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПЛАЦДАРМА НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ РЕКИ ДНЕПР И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ОТВАГУ И ГЕРОЙСТВО ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ “ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА”

КРАСНОАРМЕЙЦУ

ЦАРИКОВУ БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва, Кремль, 30 октября 1943 г.

ОН ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

В Харькове, в тихом Самаровском переулке, стоит скромный одноэтажный домик,— и по праздникам, и в будни сюда приходит немало гостей. Здесь живет мать Героя Советского Союза Владимира Черинова, погибшего в бою при штурме Берлина.

Думала ли мать, что ее Володя станет героем? Наверное, нет. Особенно тревожилась за его судьбу, когда он, еще подростком, попал в дурную компанию.

Как-то Володя услышал, что одна сплетница сказала о нем: “Пропавший мальчишка, вырастет из него бандит. Ничего с ним мать не может поделать...” Эти слова больно задели мальчика, ему стало стыдно перед матерью, которая работала на покладая рук, чтобы накормить его, одеть, обуть не хуже детей, имевших и мать, и отца. Вот он и завел с матерью откровенный разговор.

Тогда и узнала от него Евдокия Аркадьевна, что горе-товарищи подбивали Володю на неблагоприятные поступки тем, что дразнили его: “Трус! Побойшься взять что-нибудь из дому и отнести на толчок”. А для Володи сызмала самым позорным на свете была трусость.

— Еще глупенький ты у меня,— сказала сыну Евдокия Аркадьевна.— Разве же это смелость — вынести тайком из дому какую-нибудь вещь и опозорить этим и мать, и учителей в школе? Вот если бы ты не побоялся сказать этим хулиганам, что плюешь на них и ничего не будешь делать по их указке — пусть даже лезут на тебя с кулаками, тогда бы ты и был по-настоящему смелым. Ведь защищать правду от злых людей всегда труднее, чем затапывать ее в грязь.

Слова матери запали Володе глубоко в душу. На следующий день он пришел весь в синяках, но счастливый. Твердо сказал:

— Мама, с этими негодями я больше не дружу.

И попросил, чтобы мать помогла ему перейти из школы в ремесленное училище: он хотел как можно скорее стать помощником для нее.

И сейчас загораются глаза Евдокии Аркадьевны, когда она рассказывает, как ее Володя получил специальность слесаря-инструментальщика и принес домой свою первую получку. Попросил:

— Посчитайте, мама, деньги.

— А зачем считать? — удивилась она.— Ты ведь считал?

— А вы еще раз. Может, кассир ошибся... ”

Она взяла из его рук, заметно загрузевших от работы, хрустящие бумажки и начала складывать их одну за другой в кучку. Немного их было, но для нее — дороже миллионов.

— Столько? — спросила.

— Ага.

— Не ошибся твой кассир?

— Нет,— улыбнулся Володя,— все до копеечки точно.

— Ну, вот и возьми себе.

— Что вы, мама!— обиделся Володя.— Это же вам, на хозяйство. Теперь нам вдвоем легче будет.

...А вскоре началась война.

Евдокия Аркадьевна вспоминает Харьковский мост” (тогда еще они с Володей жили неподалеку от этого моста). В небе самолет...Ниже и ниже... Уже над самым мостом... Вот уже видно накренившееся крыло... Вот уже и черный фашистский крест на крыле... Гул все громче... Прохожие — врассыпную. Но взрыва не последовало: вражеский самолет сбросил на этот раз не большие бомбы, а зажигалки. И вот уже пылает на Харьковской набережной жилой двухэтажный дом, и школа тоже занялась...

А кто же это успел залезть на школьную крышу? Ну, конечно, мальчишки. Евдокия Аркадьевна подошла ближе и узнала своего: самый смелый из всех, самый проворный... Вот он мелькнул между трубами, вот оказался на самом краю, над жестяным водосточным желобом — шныряет, хватает зажигательные бомбы и сбрасывает их с крыши на тротуар, куда взрослые уже наносили песка...

Война продолжалась. Фашисты ворвались в Харьков. Трудно жилось тем, кто вынужден был остаться в оккупированном городе. Не каждый день удавалось Евдокии Аркадьевне достать хоть немного мерзлой картошки, хоть несколько щепок, чтобы приготовить себе и Володе кой-какую еду.

Как-то зимой, в самое голодное время, Володя привел под вечер в дом двух раненых красноармейцев: Леньку большого и Леньку маленького — так они себя называли. Володя хорошо знал, что мать не откажется принять советских бойцов, бежавших из фашистского плена.

— Куда их, мама? — спросил Володя.— Может, на чердак?

— Нет,— возразила Евдокия Аркадьевна,— туда полицейские часто заглядывают, боятся, чтобы кто-нибудь не “благословил” их камнем или гранатой. Было ведь такое недавно на Молочной улице: не спят партизаны...

И раненых красноармейцев спрятали на третьем этаже, где никто в это время не жил. Володя и мать делились с бойцами последним куском хлеба, перевязывали им раны... Но о раненых как-то пронюхал дворник, подлый человек, прислуживавшийся врагам. Он начал требовать от Евдокии Аркадьевны, чтобы та от него откупилась, а то он приведет на третий этаж гестапо.

Тогда Евдокия Аркадьевна и Володя тайком отвели своих “подшефных”, уже начавших поправляться, к родственникам в село. А сами ночью тихонько перебрались к Володиному деду в Самаровский переулок. Но и там было беспокойно, так как их разыскивала полиция. Тогда и нагрузили они на саночки свой немудреный скарб и подались из города окольными дорогами, надеясь пробиться на север через фронт к своим.

Ближайшие советские части стояли тогда в городке Поньри под Курском. По дороге Володя проговорился, что как только они дойдут туда, он будет проситься в действующую армию.

Евдокия Аркадьевна не верила, что его возьмут: слишком молод, да и ослабел от голода.

Стояла лютая зима. Идти было трудно: приходилось обходить фашистские заслоны. В том же направлении двигались и другие беженцы — обессиленные, надрывались, таща за собой нагруженные пожитками и детишками саночки и тележки...

Наконец дошли. В Понырях царила неразбериха: солдаты, беженцы — все смешалось, все бурлило, кипело... Вот тут и потеряла на какое-то время Евдокия Аркадьевна своего Володю. А когда нашла, то он уже осуществил свою мечту: красовался перед ней в новеньких обмотках, в поношенной шинели и с противоголозом через плечо.

Вот тебе и на! — всплеснула руками Евдокия Аркадьевна. — Как же тебя взяли, если ты еще допризывного возраста?

— А я же, мама, высокий, — возразил ей Володя.

Единственное, что выдавало его настоящие годы, — это тщательно спрятанный под рубашку пионерский галстук, который он не захотел снять.

Раза три навещала к нему мать, пока здесь оставалась их воинская часть. В первый раз пришла — принесла гостинцев.

— Вот тебе, Володечка, немножко пшена... Будет приварок к казенным харчам.

— Хорошо, мама! — обрадовался Володя и тут же высыпал пшено в котелок, где варился жиденький солдатский супчик на целое отделение.

— А это тебе, Володечка, немножко сухарей, — сказала Евдокия Аркадьевна в следующий раз. — Вчера выменяла на теплые чулки: мне и без них в валенках тепло. Сейчас не ешь, побереги на черный день.

— Спасибо, мама, — ответил Володя. — Чернее, чем сейчас, не будет.

И пораздавал сухари товарищам.

— Когда выступаете? — тихо спросила мать.

— Может, сегодня ночью.

— Не страшно тебе, сынок?

— Одного боюсь, мама, что убьют и не дойду до Берлина. Ох, как же мне хочется до Берлина дойти!

Шла война. Священная народная война. Красная Армия в жестоких боях освобождала от фашистов города и села. Освобожден был и родной Харьков.

Володя приехал на короткую побывку к матери, направляясь из Саратовского военно-морского училища на Западный фронт. Немного погостил и снова уехал. Начали от него идти солдатские треугольнички с Березины, Буга, Днестра, Припяти, где он воевал на своем моторном катере.

А потом письма перестали приходить. Долго ждала весточки от сына Евдокия Аркадьевна, так и не дождалась. Уже и война закончилась, а она все еще ничего не знала о сыне. Потом выяснилось: что-то напутала почта, и письма от командования к ней не доходили. И только лишь в 1948 году получила она печальное сообщение о смерти сына и о его бессмертной славе. Сначала — от бывших Володиных соратников, сражавшихся рядом с ним в последнем бою, а потом — и официальное:

Москва, Кремль, 31. 1. 1948 года.

Уважаемая Евдокия Аркадьевна! По сообщению военного командования Ваш сын

— краснофлотец Черинов Владимир Васильевич в боях за Советскую Родину погиб смертью

храбрых... За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 31 мая 1945 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза...

Какой же подвиг совершил Володя Черинов? Вот что об этом рассказывали Евдокии Аркадьевне — в письмах и лично — его соратники: генерал Сафонов, капитан Калинин и другие, бывшие вместе с Володей во время штурма Берлина.

Случилось это в апреле 1945 года. Предвидя, что одна из воинских частей будет форсировать реку Шпре, командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин усилил эту часть отрядом полуглиссеров II Краснознаменной бригады речных кораблей. Отряд этот, как рассказывает генерал Сафонов, был невелик, всего четыре катера, маленькие, утлые, все изрешеченные пулями и осколками.

Именно в этом отряде катеров и служил мотористом Володя.

Форсирование началось в ночь на 24 апреля. Над берегом Шпре вспыхивали дорожки трассирующих пуль. Вокруг стояла настороженная тишина. Наконец — сигнальная ракетам Тихо, осторожно заскользили по черной воде катера. Но фашисты все равно их заметили и сразу же открыли яростный бесприцельный огонь — пулеметный, минометный, оружейный.

Катер, на котором Володя стоял рулевым, одним из первых высадил под ураганным огнем десант на противоположный берег реки. Это обеспечило нашим войскам возможность занять плацдарм и развить наступление.

Зловеще гремели и невидимое небо, и прибрежные кусты, озаренные ракетами, и сама Шпре, кипящая, вспененная... Свист — взрыв... Свист...

Канонада раскалывала ночную тишину. Даже не верилось, что на том берегу — центр Берлина. Легко сказать — Берлина! Того самого, откуда, как ядовитая погань, расползались по всей Европе душегубки-машины и душегубы в людском обличье; того самого Берлина, до которого три года назад, где-то под Курском, Володя Черинов только мечтал пойти.

Вот Володя отвез первую группу десанта и под огнем вернулся назад. И уже везет новых десантников... Туда и обратно, туда и обратно... От берега — к берегу, от берега — к берегу...

В одном из рейсов был тяжело ранен командир катера. И Володя, не ожидая приказа, принял на себя командование.

За ночь его катер перевез свыше пятисот десантников! Но вершиной Володиного героизма был поступок, который он совершил двадцать четвертого утром на глазах у всей дивизии.

Взошло солнце.

На крохотный клочок земли в лесу Платенвальд и на полоску Шпре налетел свинцовый смерч... Всю ночь на этом клочке строили паромы, чтобы переправить на другой берег артиллерию и танки. Когда первые паромы спустили на воду, фашисты начали бить по ним из зениток и крупнокалиберных пулеметов.

Вот немецкий снаряд попал в один из танков. Тот загорелся. Все, кто был на нашем берегу, ждали смертельного взрыва:

как только огонь достигнет топливных баков и боеприпасов, танкисты на пароме погибнут.

Вдруг Володя нажимает на стартер и бросается на своем катере спасать товарищей. Свист — взрыв... Свист — взрыв... Где Володя? Убило его? Нет... Мелькнула знакомая стриженная голова: пилотку сбило взрывной волной. И все увидели, что он бросил на паром веревку.

Володя и политракторник Суворов, находившийся с ним на катере, подошли вплотную к охваченному пламенем парому, сняли с него людей. Едва лишь спасенные оказались на борту, Володин катер рванулся к берегу. И в то же мгновение на пароме раздался взрыв. Однако все

пятнадцать танкистов были уже далеко.

Когда Володин катер причалил к берегу и с него сошли промокшие танкисты, все бросились к Володе — обнимали его, целовали, подбрасывали в воздух. Тогда же по приказу командира дивизии полковника В. С. Антонова было направлено ходатайство в Президиум Верховного Совета СССР о присвоении мотористу Владимиру Черинову звания Героя Советского Союза...

А через два часа после этого Володин катер попал под яростный огонь противника. Володя был смертельно ранен и через несколько минут скончался. Десантники, которых он переправлял, рассказали, что последними его словами были:

— Передайте маме, что я все-таки дошел до Берлина...

И. МУРАТОВ

Володя Черинов

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОФИЦЕРСКОМУ, СЕРЖАНТСКОМУ И РЯДОВОМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИИ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ОТВАГУ И ГЕРОИЗМ ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ “ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА” КРАСНОФЛОТЦУ

ЧЕРИНОВУ ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ.

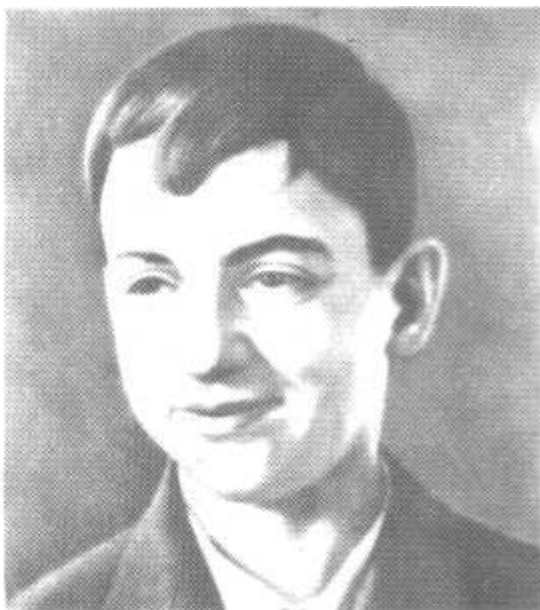
Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. Калинин*

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 31 мая 1945 г.

ПИОНЕР ПОВТОРИЛ ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА

Возле поселка Онуфриевка Кировоградской области стоит на опушке леса обелиск, на нем — мемориальная доска с надписью:

Толя Комар

Остановись, путник! Поклонись всем сердцем юноше, которому вечно пятнадцать. За твою мечту, за твое безоблачное детство 23 ноября 1943 года на этом месте, при освобождении Онуфриевки, повторил подвиг Александра Матросова, отдал свою жизнь АНАТОЛИИ КОМАР.

Кто он, этот юный герой?

Когда началась Отечественная война, было ему всего тринадцать лет. Жил он в Славянске, в семье учителей. Жил, ничем, быть может, особенно и не выделяясь среди сверстников. Как все, носил пионерский галстук, учился, играл в футбол, уносился романтическими мечтами в будущее...

И вот грянула война. Отец уходит на фронт, мать с детьми переезжает к родственникам в село Бригадировку Полтавской области. Здесь-то и

выпало мальчику первое испытание. За оказанную помощь нашим раненым летчикам фашисты четыре дня продержали его в комендатуре, избили. И Толя решил мстить фашистам...

В сентябре 1943 года 252-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия вела наступательные бои на территории Полтавской области. Когда передовые части дивизии продвигались к селу Бригадировке, разведчики встретили худенького, оборванного паренька. Хорошо зная местность, он вызвался вывести разведчиков в тыл противника... Внезапным ударом был разгромлен фашистский штаб и захвачены ценные документы.

Командир разведроты капитан Бацин от души поблагодарил Толю. А тот неожиданно обратился к нему с просьбой: «Зачислите меня рядовым!..». Доложили начальнику разведки майору Храптовичу. Он долго беседовал с пареньком, удивляясь его смелости, и, наконец, решил зачислить юного добровольца разведчиком отдельной 332-й разведроты.

Так началась полная опасности фронтовая жизнь Толи Комара. На войне люди взрослеют быстро. У разведчиков на войне дел много, и каждое связано с риском, требует находчивости и храбрости. Кроме того, разведчик должен многое уметь. Все это хорошо понял Толя Комар, поэтому он сразу же начал постигать науку разведки у наиболее опытных, смелых ребят — старшего сержанта Тараскина и сержанта Полозова. Об их подвигах, дерзких вылазках в тыл противнику не раз писала наша фронтовая газета, а о различных фронтовых приключениях веселого и храброго Тараскина ходили прямо-таки легенды.

В конце сентября 1943 года наша дивизия вышла к Днепру южнее города Кременчуга и получила приказ форсировать реку. Для определения района предстоящей переправы были посланы разведчики — сержант Полозов и рядовой Комар. Целые сутки, лежа неподвижно на сырой земле, вели они наблюдение. Были собраны ценные данные о противнике. За эту операцию сержант Полозов был награжден орденом Красной Звезды, а Толя — медалью «За отвагу».

В первых числах октября наши войска форсировали Днепр. Пытаясь задержать продвижение наших войск, немецкое командование сосредоточило на правом берегу реки большие силы, основательно укрепив свои оборонительные позиции.

Начались тяжелые, кровопролитные бои по расширению плацдарма. В этих боях закалялись воля и характер юного разведчика.

Толя всегда был готов на любое боевое задание. Переодевшись в залатанный полушубок, с

котомкой за плечами, ходил он в тыл врага. Фашистам было невдомек, что худенький, веснушчатый паренек — наш разведчик. А Толя приносил в штаб важные сведения.

В ночь на 23 ноября, когда наша дивизия вела бои восточнее поселка Онуфриевки Кировоградской области, в тыл противника была послана группа разведчиков во главе с младшим лейтенантом Колесниковым. В этой группе был и Толя Комар.

Около трех километров проползли разведчики по грязи, в темноте, под дождем. Когда немецкие траншеи остались позади, разведчики наконец поднялись и начали углубляться в тыл врага. Но на пути неожиданно встретили легковую машину. Колесников разделил группу на две части и приказал залечь по обеим сторонам дороги.

Как только машина поравнялась с разведчиками, в нее с двух сторон полетели гранаты. В машине оказалась ценнейшая находка — топографическая карта, на которой было нанесено расположение штабов, наблюдательных пунктов и огневых средств противника. Этот документ был лучше всякого «языка», и Колесников принял решение срочно возвращаться...

Но когда разведчики подходили к линии фронта, фашисты обнаружили их и начали окружать. Путь к нашему переднему краю преградил огонь вражеского пулемета, который не давал возможности подняться с земли. Над группой разведчиков нависла смертельная опасность. Тогда Толя незаметно пополз к вражескому пулемету и бросил гранату. Пулемет умолк. Но едва разведчики поднялись, пулеметная очередь вновь прижала их к земле. И Толя, спасая товарищей, уже во весь рост бросился к пулемету. Будучи смертельно раненным, он все же успел накрыть вражеский пулемет своим телом...

В письме к матери героя командир разведроты, друзья и товарищи Толи писали:

В боях за нашу Родину против фашистских захватчиков героически погиб ваш сын Комар Анатолий Григорьевич. Погиб смелый воин, наш хороший друг и товарищ по оружию. Родина никогда не забудет его имени, юного солдата с сердцем зрелого воина, отважного защитника Отчизны.

А поэт Сергей Тельнаков написал тогда стихи:

Отшумит огневая година,

Битв жестоких и грозных пора,

Но всегда, как любимого сына,

Будет помнить и чтить Украина

Анатолия Комара.

Советские люди свято чтят память о доблестном сыне Отчизны, отдавшем жизнь за ее свободу и независимость. Имя Анатолия Комара присвоено пионерским отрядам нескольких школ Украины. Его имя носят Славянская средняя школа № 11, пионерская дружина Онуфриевской средней школы, улицы поселка Онуфриевки и города Славянска. В Славянске Толе воздвигнут памятник. Следопыты Онуфриевской средней школы отыскали место, где был похоронен юный герой. Его прах с почестями перезахоронен в центре поселка.

Один из теплоходов Мурманского пароходства носит имя «Анатолий Комар».

А. ПИЛИПЕНКО,

бывший начальник отдела кадров 252-й стрелковой дивизии

БОЕЦ ПОДПОЛЬНОГО ФРОНТА

Володя Щербацевич

Какая-то добрая сила отвела от дома на Коммунистической, где жили мать и сын Щербацевичи, все бомбы. Когда бомбежки кончились, на подступах к Минску загрохотали орудия. Через несколько дней Володя Щербацевич увидел на улице советских военнопленных. Брели они в гимнастерках, без ремней, на головах у многих вместо пилоток грязные, пропитанные кровью повязки.

Вечером к Щербацевичам пришел брат Володиной мамы, Петр Федорович. Вскоре постучались второй брат — Иван и младшая сестра — Надежда. Ольга Федоровна, мама Володи, сразу же предупредила: «Есть о чем потолковать».

Она рассказала близким о том, что в здании политехнического института томятся наши военнопленные, умирают от ран. Есть среди них санитарки и медсестры, которые помогут организовать побег...

Петр Федорович покачал головой.

— Допустим, с территории института пленных удастся вывести. А дальше? Очутились люди в городе... Да по их одежде всякий узнает беглецов. Мы выведем людей под вражеские автоматы!

Беседа шла как на военном совете. Говорили о тщательной подготовке. У военнопленных должны быть документы, гражданская одежда, да и подкормить их нужно.

... Идешь по родному городу и все время настороже: всюду гитлеровцы. Мама — коммунистка, братья ее доверяют Володе многое. Он уже знает адреса людей, у которых прячутся бежавшие из плена командиры и красноармейцы. Ходил Володя по городским окраинам и тихо стучался в окна. Стоило ему произнести несколько условных фраз, и сразу же кто-нибудь выносил узелок. В нем — одежда для новой группы беглецов.

Володя догадывался, что дядя Ваня готовит специальный грузовик, а Надежда Федоровна добывает какие-то накладные. По ним с хлебозавода можно получить муку. Может, она уже и получена, может, из нее уже испекли хлеб и тайком переправили раненым. Правда, пока это только Володины догадки. Ему ведь не все рассказывали.

Новый побег военнопленных был назначен в одну из июльских ночей. Володя ждал их в условленном месте возле деревянного моста. Справа из-за кустов послышался тихий голос: «Сюда, товарищи!» Мелькнули пригнувшиеся к земле человеческие тени. Володя бросился из своего укрытия к ним навстречу.

— Заждался? — услышал он голос Петра Федоровича.— Веди, Владимир. Времени у нас в обрез.

Впервые в жизни Володя командовал, да еще взрослыми, военными людьми. Шептал: «Ложись!» — и раненые припадали к земле.

До дома добрались, когда забрезжило утро. А часа через два в коридоре хлопнула дверь. Затопали тяжелые шаги. Потом... у порога появился немец, обер-лейтенант. Подойдя к столу, он взял лампу, поднял ее повыше. Теперь на обер-лейтенанта падал свет. Петр Федорович?! Да, это был дядя Петя.

- Пора, товарищи! — коротко бросил он.

Город еще спал. Но теперь, казалось, грузовик разбудит всех: он скрипел, лязгал. В кузове сидело человек двенадцать, бежавших из плена, в одежде лесорубов, в руках у них пилы, топоры. При выезде из города грузовик затормозил, и Володя увидел впереди на дороге немецких солдат с автоматами. Со стороны деревянного строения к машине подошел гитлеровский офицер, взял протянутую ему из кабины бумагу. Видимо, сидящий в кабине «обер-лейтенант» запасся всеми нужными справками. Он везет мобилизованных на лесозаготовки людей.

Посмотрев документы, немец крикнул что-то стоявшим на дороге солдатам. Те отошли в сторону. Грузовик побежал вдоль речки и остановился у разрушенного моста.

— Прибыли.

Петр Федорович объяснил задачу: все разбиваются на две группы и разными маршрутами пробираются в лесной массив. Первую очередь поведет он, Петр Федорович.

— Ты пойдешь с нами,— сказал он Володе.— Дорогу запоминай, пригодится.

Тропа нырнула в лесную чащу и вывела в поле. Солнце уже садилось, когда группа подошла к хате, ничем не выделявшейся среди десятка других. К путникам вышел старик, пригласил к себе. Люди поели, передохнули, и он сказал:

— Пойдемте, пойдемте...

Петр Федорович объяснил племяннику:

— Теперь их поведет в лес старик, а нам можно и назад.

Запомни дедову хату.

Дорога к дому казалась гораздо длиннее. Володя спешил. Спешил, чтобы сказать матери: «Прошли наши. Прошли! На свободе они!».

В сентябре фашисты начали ночные облавы, а в домах минчан скрывалось много бежавших из плена раненых. И в доме на Коммунистической их побывало множество. Этот дом стал для них и госпиталем, и убежищем, и отправным пунктом маршрутов, по которым Володя выводил людей за город, в леса, глухие деревни и даже по направлению к линии фронта.

Теперь пробираться в лесную деревню Володе и тем, кого он выводил, было очень опасно. У лесных троп — фашистские засады, по селам рыщут полицейские, а на выходах из города — усиленные заставы. Один раз Володя нарвался на засаду, и осколок вражеской гранаты задел плечо.

Володя боялся, что мама будет ругать его, как ругала раньше за синяки и шишки, получаемые в мальчишеских играх-сражениях. Нет, не ругала. Испугалась очень, но сын успокоил, сказав, что рана у него не страшная.

— Я заштопаю тебе куртку, сынок. Будем скоро пробираться к фронту вместе.

... Володя с мамой шли полевой тропой. Впереди шла группа людей, возглавляемая бежавшим из фашистской неволи майором.

Коротки были передышки. Хотелось пройти побольше за день, однако кустарник вставал на пути колючим заслоном. Только под вечер рискнули выбраться к дороге. Неожиданно с путниками поравнялась телега с сеном. Мужик, сидевший на ней, хрипло прокричал: «Прячьтесь!» — и стеганул лошадь. Далеко впереди раздались автоматные выстрелы. Володя с мамой затаились в придорожном кустарнике.

Стемнело. Где-то совсем близко заскрипели колеса. Из темноты выплыл человек, сидящий на пустой телеге.

— Есть тут кто? — голос был знакомый: говорил тот мужик, что вез вечером сено.— Чуете, люди? В селе немцы. Ваших они ухлопали. Уходите!

Ночью Ольга Федоровна решила узнать, что случилось с группой, возглавляемой майором.

— Не вздумай перебираться на другое место,— предупредила сына.— Я скоро вернусь.

Мать долго не возвращалась, Володя решил выйти на дорогу.

— Стоять! — рявкнул кто-то.

Мальчик услышал за спиной тяжелые шаги. С обеих сторон к нему приближались фашисты, щелкали винтовочными затворами...

Тюремная камера. Допросы и пытки. Пытки и допросы. Тридцать дней! Болит все тело, знобит. Нет сил подняться с холодного каменного пола. Володя понимает, что на следующем допросе будет еще труднее.

... За воротник рубахи стекает ледяная вода, резко пахнет нашатырным спиртом.

Дверь в стене бесшумно раздвигается. В кабинет входит офицер. Следователь отдает ему короткое распоряжение. Через несколько минут в комнату вводят Ольгу Федоровну.

Володе невыносимо трудно смотреть маме в глаза и говорить, что не знает ее, не встречал. Но он говорит это и угадывает по маминому лицу, что поступает правильно.

Теперь гестаповец обращается к Ольге Федоровне: а она узнает сына? И Володя слышит тихий мамин голос:

— Мне... незнаком этот мальчик...

Из соседней комнаты вышли двое, взяли мальчика под руки. Ольга Федоровна стала просить солдат, чтобы оставили ребенка в покое.

— Ты будешь стоять и смотреть,— слышит в ответ Ольга Федоровна.

Володю бросают на высокий топчан из жердей... Какая это была по счету пытка, никто не скажет.

26 октября 1941 года гитлеровцы казнили Володю и его маму. К месту казни оккупанты согнали жителей, чтобы утратить их, а из толпы неслось гневное: «Не простим!».

Ни одного дня фашисты не чувствовали себя хозяевами в Минске. Среди бойцов этого фронта был Володя Щербацевич — минский пионер. Незадолго до его казни 16 августа 1941 года газета «Правда» писала: «Наши дети — героические, великолепные советские дети, с мужеством взрослых, с разумом взрослых борются теперь за Родину. И их борьба — это наиболее убедительная документация нашей правды. Их борьба — это самое страшное обвинение, которое когда-нибудь история предъявит подлому врагу, изучая события наших дней».

И поныне взошедший на эшафот минский парнишка обвиняет зачинщиков войны.

В. МОРОЗОВ

ГВАРДИИ МАЛЬЧИК

Я хочу рассказать о судьбе одного маленького гвардейца. Звали его Воля. Это был

сталинградский мальчик. Он остался сиротой, и мы взяли его в свою часть. Мальчишка был угрюмый и дерзкий. Не думаю, что он всегда был таким, очевидно, на него подействовала гибель родных.

Воле было четырнадцать лет. Он возвращался домой, когда на Сталинград налетели немецкие самолеты. Город запылал. Кружным путем, переулками мальчик добрался до своего дома. Отовсюду неслись стоны раненых, плач, крики, из горящих зданий выносили обожженных детей, вокруг пахло гарью, дымом. Вместо облицованного кафелем четырехэтажного дома, где жили его отец, мать и сестра, Воля увидел дымящуюся грудку черных развалин, а по ним бродил котенок — единственное оставшееся в живых существо. Мальчик взял его с собою. Так мы Волю и нашли — с котенком в кармане курточки.

Сержант Сайтов, пожилой человек, бывший до войны начальником районной милиции, всей душой привязался к Воле. У Сайтова пропали без вести жена и сын, он тосковал о них и к Воле относился, как к родному сыну. Но мальчик был молчалив, замкнут и уклонялся от маленьких подарков сержанта.

Сайтов научил Волю стрелять из винтовки и из ППШ и дал ему автомат убитого красноармейца. Стрелял Воля хорошо. Вскоре выдали ему и обмундирование, а когда часть переименовали в гвардейскую, мальчик наравне со всеми получил нагрудный гвардейский значок.

Сайтов беспокоился, как теперь называть Волю. Он ведь числился воспитанником части.

— Как будем звать его? — спрашивал сержант. — Вы теперь гвардии лейтенант, я — гвардии сержант, бойцы — гвардии красноармейцы, а мальчик? Гвардии воспитанник? Некрасиво! Гвардии мальчик?

В шутку все так и стали называть Волю — «гвардии мальчик». Никто из нас точно не знал, что творится в душе этого худенького молчаливого мальчика. Мы только догадывались о его тяжелом душевном состоянии. Однажды я видел, как лежал Воля со снайпером в расщелине стены и наблюдал за противником. Мне показалось, что он убит, — так неподвижно было его тело. Я наклонился и сбоку заглянул в лицо Воли. Это мгновение раскрыло мне сердце мальчика больше, чем все три месяца, в течение которых я его ежедневно видел. В его глазах было столько ненависти к врагу! И я понял, какая боль жила в душе мальчика.

Через амбразуру из подвала видна широкая площадь, покрытая нетронутым снегом. Пробежать по площади нельзя: каждый ее сантиметр простреливается нами и противником, укрепившимся в развалинах соседнего здания. По ту сторону площади виден красный дом без крыши, без окон, без дверей, с черными следами копти на кирпичах. Называется этот дом «кофейная». Сержант Сайтов говорил Воле:

— Там, понимаешь, никакой кофейной никогда не было, просто наши разведчики придумали такое название.

Дом этот нужно было во что бы то ни стало занять. В бурную метельную ночь сержант Сайтов с пятнадцатью бойцами отправились на выполнение задания: они должны были пробраться через площадь в «кофейную», выбить немцев и занять там оборону. Восемь человек из пятнадцати добрались до места. Девятым был Воля, он пополз за сержантом без приказа. В течение пяти дней невозможно было наладить связь с группой Сайтова, так как немцы вели непрерывный огонь по «кофейной». Но мы знали, что наши бойцы уже заняли дом, что они держатся. Немцы забрасывали дом гранатами, били из артиллерии, обстреливали из минометов, а девятка все держалась.

Только на шестой день мне удалось с бойцами проникнуть в «кофейную». Сайтов был ранен, остальные — погибли.

Воля лежал у окна без шапки, прижимая к щеке холодный ствол автомата. В углу рта запеклась кровь. В его руках автомат казался детским, игрушечным оружием. Холодный

ветер шевелил светлые волосы.

Утром я зашел в медпункт к тяжело раненному Саитову.

— «Кофейную» держим? — спросил он.

— Теперь уже не отдадим,— ответил я.

— Вы, товарищ лейтенант, хотите знать про мальчика? Я вам скажу. И что он мне говорил, когда умирал, тоже скажу... Я хорошо запомнил. У нас двух человек сразу в первый день убило, потом Ветрякова ранило в голову, потом Хотинцева. Обстановка создалась тяжелая, уже не было ни одного здорового бойца: кто не убит, тот ранен. Я сам одной левой рукой стрелял, правую под диск положил: она ничего делать не могла; и колено мне раздробило, подняться нельзя. А немцы снова и снова бросаются в атаку. Мне вторую руку ранило, и я уже не мог стрелять. И только один Воля по всему дому мечется, хотя сам был тоже ранен. Он то подползет к окну — постреляет, то гранату бросит, то поднесет кому-нибудь из раненых воды испить и снова стреляет. А немец все напирает. Тогда Воля просит: «Товарищи, покричите «ура», а кто не может кричать «ура», кому тяжело, пусть кричит «а-а-а»...».

Вот мы и кричим. Немцы тоже кричат. Когда кричим, они все-таки опасаются к нам идти. Потом осколком мины Волю ранило в грудь, изо рта показалась кровь, а он- с автоматом дополз до окна и продолжал стрелять...

Наступила ночь. Слышу, мальчик тихо говорит:

— Товарищ сержант, вы меня слышите?

— Слышу,— говорю,— Воля.

— Спасибо вам, товарищ сержант, лейтенанту и всем товарищам. Извините, что я был такой нехороший. Причина тому — мое горе. А сейчас мне очень хорошо, я очень счастлив. Вы слышите?

— Слышу,— говорю,— все слышу, Воля.

— Я вот что думаю, товарищ сержант,— говорит Воля.— Каждый человек должен что-нибудь для людей сделать. Один долго живет и много пользы приносит, а другой, быть может, только один раз встанет во весь рост и крикнет: «Вперед!». Он еще мало прожил и многого сделать не успел. Но ведь и он помог нашему народу бить врагов. Значит, он честно жил...

— Вот что он мне сказал, товарищ лейтенант... Потом опять полезли немцы, и мы с ним отстреливались, как могли. И у него все бежала и бежала изо рта кровь, а я ничем ему не мог помочь. Но вот слышу, Воля перестал стрелять. Я подполз — нет больше нашего Воли. Какой он был храбрый мальчик, товарищ лейтенант.

Так рассказал мне о Воле, школьнике из Сталинграда, сержант Сайтов...

Этот случай только один из многих, когда дети Сталинграда активно участвовали в борьбе с фашистами.

Известно, например, что близ Сталинграда фашисты захватили в плен школьницу Люсю Ремизову и заставили ее убирать помещение, где жили офицеры, стирать для них белье.

Однажды полковнику-фашисту связной доставил пакет. Когда офицер заснул, Люся, захватив документы, пробралась к советским воинам. За свой мужественный поступок Люся Ремизова награждена медалью «За отвагу».

Медалью «За оборону Сталинграда» был награжден Игорь Михайлов. Во время обороны крепости на Волге мальчик находился на батарее своего отца Константина Алексеевича Михайлова. Вместе с бойцами Игорь стойко и храбро переносил опасности и лишения. Как

мог, помогал бойцам: приносил им письма, газеты, воду, собирал и передавал командованию немецкие листовки и не раз выслеживал вражеских разведчиков.

Когда немцы были разбиты под Сталинградом, Игорь на самолете прилетел в Москву и осенью поступил в 1 класс школы № 95.

Таковыми были дети, принимавшие участие в Великой Отечественной войне.

А. КЕПЛЕР

ВАЛЯ-ПИОНЕРКА

Отец Вали, Иван Иванович Зенкин, был старшиной 333-го стрелкового полка, расквартированного в самом центре Брестской крепости, в так называемой цитадели. В мае 1941 года девочка отпраздновала свое четырнадцатилетие, а 10 июня, радостная, взволнованная, показала маме похвальную грамоту за седьмой класс.

Прошло около двух недель. Был теплый вечер. Валя сидела дома, читала и не заметила, как заснула с книжкой в руках. Проснулась девочка от страшного грохота.

Горели казармы 333-го полка. Огненные языки лизали телеграфные столбы, как свечи, пылали деревья. Отец, наспех одевшись, крепко обнял мать, поцеловал Валу и выбежал из комнаты. Уже в дверях крикнул:

- Сейчас же в подвалы!.. Война!..

Валя Зенкина

Он был солдат, и его место было среди бойцов, защитников крепости. Больше Валя уже никогда не видела отца.

В полдень с группой женщин и детей Валя и ее мать попали в плен. Фашистские солдаты погнали их на берег Муховца. Одна раненая женщина упала на землю, и толстый фельдфебель начал бить ее прикладом винтовки.

— Не бейте ее, она же ранена!— внезапно закричала Валя, Валя Зенкина вырвавшись из рук матери.

Фельдфебель, скрутив девочке руки, что-то закричал, показывая рукой на двор крепости. Но Валя не поняла его. Тогда заговорил переводчик:

— Господин фельдфебель должен застрелить тебя, но он дарит тебе жизнь. За это ты

пойдешь в крепость и скажешь советским солдатам, чтобы они сдавались. Немедленно! Если же нет, то все будут уничтожены...

Фашисты повели девочку к воротам, толкнули в плечи, и Валя оказалась во дворе крепости среди грозного вихря огня, взрывов мин и гранат, под ливнем пуль. Девочку увидели защитники крепости.

— Прекратить огонь! — закричал командир. Пограничники втащили Валею в подвал. Она долго не могла отвечать на вопросы, только смотрела на бойцов и плакала от волнения и радости. Потом рассказала о матери, о том, как гнали маленьких детей по берегу Муховца, о раненой женщине, Которую бил прикладом чужеземец, об ультиматуме фашистов.

— Не сдавайтесь! — молила Валя. — Они убивают, издеваются...

В тяжелых боях прошла ночь. Мужество пограничников заставило Валею забыть свой страх. Она подошла к командиру.

— Товарищ лейтенант, раненых надо перевязывать. Позвольте мне.

— А ты сумеешь? Не побоишься? Валя тихо ответила:

— Нет, я не буду бояться.

Вскоре я увидел Валею, когда забежал в госпиталь проведать своих товарищей. Вместе с женщинами пионерка ухаживала на ранеными. Все ее полюбили и оберегали, как могли. И не было среди нас человека, который бы не делился последним кусочком солдатского сахара с Валею — нашей маленькой санитаркой.

На седьмой день войны я был ранен, и товарищи отнесли меня в полуразрушенный подвал-госпиталь. И снова я встретился с Валею. Помню, открываю тяжелые веки, а передо мной она — маленькая девочка. Она ловко, как взрослая, делает перевязку.

— Спасибо, Валя!

А за руинами стен слышны выкрики озверевших фашистов: штурмуют. К бойницам стали все, кто мог держать оружие, даже женщины. Я попытался встать, но зашатался и чуть не упал. Тогда Валя подставила мне свое плечо:

— Обопритесь, я выдержу...

Так и добрался я до бойницы, опираясь на детское плечо.

С тех пор прошло много лет. Случайно я узнал, что Валя теперь живет в городе Пинске, награждена орденом Красной Звезды. Она — мать двоих детей. И, наверное, для многих она не просто Валя, а Валентина Ивановна Зенкина. А для нас, защитников Брестской крепости, она навсегда останется Валею, Валею-пионеркой...

С. БОБРЕНОК,

участник обороны Брестской крепости

ГОРНИСТ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО ПОЛКА

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Это было совсем не похоже на пробуждение. Это было скорее продолжением какого-то кошмарного сна. Так и подумал Володя в первую минуту.

Он лежал не на своей солдатской койке, а на полу, и не в казарме, а в совсем незнакомом месте. В казарме — белый потолок, голубые стены, а здесь не видно ни стен, ни потолка.

Все сплошь окутал черно-бурый туман, пахнувший порохом, битым кирпичом и еще чем-то тяжелым, удушливым. В казарме по соседству спят его друзья. А здесь никого нет, только перевернутые койки, рваные подушки и одеяла.

Да, это, наверное, сон. Надо только проснуться, и тогда все исчезнет, все станет таким, каким было вчера, когда он ложился спать. Володя ущипнул себя. Стало больно, но ничего не

изменилось. Только черно-бурый туман как будто стал рассеиваться. Он хотел встать. Но что это? Володя испуганно взглянул на руку: она была в крови. Сердце сжалось до боли. Он оглянулся. В стене казармы огромная дыра. А вот и его друзья, вот они... Вернее, не они, а то, что от них осталось...

Скорее, скорее бежать! Осторожно обходя тела товарищей, мальчик начал пробираться к дверям.

В это мгновение над головой оглушительно рвануло. С потолка посыпалась штукатурка, прямо перед ним обрушилась притолока. Володя прижался к стене, замер.

Война! И так неожиданно. Только вчера вечером, только вчера было так тихо, хорошо...

Нет, не может быть!

Выскочив из казармы, Володя быстро перебежал двор и, держась у стены, пополз к внешнему укрепленному валу. Хотелось увидеть своих, обменяться хоть несколькими словами. И, если это вправду война, взять винтовку и тоже защищать старую крепость.

Ничего, что ему еще нет и четырнадцати лет, что ростом он меньше своих ровесников. Важнее другое — умение бить врага. А бить его Володя сумеет, наверное, не хуже взрослых бойцов. Недаром на последних учебных стрельбах именно ему командир 44-го полка майор Гаврилов объявил благодарность. Отлично стрелял горнист Володя Казьмин!

Мальчик то полз, то перебежал от укрытия к укрытию, а вокруг него непрерывно рвались снаряды и мины, визжали осколки, свистели пули. Со стороны Восточного форта долетал неумолкаемый треск пулеметов и автоматов, глухие взрывы гранат.

Там шел яростный бой с врагами, там бился полк, воспитанником которого был Володя. Туда и надо было спешить.

На минуту мальчик остановился. Дорогу пересекла женщина с ребенком на руках. Волосы ее были всклокочены, одежда разорвана, местами прожжена. Ребенок был мертв.

Мурашки забегали по спине Володи, слезы подступили к горлу. И он окончательно понял: это война. Война, смерть, руины...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

— Идите за мной!

Этот спокойный, чуть хриловатый голос заставил Володю вздрогнуть: таким неожиданным был он среди непрерывного грохота. Мальчик оглянулся и увидел лейтенанта с автоматом на груди и гранатами за поясом.

Короткими перебежками — лейтенант впереди, а Володя за ним — добежали до Восточного форта. В самый разгар боя. Прячась за танками, гитлеровцы шли в атаку. Один почему-то привлек внимание Володи. Худой, длинный, с серебряными погонами, в высокой зеленой фуражке с белой кокардой. «Офицер», — мелькнула мысль.

Быстро присоединившись к красноармейцам, мальчик выстрелил из карабина. Длинный, взмахнув руками, упал на землю.

— Вот тебе, фашистская гадина! — сквозь зубы прошептал Володя и начал целиться в другого фашиста, который бежал с ручным пулеметом наперевес. И этот растянулся, не добежав до форта.

Но атака продолжалась. Поливая раскаленным металлом укрытия красноармейцев, на форт надвигались тяжелые танки, под прикрытием которых бежали автоматчики.

«Танк пулей из винтовки не остановишь»,— с тревогой подумал Володя и тут же радостно вскрикнул: один из фашистских танков вспыхнул и покосился набок.

— Здорово!

Прошла минута, другая, и брошенная чьей-то сильной рукой связка гранат остановила второй танк. Вскоре запыхал и третий. Остальные повернули назад. Отступили и автоматчики.

Атака была отбита. Стало как будто бы тише.

Но тишина продолжалась недолго. На форт снова пошли фашистские танки; ударила артиллерия, затрещали пулеметы. И снова бойцы прижались к земле, снова один за другим начали падать гитлеровцы.

До самого вечера не прекращались атаки. Не жалея солдат, танков, боеприпасов, немецкое командование хотело во что бы то ни стало уничтожить крепость в первый же день своего вероломного нападения на Страну Советов.

Но врагу это не удалось. Не удалось ему захватить крепость и на второй, третий, пятый день... Рушились старые стены, редели ряды защитников, но те, кто оставался в живых, держались стойко, стояли насмерть.

Как-то среди защитников Восточного форта во время затишья появилась девочка. Она искала горниста 44-го полка.

- Я горнист,— отозвался Володя.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА

Девочка передала Володе приказ командира полка майора Гаврилова идти в госпиталь помогать санитарам. Откровенно говоря, Володе не хотелось оставлять форт. Тут он испытал, что такое настоящий бой, тут впервые в жизни за отвагу командир от лица службы объявил ему благодарность. Но приказ есть приказ, и Володя пошел следом за девочкой в госпиталь.

Госпиталь расположился под внешним валом, в здании с железобетонным перекрытием и толстыми стенами. Сюда не могли попасть бомба или снаряд. Врачи, санитары работали в относительной безопасности. «Потому меня сюда и направили,— подумал Володя,— мол, еще ребенок, надо беречь». Раненых было много. Одни были без сознания и бредили, другие корчились от боли и скрежетали зубами, третьи лежали тихо, неподвижно и глядели в одну точку погасшими глазами. Все это были тяжелораненые. Ни один легкораненый в госпитале не задерживался. Сделают ему перевязку, он закурит, схватит винтовку — и наверх.

А в госпиталь приносили все новых и новых. Врачи и сестры не успевали их перевязывать, не говоря уже о том, что многим требовалась немедленная операция. А тут еще необходимо одних напоить, других накормить.

Все это увидел Володя, и ему стало стыдно за свою недавнюю обиду на командирский приказ. В госпитале он был, наверное, нужнее, чем на обороне форта. Словно в подтверждение его мыслей мальчика вызвал главврач.

— Ледник знаешь где?

— Знаю. Под внутренним валом.

— Иди и носи оттуда лед и продукты для раненых. Только будь осторожен — местность простреливается.

Так Володя стал интендантом госпиталя.

«ГОТОВ К ПРОДОЛЖЕНИЮ СЛУЖБЫ!»

Госпиталь — ледник, ледник — госпиталь... Этим маршрутом он пробирался по несколько раз в сутки. Туда с пустым мешком, а обратно — сгибаясь под тяжелым грузом. И все время завывали над головой снаряды, визжали мины. Думать о своей безопасности было некогда. Льда и продуктов требовалось много, а доставлять, кроме Володи, было некому. И он старался, выбиваясь из сил. Нестерпимо ныла спина, подкашивались ноги,плыли желтые круги перед глазами, но мальчик шел снова и снова. Так было надо, так действовали все защитники крепости — делали все, что было в их силах. И Володя действовал так же, как они.

Однажды, возвратившись из ледника, Володя доложил о своем рейде главному врачу и уже хотел было идти назад, но вдруг упал на пол.

Врач с тревогой наклонился над ним, пощупал пульс, и на его лице появилась грустная улыбка. Володя спал, как говорится, мертвым сном. Санитары бережно подняли мальчика и отнесли в самый дальний уголок госпиталя. Пусть поспит...

Володя не помнил, сколько времени он проспал.

Когда проснулся, то ощутил во всем теле легкость и свежесть. И мальчик доложил главному врачу:

— Горнист 44-го полка Владимир Казьмин готов к продолжению службы!

Главврач внимательно посмотрел мальчику в запавшие глаза и совсем не по-военному, а тепло, по-отцовски, сказал:

— Вот что, Вовка, приказ тебе будет такой — сначала как следует поешь, а потом можешь два часа отдыхать.

Два часа отдыхать!.. Это время он проведет на своем Восточном форте с карабином в руках.

Володя пробрался на Восточный форт, где над головами защитников, которых осталось совсем мало, непрерывно жужжали пули и рвалась шрапнель.

«СПАСИБО, СЫНОК, ДОБРОЕ У ТЕБЯ СЕРДЦЕ...»

А фашисты снова шли в атаку. Они знали, что в форте осталось совсем мало людей, что большинство складов с боеприпасами погибло под обломками стен и красноармейцы берегут каждый патрон, каждую гранату. Фашисты знали об этом и потому шли на приступ во весь рост, засучив рукава, неторопливо и зловеще.

Красноармейцы молчали. Не стрелял и Володя, хотя давно уже взял на мушку правофлангового.

Гитлеровцы все ближе и ближе. Все сильнее сжимает Володя ложе карабина. «Почему нет команды, почему никто не стреляет?» — думает он.

Еще минута-другая, и фашисты подойдут совсем близко!..

И вдруг короткое:

- Огонь!

Володя не слышал выстрела своего карабина. Он слился с дружным треском пулеметов и автоматов. Мальчик только почувствовал легкий толчок в правое плечо и увидел, как шлепнулся на землю правофланговый.

Упали и другие гитлеровцы — кто подкошенный пулей, кто спасаясь от нее. Но красноармейцы не прекращали огня. Они расстреливали тех, кто полз и двигался короткими перебежками. Нельзя было допустить врага к форту: в рукопашной схватке трудно было бы устоять перед такой лавиной. И фашисты не выдержали, побежали назад.

Володя вздохнул с облегчением. Рядом с ним кто-то тоже громко вздохнул. Горнист обернулся и увидел пожилого усатого пулеметчика, старательно вытиравшего лицо pilotкой. Тот тоже смотрел на Володю.

— Ты откуда такой взялся? — спросил пулеметчик.

— А я в госпитале был, помогал. Теперь я тут... отпустили на два часа...

— Страшно? — в глазах пулеметчика заиграли лукавые огоньки.

— Не очень,— ответил Володя.

— Ты бы воды принес, сынок. Ребята от жажды пропадают. Она, проклятая, сильнее, чем фашисты, донимает.

Принести воды! Легко сказать. А где ее возьмешь, эту воду? В госпитале тяжелораненым и то дают по капле, не больше, а сами врачи и сестры почти совсем не пьют. И все потому, что во время первой же бомбардировки фашисты разбили водопровод. Чтобы добраться до Муховца или Буга, особенно днем, нечего было и думать. Вся местность простреливалась. Володя знал, что отдельные смельчаки ходят к Муховцу, и не без успеха. Значит, и он может пойти.

— Я вам, как стемнеет, принесу воды,— пообещал Володя. В июне сумерки сгущаются медленно. Кажется, и солнце уже давно зашло, а вокруг светло и видимость такая, как в пасмурный зимний день. Но хуже всего то, что непрерывно вспыхивает пламя разрывов, небо прорезают белые дуги ракет, осторожно прощупывают местность прожектора.

Долго лежал Володя в укрытии, дожидаясь удобной минуты. Вот яркий луч прожектора медленно прополз вдоль берега, скользнул по воде, на мгновение остановился и повернул назад. Погас, потом снова вспыхнул и принялся шарить по берегу и в реке. Это повторялось через равные промежутки времени.

Такими промежутками Володя и решил воспользоваться для перебежки. Сделать десять — двенадцать шагов, потом упасть в какую-нибудь воронку или за камень и ожидать, пока погаснет прожектор. Только бы фляжки не подвели. Их аж двенадцать, и некоторые не обшиты. Могут звякнуть.

План оказался удачным. До самой речки Володя добрался незаметно. Потом лег в воду так, что на поверхности остался только нос, и начал наполнять фляжки.

Радуясь успеху, Володя пробирался назад уже менее осторожно. И когда до прикрытия оставалось каких-нибудь пятнадцать — двадцать шагов, по нему внезапно скользнул и замер луч прожектора. Едва успел Володя броситься на землю, как, захлебываясь, застрочил пулемет, потом одна за другой рванули рядом три мины.

Мальчик лежал ни жив ни мертв. В ушах звенело, болела голова, руки и ноги почему-то перестали слушаться. Володя, попробовал подняться и сразу же потерял сознание.

Пришел он в себя оттого, что кто-то влажной рукой провел по его лицу.

«Фашисты!» — мелькнула страшная мысль. Володя рванулся, но на него цыкнули.

— Лежи, не двигайся! Мы свои,— прошептал кто-то. В это мгновение по ним скользнул луч прожектора. Володя успел разглядеть лицо того, кто говорил. Это был лейтенант, которого он встретил в первый день войны.

— Ползти сможешь? — спросил лейтенант.

— Кажется, смогу.

И вот они втроем — впереди лейтенант, за ним Володя, а сзади пограничник — поползли к крепости.

Через полчаса Володя был у Восточного форта. Светало. Было почти тихо. Только изредка доносились одиночные выстрелы или короткие пулеметные очереди. Володя нашел пулеметчика и дал ему фляжку:

— Вот, пейте...

Пулеметчик осторожно, словно бесценное сокровище, взял в руки фляжку, подержал немного и поднес к губам. Закрыв глаза, он сделал несколько глотков.

— Ух ты! — его потрескавшиеся губы растянулись в счастливой улыбке.— Ну, теперь меня надолго хватит. Берегись, фашистский гад! — погрозил он кулаком.

— Вы пейте, пейте еще,— сказал Володя.

— Спасибо, сынок. Доброе у тебя сердце,— сказал пулеметчик.— Только знаешь, есть у нас такая поговорка: сам съешь хоть вола — одна хвала. Другие тоже хотят пить. Вот и отнеси им. А мне пока достаточно.

От красноармейца к красноармейцу переходил Володя и давал каждому флягу. Бойцы брали ее дрожащими от нетерпения руками, припадали к горлышку, но, как правило, глотнув два-три раза, отрывались и, отдавая фляжку назад, просили:

— Неси дальше. И там пить хотят...

Когда Володя вернулся обратно, было совсем светло. Началась новая атака.

Непрерывно били орудия и минометы, один за другим пикировали бомбардировщики, сбрасывая на форт сотни килограммов смертоносного груза. Отстреливаться не было никакого смысла, и защитники форта лежали неподвижно в укрытиях.

После артналета и бомбардировки Володя осторожно приподнял голову и посмотрел на усатого пулеметчика. Его лицо было в крови.

— Вы ранены? — испуганно спросил мальчик.

— Да, сынок. Побудь-ка у пулемета, пока я заскочу вниз, сделаю перевязку.

Вскоре враг опять начал яростный артналет. Снаряды рвались по всему форту. Один из них упал рядом с пулеметом.

Володя увидел только огромный сноп пламени и... полетел куда-то в темную бездну...

Володя поднимает тяжелые веки. Над ним знакомое усатое лицо, и вокруг лица — осунувшиеся, измученные. Они качаются слева и справа. А за ними — чужие фигуры в мундирах жабьего цвета.

— Фашисты!

Володя хочет приподняться, но чьи-то руки крепко его держат.

— Лежи, лежи...

Это говорит усатый пулеметчик. Он несет Володю на руках...

Вскоре, когда Володя немного окреп, пулеметчик рассказал ему обо всем, что тогда случилось. Взрывом снаряда Володю тяжело контузило, и стрелять он не мог. Но когда к пулемету подбежали фашисты и хотели его забрать, мальчик бессознательно вцепился в ручки и никак не хотел их отпускать. Гитлеровец замахнулся на него штыком. Но в эту минуту пулеметчик схватил Володю на руки. Так их и еще нескольких красноармейцев захватили в плен...

Через несколько дней в концлагерь привели еще одну группу военнопленных. Среди-них был мальчик. Володя внимательно в него всмотрелся: он показался ему знакомым. «Где же я видел его? — вспоминал он.— Ага...» И Володя Казьмин явственно вспомнил мирный Брест. Был чудесный весенний день. Володя гулял с товарищами. На одной из улиц они заметили мальчика в такой же, как и у «их, форме. Посмотрели друг на друга, но так и не познакомились. Кто-то из ребят тогда сказал:

— Это горнист 333-го стрелкового полка.

Больше мальчики в мирные дни не виделись. И вот встреча...

— Что думаешь делать? — спросил Володя.

— Бежать. А ты?

— Тоже.

И они пожали друг другу руки.

...Чем закончится этот, уже восьмой или десятый побег из фашистской неволи?

Тихо, осторожно идут глухими тропами по лесу два маленьких героя. А где-то впереди уже слышится далекий грохот советской артиллерии. Наши наступают!..

В начале войны Владимиру Казьмину не было и четырнадцати лет. После Победы он начал работать на одном из предприятий нашей страны.

Е. КУРТО, П. ТКАЧЕВ

НАШ ВОЛОДЯ

Если вы попадете в город Керчь, город двух морей — Черного и Азовского, и, совершая прогулку по главной улице Ленина, пересечете улицу маршала Ворошилова, на следующем углу вам бросится в глаза синяя табличка:

УЛИЦА ВОЛОДИ ДУБИНИНА

Володя Дубинин

Если же вы захотите узнать подробнее, чьим именем названа эта улица, сходите в музей. Там, в зале, где собраны материалы о славных крымских партизанах, вы увидите портрет мальчугана лет тринадцати-четырнадцати. Из-под упрямого высокого и чистого лба на вас глянут очень большие веселые и пытливые глаза, и вы невольно залюбуетесь открытым и необыкновенно милым лицом. Это портрет Володи Дубинина, «нашего Володи», как любовно зовут и поминают его в Керчи. Имя керченского пионера вошло в историю бесстрашной борьбы советских людей за освобождение Крыма, за утверждение мира во всем мире. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Бронзовый бюст юного героя вы увидите перед фасадом средней школы, носящей имя Володи Дубинина.

Если вы попросите Володину мать, Евдокию Тимофеевну, рассказать о сыне, она припомнит немало историй, которые вечно приключались с Володей. Он был неугомонным, деятельным, всегда стремившимся осуществить в жизни то, что наполняло мечтами его горячую голову.

В ящиках Володиного стола всегда хранилось множество каких-то инструментов, гвоздей. Оттуда вылезала непослушная проволока, капала разлитая кислота, пахло чем-то едким. Иногда на Володином столе что-то взрывалось, заполняя удушливым дымом комнату. Мальчик доставлял матери много хлопот. Но сердиться на Володю было трудно: прямодушный, очень честный, он никогда не лгал и сам откровенно во всем признавался.

Евдокия Тимофеевна тихо рассказывала нам про своего сына, когда мы впервые пришли к ней и сидели в чистой горенке у портрета, висевшего на стене. И Володина сестра, Валя Дубинина,— она была старше своего брата почти на два года — вставляла словечко, чтобы дополнить рассказ матери, если та что-нибудь не могла припомнить.

Мы узнали, что в довоенное время семья Дубининых состояла из четырех человек. Об этом напоминала большая семейная фотография в рамочке под стеклом. На ней нетрудно было узнать тогда еще молодую Евдокию Тимофеевну и Валю, еще девчущуку, и самого Володю, наголо остриженного, восьми-или девятилетнего.

Вместе с ними на фотографии был крупный, добродушный мужчина, обритый наголо, чуть улыбающийся, как бы оглядывающий всю свою семью. Он был в просторном двубортном пиджаке, но по его облику и фигуре, по выправке угадывался человек, привыкший к военному костюму.

То был отец Володи, Никифор Семенович Дубинин, партизан гражданской войны. Он был моряком. И Володе вместе с матерью довелось немало поездить от Черноморского берега до берегов Заполярья. В Мурманске, на пароходе «Красин», где служил отец, Володя быстро сдружился со всей командой. Он скоро узнал, как устроена машина, но и тут не удержался от «опытов». Однажды, когда кочегары и машинисты мылись в корабельной бане, Володя, оставшись один в машинном отделении, стал вертеть «для исследования» рукоятки кранов и нечаянно выпустил пар из котла. В бане тотчас же прекратилась подача горячей воды, и намыленные кочегары бросились сквозь облака выпущенного пара в машинное отделение, где перепуганный виновник происшествия сам во всем признался.

Расспросите старую школьную учительницу Юлию Львовну Файст, она приведет немало примеров из школьной жизни Володи, когда замечательно проявлялась его душевная прямота, взыскательная честность в отношениях с товарищами, справедливость в суждениях.

Если вы спросите бывших авиамodelистов из Керченского дома пионеров, они сообщат вам не без гордости, что пионер Володя Дубинин занимался в их кружке и был одним из лучших авиаконструкторов города. Его модели ставили рекорды, и все помнят, как он построил «И-16», маленькую модель истребителя, как мечтал: «Вот скоро полетит мой птенчик...»

Много еще можно узнать о Володе от его друзей, родных, школьников, но самое интересное, самое главное расскажут о Володе Дубинине бывший командир партизанского отряда Лазарев, боевой соратник Володиного отца в молодости Иван Захарович Гриценко, его сын, а также другие партизаны. После войны они вернулись к своей мирной работе, но никто из них не забыл пятидесяти суток, проведенных в сыром мраке каменоломен Старого Карантина, близ города Керчи.

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны Володя вернулся из «Артека» поздоровевший, полный всевозможных планов на лето, но... началась война. Отец ушел в военный флот. Убедившись, что в его возрасте «на войну еще не принимают», Володя задумался вместе со своими сверстниками над тем, как можно у себя дома помочь далекому фронту. Он стал вожаком тимуровцев. Во многих семьях фронтовиков скоро стали считать

своим домашним человеком большеглазого, круглолобого, загорелого мальчугана с алым галстуком, который он снимал, когда был недоволен собой или какое-нибудь дело, не доведенное до конца, томило его совесть. Ребята собирали бутылки, которые, можно было превратить в противотанковые снаряды, наполняли их горючей жидкостью. По сбору бутылок звено Володи Дубинина заняло первое место в городе.

А фронт все приближался. В конце лета немцы повели наступление на Крымский полуостров. По ночам вражеская авиация бомбила город. Дубинины переселились к Володиному дяде в поселок Старый Карантин.

В КАМЕНОЛОМНЯХ

Здесь мальчик обычно проводил свои летние каникулы, здесь он со своим двоюродным братом Ваней Гриценко и с другими ребятами играл в войну красных партизан против белогвардейцев. Ребята как-то уговорили Ивана Захаровича Гриценко сводить их в каменоломни. И там, глубоко под землей, пробираясь со свечами в руках по таинственным каменным галереям, мальчики увидели выцарапанную на камне звезду и под ней надпись: «Здесь в 1919 году жили и воевали за Советскую власть красные партизаны Старокарантинского отряда Никифор Дубинин и Иван Гриценко». Словно замороженные, стояли тогда мальчишки перед этой памяткой о боевой молодости их отцов.

А теперь, придя в Старый Карантин, Володя увидел у входа подземной каменоломни автомашины, телеги, нагруженные ящиками, мешками, бочками. Все это спешно сгружали в черные недра каменоломни. Сперва мальчик решил, что под землей устраивают склад, чтобы уберечь продовольствие от наступающих немцев, но потом догадался, что дело тут посерьезнее. Гриценко был посвящен в тайну, но не раскрывал ее Володе. И не сразу удалось ему узнать, что под землей коммунисты организуют партизанский отряд. Володя бросился к Гриценко, стал спрашивать дядю похлопотать, чтобы его приняли в отряд.

Командир партизанского отряда, уходившего под землю, бывший моряк Александр Федорович Зябрев, хорошо понимал, какие жестокие испытания предстоят людям в каменоломне. Поэтому он зачислял в отряд только таких людей, в которых был уверен, что они могут выдержать любые трудности. Но, видно, Гриценко сумел рассказать о своем племяннике командиру. Зябрев поверил старому партизану и зачислил Вову Дубинина в отряд.

— Может быть, из него и разведчика придется сделать,— задумчиво произнес он.

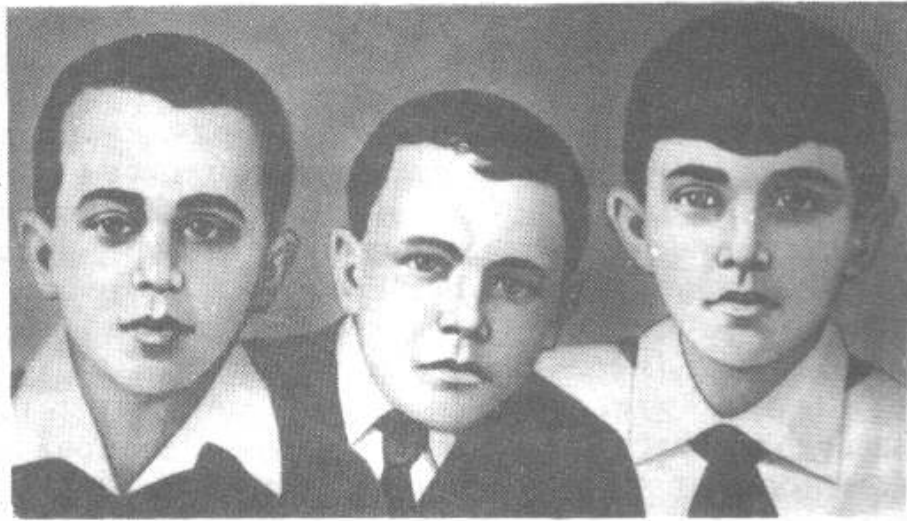
— По-моему, из Вовки хорошего бойца выкроишь,— уверенно ответил дядя Иван.— Он из нашей породы.

Бои приближались, немцы были уже на пороге города.

6 ноября 1941 года, в канун Октябрьского праздника, партизаны услышали по радио голос Москвы. Каждый запомнил услышанные слова, как наказ Родины и партии: «Истребить всех до единого немецких оккупантов, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения». Назавтра партизаны спустились в подземные каменоломни, где двадцать два года тому назад скрывались славные борцы за молодую Советскую власть.

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей провел партизанский отряд под землей. Пятьдесят дней и пятьдесят ночей пробыл с партизанами в подземной крепости Володя Дубинин. Узнав, что в каменоломнях скрываются партизаны, немцы всеми способами старались уничтожить маленький отряд. Партизаны отразили все попытки фашистов пробиться в каменоломни, уничтожили полтора гитлеровцев. Немцы бросали в каменоломни бомбы, пытались отравить партизан удушливыми газами, замуровать их заживо: все входы, все щели были

залиты бетоном и заминированы снаружи. Но партизаны не сдавались. Они ушли на глубину до 60 метров. Отделенные шестидесятиметровой толщиной камня от всего живого, от света, от наземного воздуха, теряя счет дням и ночам, партизаны жили по точному трудовому расписанию, подчиняясь правилам боевой дисциплины. В свободные часы проводили военные и политические занятия, читали вслух книги, взятые с собой под землю.

Партизанские разведчики Володя Дубинин, Толя Ковалев и Ваня Гриценко

Люди соскучились по звездам. Иногда ночью молодые партизаны подползали к открытому стволу шахты и тихонько любовались снизу крохотным клочком звездного неба, которое синело там, наверху. Но черная фигура немецкого часового заслоняла звезды, и при малейшей неосторожности сверху начинали сыпаться фашистские гранаты.

Немцы оцепили всю местность, обнесли ее колючей проволокой, заминировали все подступы. По приказу немецкого командования ни одна живая душа не смела появляться в этом районе. Но юный разведчик Володя Дубинин, два его товарища Ваня Гриценко и Толя Ковалев ухитрились пробираться на поверхность через потайные щели. Обнаружив эти входы, немцы и их замуровали. Осталась одна щель, совсем маленькая, через нее мог пробраться наверх только Володя. Он один ходил в разведку, доставляя партизанам ценные сведения.

Володя очень соскучился по матери и сестренке. Однажды он подкрался к окнам домика Гриценко и глянул через окно: увидел усталое, измученное лицо матери, увидел сестру; но помня долг разведчика и важность порученного ему дела, не оказал о себе, не позвал.

ПАРТИЗАН СПАСЛИ СМЕТЛИВОСТЬ И БЕССТРАШИЕ ВОЛОДИ

Однажды во время разведки Володя обнаружил тяжело раненного советского моряка и помог перенести его в каменоломни. В другой раз, когда Володя возвращался в отряд, оказалось, что немцы уже замуровали отверстие, из которого он выполз несколько часов назад. Долго ползал мальчуган по заминированным камням в нескольких шагах от немецких часовых, прежде чем отыскал другую лазейку.

Потом случилось так, что он, выбравшись на поверхность, разведал коварный план гитлеровцев, собиравшихся затопить каменоломни морской водой. Рискуя жизнью, Володя под самым носом фашистских часовых ухитрился проползти обратно в каменоломни и успел

предупредить подземных партизан о страшной, губительной опасности. Партизаны бросились спешно возводить плотины в галереях. Был объявлен подземный аврал.

Всех свободных от дежурств и караулов партизан срочно направили в верхний ярус каменоломен. В полной тишине, стараясь не привлечь внимания немцев, которые орудовали над самой головой у партизан, устанавливая трубы, шланги и насосы, чтобы вода пошла в недра каменоломен, партизаны начали возводить из камня-ракушечника внутренние стены и перегородивать ими коридоры, которые вели к опасному сектору.

И вовремя! Каменные перегородки еще не были окончательно сложены, когда сверху через один из стволов, размурованных гитлеровцами, хлынула, шумно бурля, вода. Она быстро затопила верхнюю галерею, ударила струйками сквозь щели еще не зацементированных каменных стен. Высоко держа над головами шахтерские лампочки, по колена, а кое-где и по грудь в студеной воде, партизаны заделывали отверстия в подземных плотинах. Всю ночь шла работа. К утру вода уже не проникала в нижнюю галерею. Но так как враги могли каждую минуту пустить воду через другие шурфы, партизаны продолжали возводить водонепроницаемые каменные преграды на всех подозрительных участках верхних галерей.

За двое суток все эти коридоры были наглухо заделаны камнем и замазаны цементом.

Когда опасность быть затопленными в каменном мешке миновала, партизаны — а их было свыше девяноста человек — вспомнили, что своим спасением они обязаны сметливости и бесстрашию Володи. Он подвергся смертельной опасности, когда днем, почти на виду у фашистов, пробрался назад в каменоломни, чтобы предупредить командование отряда о смертельной опасности, нависшей над людьми.

В последние часы тяжелого 1941 года, под самый Новый год, Володя Дубинин выбрался на поверхность, чтобы по приказу командира связаться с партизанами, засевшими в Аджимушкайских каменоломнях, расположенных далеко от Старого Карантина.

Выйдя наверх, Володя неожиданно натолкнулся на красноармейцев и матросов, которые только что высадились десантом и освободили Керчь от фашистских захватчиков.

Эту ошеломляющую, радостную весть, которую партизаны под землей ждали, как земного света, как глотка свежего воздуха, принес в подземелье юный разведчик Володя Дубинин.

Советские солдаты и моряки помогли черным от копоты, полуосветившим от постоянной темноты людям выбраться на поверхность.

Володя отправился к матери, прицепив к поясу почти целый десяток гранат. Ему хотелось показаться матери и сестре во всей партизанской красе. Но когда прошла первая радость свидания, мать велела чумазому, закопченному герою прежде всего раздеться и хорошенько вымыла его в горячей воде.

После освобождения Керчи Советское правительство наградило юного разведчика пионера Володю Дубинина орденом Красного Знамени. В списке награжденных партизан он идет вторым — вслед за погибшим командиром отряда Александром Зябровым.

4 января 1942 года Володя добровольно вызвался помочь саперам, взявшимся за расчистку заминированных фашистами подступов к каменоломням. Здесь бесстрашного мальчика настигла смерть. Вместе с одним из саперов он подорвался на mine.

Володя Дубинин похоронен в партизанской могиле, неподалеку от каменоломен.

Вот чье имя носят школа в городе Керчи и улица, ведущая от горы Митридат к морю. О нем рассказывают и страницы книги Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Л. КАССИЛЬ, М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Памятник Володе
Дубинину в Керчи

ПИОНЕРЫ СЕЛА ПОКРОВСКОГО

ПЕРВАЯ ЛИСТОВКА

С некоторых пор в селе Покровском, оккупированном фашистами, стали твориться странные вещи: то появятся на стенах домов написанные от руки воззвания к советским гражданам, то немецкий солдат, встав поутру, недосчитается патронов, нескольких гранат или даже винтовки. Фашисты неистовствовали. Они ходили по хатам, рылись в сундуках, обыскивали сараи и подвалы, но ни гранат, ни винтовок не находили, а неприятные для новых «хозяев» происшествия все учащались.

На листовках вместо подписи стояли три таинственные буквы: «КСП». Кто скрывался за этими буквами? Двух мнений тут быть не могло: конечно же, партизаны. Немцы потеряли покой. Круглые сутки по селу шагали патрули. И ни одному оккупанту не могло прийти в голову, что партизанский отряд, нападения которого они ждали с минуты на минуту,— это

всего лишь группа детей и подростков: немцев держали в постоянном страхе двенадцать покровских пионеров.

Теперь нам следует вернуться назад, чтобы читателю стало понятно, как же это все произошло.

В хате Носаковых собрались друзья. Они услышали о возвращении из Артемовска Васи Носакова.

Всего несколько месяцев назад они вместе, гурьбой ходили в одну школу, веселились у костра. Каким далеким было все это!

Намного выше казались очень похудевшие Володя Лагер и самый близкий Васин друг Борис Метелев. Еще больше потемнело смуглое скуластое лицо Толи Цыганенко, которого

в школе прозвали Цыганом. Прежде такие живые, лукавые глаза его теперь смотрели хмуро, исподлобья.

Раньше встречи ребят бывали шумными, веселыми, говорили все вместе, громко смеялись. Теперь в комнате сидели все те же мальчики, но было тихо, и говорили они почти шепотом, словно думали вслух. Борис Метелев молчал, и Вася заметил, что товарищи посматривают на него с каким-то особым сочувствием. Но Володя Лагер сказал:

— У нас, знаешь, сколько народу в Германию угнали? — И снова взглянул на Бориса.

— Нашу Таню тоже угнали...— собравшись с силами, заговорил, наконец, и Борис.

— Таню? — громко отозвался Вася, впервые услышавший об этом.

— Спрятать мы ее не успели...— не поднимая головы, с трудом, будто каждое слово царапало ему горло, рассказывал Борис.

— Когда уводили, я ей сказал: «Правду писать тебе все равно не дадут, так ты вот как делай: если не вовсе тебе уж плохо будет, пиши, что живешь добре, а если очень худо, пиши, что живешь хорошо». И вот пришла от нее открытка. Все слова черным замазаны, а оставлено только три слова: «Я живу хорошо...»

Вася слушал, закусив губу. Он знал, как Борис любил сестру. Да и все ее любили. Была она веселая, добрая, приветливая. И пела славно.

— Потом и меня погнали в Германию,— продолжал Борис.— Вели под конвоем. Есть ничего не давали. Кто от голода ослабеет, идти не может, тех бросали на дороге умирать. Я решил — убегу, нипочем не поеду на чужбину, пусть умру, но на своей земле. И убежал. Сколько километров — все бегом да бегом, не знаю, откуда и силы взялись. Потом два месяца дома с постели не вставал...

Вася Носаков

Надя Гордиенко

— Ну, так... Как же мы теперь... будем? — неожиданно прервал Бориса Володя Лагер, уже прямо обращаясь к Васе.

Вася был в школе председателем их пионерского отряда, не по годам серьезным, вдумчивым, его товарищи любили, уважали и относились к нему, как к старшему. Вместо ответа Вася стал рассказывать обо всем, что видел, что испытал в Артемовске: о пленных за колючей проволокой, о том, как он сам сидел в тюрьме, о партизанах, которые действовали не только в лесах, но и в городах, селах.

— Но мы-то, мы-то что можем сделать? — с горечью воскликнул Толя Цыганенко. — У нас и оружия-то нет.

— Взрывать мосты, дороги — да разве это сделаешь голыми руками? — добавил Володя Лагер.

— С партизанами бы связаться, — сразу оживился Борис, — да где их найдешь? В Покровском ничего пока о них не слышать. Лесов у нас поблизости нет — одна степь.

— Я знаю, с чего надо начать. Знаю, — твердо произнес Вася.

— Но сперва... сперва подумаем, кого еще мы возьмем в свою... ну, в компанию... Нет, в отряд, — слово «компания» Васе показалось неточным, легковесным.

— Толю Погребняка, — стали называть ребята.

— Прокопенко.

— Володю Маруженко.

Вася согласно кивал головой, потом нерешительно спросил:

— А Лену Никулину?

— Ну, нет! — дружно запротестовали ребята.

— Мала очень.

— И уж больно поговорить любит, еще проболтается!

— Как хотите, — сказал Вася, в душе, однако, оставшийся при своем мнении. Несмотря на то, что Лене было всего двенадцать лет, он давно дружил с ней и верил ей.

— Давайте напишем листовку,— предложил Вася.— Вам приходилось читать листовки, которые сбрасывают советские самолеты?

— Как же, приходилось,— сказал Володя Лагер.— У меня и дома они есть. Читали.

— А мы еще напишем свои, понимаете? И расклеим их всюду. Прямо сейчас напишем, тут нечего раздумывать — дело ясное.

Вася подошел к столу, тщательно очинил карандаш, вырвал из тетради несколько чистых листов, разрезав каждый на две равные части. Бумагу надо было экономить.

...Так появилась в Покровском первая листовка. И говорилось в ней вот о чем:

Вставай на защиту своей родной Отчизны!

Мы знаем, что врага можно на фронте убить только с одной стороны, а в тылу его можно настичь со всех сторон. Так что давайте бороться хоть понемногу, чтобы как можно скорее разбить врага и освободить наших угнетенных, кого насильно забрали в неметчину. Над ними издеваются, их морят голодом. Товарищи, давайте дружно возьмемся и поможем нашей доблестной Красной Армии! Вставайте против врага! Смерть фашистам!

Много было потом таких листовок, вырванных из школьных тетрадей в клетку или в линейку, исписанных старательным и неровным ученическим почерком. Покровчане поспешно, словно мимоходом, прочитывали их поутру, прежде чем немцы успевали сорвать со стен домов. Иногда люди находили такие листовки прямо на ступеньках своих крылец под камешком (чтобы не унесло ветром). И, читая эти листовки, люди словно вдыхали свежий воздух,*с благодарностью думая о тех, кто стоял за тремя загадочными буквами: «КСП».

ДЕВОЧКИ

Надя Гордиенко до войны хорошо училась, толково выполняла поручения пионерского отряда. Но друзей, настоящих, близких друзей, у Нади не было. Ребята считали ее гордой. «Нелюдимая она какая-то»,— случалось, говорили о ней одноклассники. А Надя была молчаливой и замкнутой не от гордости, а от застенчивого характера. Первой поняла это Оля Цыганкова, веселая черноглазая девочка. И скоро Надя стала для нее ближе всех подруг.

И теперь подруги все время проводили вместе. Однажды, еще до возвращения Васи из Артемовска, им удалось подобрать в степи, куда они часто ходили вдвоем, много листовок, сброшенных советским самолетом.

Несколько раз перечитали девочки все, что было в них написано, почти наизусть выучили и хотели оставить их в степи — авось попадутся на глаза кому-нибудь из своих, но, подумав, взяли с собой.

В ту же ночь, осторожно, ползком прокрадываясь мимо немецких патрулей, они разнесли листовки по селу. Так девочки решили поступать и впредь.

Оля Цыганкова

Володя Маруженко

Они поделились своими планами с тремя подругами: Варей Ковалевой, Ниной Погребняк, Леной Никулиной, той самой, которую Вася хотел привлечь в свою группу. Надя и Оля знали: Лена пойдет решительно на все, лишь, бы навредить ненавистным врагам, с которыми ей пришлось столкнуться особенно близко.

В холодную зиму немцы заняли чистую, светлую хату Никулиных, выкинув хозяев в сени. Родители Лены понимали — перечить бесполезно. Но Лена не могла, не желала мириться с таким произволом.

— Это наш дом, понимаете, наш! — крикнула она однажды своим непрошенным квартирантам.— Вы не смеете нас выгонять!

Немцы не знали украинского языка, но гневное лицо девочки было красноречивее всяких слов. На минуту в комнате стало очень тихо. Потом гитлеровский офицер схватил ее за плечи и толкнул с такой силой, что она отлетела за дверь, ударилась в кухне головой о плиту и потеряла сознание.

...И Лена, несмотря на то, что была самой маленькой, первая предложила девочкам распространять листовки. Девочки сами сочинили листовку, переписав ее во множестве экземпляров. Это первое их воззвание было обращено к Покровским пионерам:

Пионер! Вставай на защиту своего родного края! Не давай пощады немецким захватчикам! Помогай своим отцам и братьям! Они борются, чтобы выволить нас из немецкого рабства! Да здравствует Красная Армия!

Однажды к Васе прибежали взволнованные сразу все его товарищи. Он удивился, нахмурился: не дело это — собираться среди бела дня, кто-нибудь может заметить, заподозрить неладное. Но то, что рассказали ребята, ошеломило его. Два Анатолия — Цыганенко и Погребняк — видели сегодня прикрепленную к дереву листовку, написанную как и их листовки, от руки. Почерк был детский, ученический: очевидно, в селе действовали еще какие-то ребята.

Надо было поскорее узнать, кто же эти неизвестные друзья. И снова Вася подумал о Лене: может быть, она знает?

— Надо бы спросить у Лены,— задумчиво сказал Вася.

— А я у Нины спрошу,— решил Толя Погребняк.— Может, она знает.

В тот вечер Толя долго старался выведать что-нибудь у сестры. Он подозревал, что она-то и

писала листовки, почерк, хотя и старательно измененный, все же казался ему очень знакомым; но Нина только делала круглые глаза и пожимала плечами.

— Да что ты, в самом деле? — повторяла она с удивлением. — Какие тебе листовки еще!

Так он ничего от нее и не добился.

Но, собравшись как-то вечером, девочки решили открыться Васе. Пока только ему, потому что они его уважали больше всех. К тому же Лена горячо уверяла их, что листовки в селе — это не иначе как дело рук Васи и его товарищей.

К Носаковым пошли вдвоем — Надя и Лена. Они во всем признались Васе, а тот рассказал им о своих делах. Отныне ребята решили действовать сообща, избрав командиром своего отряда Васю.

КСП

Так их стало двенадцать — пять девочек и семь мальчиков. Вечером 15 мая 1942 года они собрались у Васи Носакова. Приходили по одному, чтобы не привлекать внимания патрулей. В полной тишине ребята надели пионерские галстуки, построились в линейку, тесно прижавшись плечом к плечу. При скудном свете крошечной коптилки лица их казались особенно строгими, повзрослевшими. Вася вполголоса, почти шепотом, читал слова клятвы. Хор приглушенных, взволнованных голосов вторил ему:

— Буду выполнять все задания, которые мне поручит командир!

— Буду беречь в секрете всю работу отряда.

— Буду мстить подлым врагам, которые принесли нам голод и смерть...

Забыв об осторожности, ребята говорили все громче и громче. А в это время совсем рядом, в темных сенях, стояла Домна Федоровна. Она прислонилась к стене, уронив руки, ссутулясь, словно под тяжкой ношей, прислушивалась к доносящимся из-за двери голосам и беззвучно плакала, не утирая слез. Плакала о том, что рано кончилось детство ее сына и его друзей, и кто знает, что ждет их, таких еще юных и неопытных, на их трудном и честном пути.

Толя Погребняк

Варя Ковалева

Но так было повсюду, где ступал тяжелый сапог захватчиков. Молодые и старые, дети и

женщины боролись с врагом, боролись не в одиночку, а сообща, боролись днем и ночью, не щадя ни сил своих, ни жизни. И под откос летели составы, пылали склады оружия, рвались гранаты, падали убитые фашисты. Разоренные, измученные села и города оцетинились партизанскими отрядами, повстанческими комитетами, подпольными союзами. И отряд покровских пионеров был лишь одной частицей, одним боевым звеном великой народной армии.

Что же означали таинственные буквы КСП, которые неизменно стояли теперь под каждым воззванием пионеров села Покровского?

Нина Погребняк

Толя Цыганенко

Вася уже давно писал повесть, не один год. Героя этой повести Вася назвал Анатолием Каровым. До войны его жизнь протекала спокойно, светло, так на Васиных картинах (он увлекался и рисованием) цвели, зеленели сады, шуршали камыши, роса ложилась на травы.

Вася наделил своего героя лучшими человеческими чертами: он был смелым, добрым, верным другом, любящим сыном и братом. Когда началась война, Васин герой взялся за оружие, чтобы вместе со своими соотечественниками освободить любимую Родину от фашистских захватчиков.

Вскоре после того, как пионеры дали клятву, Вася рассказал товарищам о своей повести и прочитал им последние, недавно написанные страницы — о том, как, исполняя поручение партизанского отряда, Каров идет в родное, занятое немцами село, как встречается с матерью и узнает, что его любимую сестру фашисты угнали в Германию.

Ребята сидели притихшие, взволнованные. Они услышали рассказ о себе, о том, чем жили они сегодня. И тогда же — никто не помнит, кому первому пришла эта мысль, — они решили дать своему отряду имя Карова. Так родилось название: Каровский союз пионеров, сокращенно — КСП.

ВЗРОСЛЫЕ ДРУЗЬЯ

Они слышали плач девушек, которых угоняли в Германию. По ночам их будил треск автоматов. Утром за селом они находили свежие могилы. Они видели все, что творили гитлеровцы в их родном селе, и ненавидели врага глубокой, жгучей ненавистью.

Ребята установили свои законы, которые должен был соблюдать каждый член подпольной пионерской организации. Запрещалось говорить по-немецки, запрещалось произносить бранные слова. «Уважать друг друга, не ссориться между собой, не насмехаться над товарищами», — таков был один из нерушимых законов Каровского союза. На улице пионеры не могли открыто салютом встречать друг друга. И они избрали другое приветствие. При встрече пионер тихо спрашивал товарища :

— Ты готов?

И слышал тихий знакомый ответ:

— Всегда готов!

Уже было написано много листовок, собрано и спрятано много патронов. Но что делать дальше? Что происходит на Большой земле, на фронтах? Как об этом узнать, чтобы донести правду до односельчан, которым фашисты упорно твердили, что Москву они давно взяли, что война ими уже, в сущности, выиграна?

По селу шел глухой говор, будто невдалеке действует партизанский отряд, будто там в отряде есть и покровчане — коммунисты, комсомольцы. Ребята были уверены: так оно и есть. Лена, в доме которой по-прежнему квартировали немецкие офицеры, часто слышала разговоры о партизанах. По ночам офицеры вскакивали от каждого крика часового, спали не раздеваясь, даже не снимая сапог. Все это было неспроста.

Но как узнать, где находится партизанский отряд? Как с ним связаться? Вот о чем неотступно думали ребята.

И вдруг однажды старшая сестра Васи Галина попросила Васю придти к ней, когда стемнеет: с ним хочет повидаться один человек.

Еле дождавшись вечера, Вася осторожно, садами пробрался к хате сестры. Галя открыла ему дверь и провела не в горницу, а в кладовую, где возле маленького стола сидел... немецкий офицер. От неожиданности Вася попятился к двери, но офицер поднял голову, и неровный мерцающий свет коптилки скользнул по его лицу.

— Вы! — радостно воскликнул Вася.

Это был тот самый сероглазый человек, с которым Вася однажды встретился у своего дяди в Артемовске. Вася его сразу узнал, несмотря на ненавистную форму, в которой все немцы казались ему на одно лицо, и вспомнил: этого человека он видел в довоенные праздничные дни в президиуме, на трибуне.

— Ну так вот, — тихо произнес тот, словно продолжая уже начатый разговор. — Я тебе дам сейчас листовки, в них последние сводки Совинформбюро...

— Вы партизан? — громко вырвалось у Васи.

Володя Лагер

Лена Никулина

Он тут же понял, что спрашивать об этом не следовало, но его собеседник ответил серьезно и просто:

— Да, я партизан. Слышали мы о тебе и о твоих товарищах. Думаем, что вам можно довериться. Вы нам сможете помогать. Да, уберечь вас надо, а то сгоряча натворите на свою голову...

Долго разговаривали Вася и сероглазый партизан, назвавший себя Степаном Ивановичем.

С этого дня многое изменилось. Степана Ивановича Вася долгое время не видел и скучал о нем, словно это был близкий, родной ему человек. Но приходили товарищи Степана Ивановича, с которыми Вася встречался у сестры и еще в доме одной женщины, жившей неподалеку от Носаковых.

Вся деятельность ребят наполнилась новым содержанием, теперь каждым их шагом руководили взрослые, опытные люди.

Они приносили Васе последние сводки Совинформбюро, принятые партизанами по радио с Большой земли, а Вася рассказывал им обо всем, что происходило на селе, передавал оружие и патроны, добытые у немцев.

ФЛАГ НАД ПЕЩЕРОЙ

Лена Никулина обижалась на товарищей: долгое время она только переписывала листовки, других поручений ей не давали. Ведь она была самой младшей в отряде. Но вот ребята исписали все тетради. Анатолий Прокопенко обещал достать бумаги в Артемовске, куда он отправился вместе с родными, а кому-то из ребят предстояло сходить к нему за этой бумагой в Артемовск.

— Пошлите меня,— просила товарищей Лена,— я маленькая, на меня никто внимания не обратит. А в случае чего, скажу, что иду к сестре.

Ребятам не хотелось отпускать девочку так далеко, но подумали они, подумали и решили, что, пожалуй, и в самом деле Лена хорошо выполнит это задание. Она умна, находчива и при желании кого угодно могла к себе расположить.

Отправилась Лена в путь рано утром, шла быстро, порой почти бежала, уж очень ей хотелось удивить товарищей и поскорее вернуться к ним с бумагой. Но неподалеку от Артемовска она

неожиданно столкнулась с немецким патрулем.

— Куда? — крикнул он так громко, что девочка вздрогнула, выронив из рук узелок с кукурузными лепешками.

— Домой, — все же поборов испуг, спокойно сказала она патрульному.— У сестры была, а теперь иду домой.

Понял ее немец или нет, но глаза у него были по-прежнему подозрительными, злыми.

— Документ! — приказал он коротко.

Лена поморгала ресницами, заставила себя улыбнуться. Наполовину словами, наполовину жестами объяснила ему, что она маленькая, какие же у нее могут быть документы!

Немец поднял узелок, развязал его, лепешки брезгливо бросил на землю, а белый батистовый платок спрятал в карман. Потом снова уставился на Лену, долго сверлил ее глазами и молча повернулся к ней спиной.

Лена пошла, еле переставляя ноги, еще не веря в то, что миновала опасность. Когда же патруль, наконец, скрылся за пригорком, почувствовала страшную усталость, опустилась прямо на землю.

Переночевала в Артемовске, у Анатолия, ничего не сказав ему о столкновении с патрульным. Вдруг Анатолий побоится дать ей бумагу, не отпустит домой одну.

На следующее утро он проводил ее за город, показал наименее опасную дорогу, и Лена благополучно доставила бумагу товарищам.

О том, как выполнила свое первое серьезное задание, Лена написала в дневнике, который ребята вели сообща. Писали они шифром, придуманным Борисом Метелевым (назвали его «азбукой капитана Немо»). При помощи этой азбуки они могли, не опасаясь каких-либо случайностей, коротко рассказывать в дневнике обо всех событиях на селе, о своей работе, о каждом выполненном задании.

Среди многих интересных записей в этом зашифрованном дневнике есть одна, сделанная Володей Лагером, который был у каровцев «оружейных дел мастером». Вот о чем рассказал Володя.

В хату к Лагерам пришли на ночевку немцы. Один из них, офицер, ложась спать, повесил револьвер в кобуре на стену над своей постелью. Володя не сводил глаз с револьвера. Он уже ни о чем не мог думать, ничего не видел, кроме этого тускло поблескивающего кожаного футляра на узком желтом ремне. Револьвер! Стоит только протянуть руку... Но надо было набраться терпения, выждать. Пусть только немцы уснут. А если офицер проснется, его можно уложить из его же оружия. Володя решил твердо: «Сам погибну, но и он, окаянный, жить не будет!».

Мальчик дождался, пока все немцы улеглись и затихли. Потом, неслышно ступая, подошел к постели спящего офицера, дотянулся до кобуры, расстегнул ее, вытащил револьвер и сунул на его место свой деревянный самопал,— воспоминание о старых играх в войну. Совсем близко, под рукою лежал спящий немец, казалось, вот-вот он услышит, как громко бьется над самым его ухом Володино сердце, вскочит... Володя отошел в самый дальний угол комнаты и только тут перевел дыхание.

И в это время на улице послышался шум. Тревога! Немцы повскакивали. Офицер сорвал со стены кобуру с Володиным самопалом и выбежал из хаты. Только через неделю эта часть вернулась в Покровское, но «того» офицера Володя больше не видел.

Узнав, как был добыт револьвер, ребята строго осудили поступок Володи.

— А если бы немец вернулся? — сердито говорил Борис.— Или просто открыл кобуру и

посмотрел? Надо же додуматься — самопал положить! Он бы сразу понял, что это твоих рук дело. Помните, что говорил Степан Иванович об осторожности.

С каждым днем ребята все тверже понимали: да, нужна строгая дисциплина, постоянная осторожность, выдержка. Иначе они рискуют не только собой, но и своим большим делом.

...Однажды, когда Домна Федоровна стояла на крыльце, к ней подошла Надя Гордиенко и протянула какой-то сверток, пояснив с улыбкой:

— Это вам подарочек от вашей дочки Гали.

Домна Федоровна взяла «подарочек». Сверток был небольшой, но увесистый, и она, сразу поняв, в чем дело, хотела припрятать его подальше, как вдруг в дверях появились полицейские. Испуганная женщина едва успела сунуть сверток в шкаф и стояла ни жива, ни мертва, глядя, как полицаи раскидывают постель, перетряхивают подушки, одеяла, заглядывают под кровать. Вот сейчас они подойдут к шкафу, и тогда всем конец,— и ей, и ребятам.

В эту минуту в дверь заглянул еще один полицаи и крикнул:

— Два велосипеда нашел!

Остальные, "побросав подушки и одеяла, выбежали из хаты. Домна Федоровна уже успела спрятать «подарок» в надежный тайник. В свертке были патроны.

После этого обыска ребята больше не собирались у Васи. Теперь они переписывали листовки каждый у себя, забиваясь куда-нибудь в чулан на печку. В дом Носаковых вообще старались забегать пореже и не все сразу, а поодиночке, лишь для того, чтобы получить задание или сообщить своему командиру что-нибудь важное.

Только далеко в степи, в лощине друзья могли собираться вместе. Тут они порою ненадолго забывали все свои заботы и становились просто ребятами: бегали наперегонки, вполголоса пели хором любимые песни. Иногда Вася приносил новые странички своей повести, и ребята, усевшись тесным кружком, слушали рассказ о подвигах Карова. Но это была только короткая передышка. Подпольщики уходили сюда в степь не для игр и не для отдыха: они всерьез учились военному делу. Руководил занятиями Толя Цыганенке. Это был строгий, требовательный военрук, но пионеры не сетовали на его придирчивость и слушались беспрекословно. Они изучали винтовку и пистолет, упражнялись в метании гранаты. Оружие было трофейное, захваченное у немцев, и каждый должен был уметь справляться с этим оружием, если придется употребить его в бою.

Однажды под вечер к Никулиным забежала Надя. Лицо ее было еще строже, чем всегда. Она увела Лену в сад и предупредила: Вася велел завтра рано утром, в четыре часа, всем собраться за селом под обрывом. Девочки долго озабоченно шептались, теряясь в догадках. Раньше назначенного часа собрались ребята под обрывом, и Вася рассказал им о своем замысле. Здесь, под обрывом, в глухом углу, куда не только немцы, но и покровские мальчишки не заглядывают, надо вырыть глубокую пещеру. Тут штаб КСП будет в безопасности. Тотчас же выбрали наиболее подходящее место, занялись планом пещеры. Решили устроить под землей большое и удобное убежище: два зала, большой коридор, кухню подле входа в дежурку. Старательно вычертив план, они, не откладывая, принялись за работу.

Работа была нелегкая, требовала много сил, времени и величайшей осторожности. Ребята пустили в ход лопаты, ломы, заступы — все, что удалось достать. Копали в три смены: время не ждало. Чтобы нечаянно не обнаружить себя, вырытую землю не оставляли подле пещеры, а сбрасывали в речку. До речки было шагов двести. Каждый из ребят за смену перетаскивал по тридцать — сорок ведер земли. Спокойнее всего было работать по ночам — в темноте немцам уж, во всяком случае, не придет в голову пробираться сквозь заросли кустарника в

это глухое место.

Ребята не высыпались, ходили побледневшие, осунувшиеся, каждый мускул ныл от тяжелой работы. Зато дело продвигалось быстро. Когда были вырыты и тщательно отделаны дежурка, кухня и коридор длиной в три метра, Вася сказал: «Хватит!» Надо было вернуться к другим, прерванным на время делам.

Теперь листовки, полученные Васей от партизан, переписывались в пещере. Здесь же, вернувшись с боевого задания, ребята оставляли свои донесения, написанные шифром «капитан Немо», здесь висела шифрованная стенная газета Каровского союза, сюда сносили похищенное у немцев оружие. Словом, в пещере был настоящий штаб. Ребята приходили сюда, докладывали Васе Носакову о сделанном, получали новое задание.

Но вот прошел слух, что гитлеровцы собираются отправить в Германию новую партию девушек. На улице решались выходить только пожилые женщины и старики. Ребята с болью думали о Тане Метелевой, о многих других, угнанных на немецкую каторгу. Всем вспоминалась девушка, которая повесилась, узнав, что ее должны отправить в ненавистную неметчину. Может быть, и на этот раз некоторые предпочтут смерть неволе? Ребята уже знали, что Варя Топчий предупредила отца:

— Я в Германию не поеду. Лучше умереть...

И восемнадцатилетняя Надя Курочка, единственная дочь у родителей, тоже сказала:

— Лучше не жить...

Мрачные, озабоченные собрались ребята в своей пещере. Чем помочь, как отвести беду? Со смутной надеждой они окружили Васю: что он скажет?

Вася помедлил, обвел глазами товарищей.

— Спрячем их здесь,— сказал он.

Ребята ответили радостными возгласами. В самом деле, хотя подземные «залы» и не были еще вырыты, в пещере отлично могли прожить несколько человек. Никто не разыщет их здесь.

Ребята хорошо знали всех молодых девушек на селе. Многие из них прежде учились в Покровской школе. Уговорились, кто к кому пойдет. Заранее объяснять ничего не надо, чтобы какое-нибудь неосторожное слово не докатилось до немцев, а просто ночью или рано поутру девушек провести в пещеру.

Вася зашел в хату Степана Топчия. Варя была дома. Он отвел ее в сторону, пошептался с нею. Девушка проворно собрала в узелок немного еды, сказала отцу:

— Я пойду пережду малость,— и поспешно ушла за Васей, не прибавив больше ни слова: куда идет, надолго ли.

В семье Курочки Васю встретили слезами. На Надю было страшно смотреть: так переменялась, исхудала она за последнее время. Вася сказал ей, что ему надо поговорить с ней» по секрету, и увел девушку на кухню. Через минуту оба вернулись в горницу. Лицо у Нади просветлело, подсев к матери, она шепнула ей, что горевать теперь нечего, все будет хорошо: Вася надежно спрячет ее от немцев.

Две недели скрывались девушки в пещере, помогали ребятам переписывать листовки, а те приносили старшим подругам еду от родных, разумеется, не рассказывая им, где находятся их дочери.

Немцы сначала устраивали одну облаву за другой, рыскали по домам. Но скоро им стало уже не до того: Красная Армия подходила все ближе и ближе.

Советские воины, подходя к Покровскому, увидели красный флаг. Он развевался над пещерой

— штабом КСП. А навстречу дорогим освободителям бежали мальчики и девочки, двенадцать отважных пионеров с красными галстуками на груди...

Мы приехали в Покровское весной 1944 года, вскоре после того, как село было освобождено от немцев. Глубоким покоем веяло от белых хат, окруженных вишневыми садами, и даже не верилось: неужели по этим тихим улицам расхаживали фашисты, хозяйничали в домах, издевались над советскими людьми? Но это было. Мы видели разрушенные постройки, изуродованную школу, видели черные следы зверя, которые еще тянулись вдоль всей дороги от Покровского до Артемовска.

В те дни комсомол Украины праздновал свое 25-летие, и в его большую семью вошли еще двенадцать новых членов: все участники Каровского отряда пионеров стали комсомольцами.

«Наши партизаны»,— говорили покровчане о ребятах, и в этих словах слышались ласка и гордость. К недавним подпольщикам приезжали фотографы, журналисты из Артемовска и Москвы, их расспрашивали, о них писали в газетах. Но никто из ребят не зазнался, не вообразил о себе лишнего. Они оставались все такими же скромными ребятами. Наступили мирные дни — и ребята нашли так же много дел, как и в военные годы. С увлечением ухаживали за своими шестью гектарами, засеянными кукурузой и подсолнухами для Красной Армии. На хатах вдоль всей улицы пестрели надписи, сделанные их руками: «Что летом родится — зимой пригодится», «Весенний день год кормит», «Посеешь в погоду — больше приплоду».

Ребята упорно готовились к весенним испытаниям и хорошо их выдержали. Мы слышали, как на экзамене по зоологии Толя Цыганенко подробно описывал органы дыхания речного рака, а потом с увлечением рассказывал о перелетах птиц.

Все члены организации за активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков приказом начальника Управления штаба партизанского движения от 19 февраля 1946 года награждены медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

Ф. ВИГДОРОВА, Т. ПЕЧЕРНИКОВА

Памятник Васе Носакову
в селе Покровском

В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ

В те дни, когда отряд С. А. Ковпака еще стоял в Брянских лесах, из села Воргола к нам пришел четырнадцатилетний Вася Мирошкин и попросил принять его в партизаны. Васиных отца и мать повесили фашисты. Сердце мальчика переполняла жажда мести. Я взял Васю к себе связным.

Смелый, смысленый, мальчик всегда точно и своевременно выполнял боевые задания.

Однажды, после боя под Бледчей, наши юные партизаны — Николаев, Семенистый, Руднев и Мирошкин — вернулись с крупной «добычей».

Кто-то крикнул:

— Гляди, ребята пленных привели!

Партизаны были поражены смелостью юных разведчиков: мальчики взяли в плен пятнадцать немецких солдат.

Это не шутка! Внимание всех привлекла одна курьезная деталь — всё пленные

поддерживали руками штаны. Фашисты стояли пристыженные, хмуро опустив головы.

На наш вопрос, что это значит, Семенистый ответил:

— Мы срезали им на штанах все пуговицы.

— Кто из вас это придумал?

— Я,— ответил Семенистый.

— Для чего вы это сделали?

— Откровенно говоря, мы были не совсем уверены, что сможем довести сразу пятнадцать человек. Они могли сговориться и наброситься на нас. Вот тут я и вспомнил про этот самый способ.

— Остроумный способ! Но как вам удалось заставить таких здоровил пойти на это?

— В том-то и дело,— оживился Вася Мирошкин.— Они бы ни за что не согласились, если бы мы делали это открыто. Мы выводили их поодиночке в укромное место и там отрезали пуговицы. Только когда мы снова собрали их вместе, они все поняли и очень злились, ругались, но ничего уже не могли сделать: руки у них были заняты.

Крестьяне нам сообщили, что в соседнем селе стоит вражеский гарнизон. Я вызвал Васю Мирошкина.

— Пробрись в зону обороны врага и узнай о его силах.

— Есть, товарищ командир!

— Тебе не страшно? — спросил я Васю.

— Нет, товарищ командир.

Через несколько минут мальчик бежал в сторону соседнего села с гусем под мышкой.

На следующее утро Вася появился в конце длинной широкой улицы. Он летел, как птица.

— Вася идет! Вася вернулся! — радостно приветствовали его партизаны.

— Гляди, ребята, гуся своего он продал,— сказал кто-то.

— Интересно, за сколько ты его продал? Не продешевил ли, браток? — шутили партизаны.

Не отвечая на шутки товарищей, маленький разведчик подошел ко мне и доложил:

— Задание выполнено, товарищ командир.

— Молодец, Вася! Ну, рассказывай, что ты узнал, много ли там гитлеровцев?

— Человек четыреста-пятьсот. Я видел их артиллерию, прикрытые брезентом орудия стоят на улице, по селу все время ходят солдаты. Крестьянские дворы забиты автомашинами. Гитлеровцы силой отбирают у крестьян продукты.

— От кого и как ты узнал численность вражеского гарнизона? — спросил я у мальчика.

— Крестьяне жаловались: «Мы не можем прокормить гарнизон из пятисот человек».

— Гуся продал выгодно?

Мальчик нахмурился, глянул исподлобья и еле слышно пробормотал:

— Отняли у меня гуся, проклятые!

— Кто отнял?

— Гитлеровец вырвал из рук. Он сначала начал щупать гуся, а потом замахнулся, закричал: «Цурюк, цурюк!» — и изо всех сил меня толкнул, а сам пошел дальше. Я побежал за ним, начал плакать. Он так меня саданул, что я чуть не упал в канаву.

— Не горюй, Вася,— сказал я,— военному человеку, да еще партизану, не гоже расстраиваться из-за какого-то там гуся! Стыд и срам тому солдату, который отнял гуся у беззащитного мальчика.

Как-то после боя в селе Шелячи мы преследовали отступающего врага.

Гитлеровцы, не успевшие бежать, спрятались по хлевам и курятникам и, затаившись, сидели там часами. Вися бегал от одного курятника к другому и кричал:

— Здесь он, смотрите, куда залез! Ну-ка, выходи, выходи! — и направлял на врага автомат.

— Вася,— предупредил я Мирошкина,— ты сегодня слишком много бегаешь, смотри, будь осторожней!

— Есть быть осторожней! — весело ответил Вася и побежал вдоль улицы.

Через несколько минут в конце села началась перестрелка. Я пошел на выстрелы.

— Что случилось? — спросил я товарищей и увидел, что к нам направляется несколько партизан. Они несли кого-то на шинели.

— Васю нашего убили, товарищ командир!

Смотрю, действительно, он, мой Вася, мой верный связной. Чувствую, у меня ни кровинки в лице не осталось, к горлу подступили рыдания. Я снял фуражку.

Оказывается, на чердаке одной хаты засел гитлеровец. Когда Вася проходил мимо, тот выпустил по мальчику автоматную очередь.

Я попробовал найти пульс — никаких признаков жизни. Каких-нибудь полчаса тому назад как раз там, где сейчас лежало его тело, он прыгал, смеялся, жизнерадостный, полный сил.

Весть о гибели Васи вмиг облетела все соединение. Партизаны глубоко переживали смерть своего любимца.

Васю похоронили вблизи штаба, под высокой сосной, с партизанскими почестями. На могиле поставили деревянный памятник с надписью:

Здесь похоронен маленький
ВАСЯ МИРОШКИН,
связной партизанского соединения
имени Ковпака

Д. БАКРАДЗЕ,
Герой Советского Союза

САША КОЗАК — СВЯЗНОЙ ЦК

Автор этого рассказа — Зинаида Васильевна Сыромятникова — в годы Великой Отечественной войны была связной Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. Пешком, а порой и на самолете не раз пересекала она линию фронта, неся в тыл врага — подпольщикам и партизанам — важные задания партии.

Связными ЦК были коммунисты и комсомольцы, но среди них был и пионер — четырнадцатилетний Саша Козак. О юном герое — связном ЦК партии — рассказывает бывшая учительница, ныне персональная пенсионерка З. В. Сыромятникова.

Саша Козак

Саша был отчаянным футболистом и первым забиякой на Шулявке. Поэтому Киевская школа № 71, где он учился в шестом классе, не очень им гордилась. Правда, отметки у мальчика были неплохие, переходил он из класса в класс без троек. Но главным его увлечением был футбол. Саша без памяти гонял мяч. Мальчики каждой улицы — команда. Улица против улицы — матч. Возможно, Саша Козак стал бы известным футболистом, но началась война.

...Холодно. Суровая первая военная зима. Кроме холода, донимает и голод. А все в доме еще и ругают Сашку, потому что из-за него, разбойника, семья осталась в захваченном фашистами Киеве.

В начале сентября, когда родители собрали вещи, чтобы ехать с детьми на восток, Саша куда-то исчез.

Без сына ведь не поедешь! Когда вернулся домой,

измученный, ободранный, ехать уже было поздно: Киев захватили немцы. Родители впоследствии узнали, что их Сашка блуждал с такими же, как он сам, сорвиголовами по лесам, разыскивая партизан, чтобы вместе с ними бить чужеземных захватчиков.

Вздыхает отец — рабочий завода «Большевик» Сергей Серафимович Козак, плачет мать — Матрена Федоровна. Томится и Саша, сидя целыми днями дома. А куда пойдешь? Уже оббегал, пока снега не было, все леса и овраги, где шли бои. Сколько трофеев тайком от родителей в сарай понатаскал: и винтовки, и патроны. Даже автомат немецкий принес.

Уже насмотрелся Саша и на то, как расстреливали людей в Бабьем яру. И самого Сашку тогда чуть не убили. Видел на улицах мертвых рабочих с «Большевика». Всего насмотрелся. Когда вдруг товарищ, украдкой сообщил, что его хочет видеть тот высокий футболист из команды «Большевика», который лучше всех забивал голы.

Бывший футболист — начальник цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов встретил мальчика приветливо.

— Здорово, форвард! — сказал и, как равному, пожал Саше руку.

А потом у мальчика совсем голова кругом пошла. Такое сказал ему футболист, такое!.. Он попросил пионера Сашу перейти линию фронта, добраться до ЦК партии Украины и кое-что передать. Его просят! До сих пор Сашку еще никто не просил, все только командовали...

Саша, понятно, с радостью согласился. И узнал в этот вечер, что подпольщики Киева оказались в очень тяжелом положении, что им нужны рация, деньги, шрифт для подпольной типографии. И все это они просят немедленно прислать. Саша несколько раз разыскивал место на карте Киевской области, где подпольщики каждую ночь будут ждать самолет с Большой земли. И мальчик отправился в дальний путь.

В кармане пиджачка — метрика на имя Козака Александра Сергеевича, родившегося 18 сентября 1927 года в селе Степа-новке Киевской области. Это был его единственный подлинный документ. А все остальное, что мальчик должен рассказывать, если его задержат в дороге, станут проверять документы, спрашивать, куда он идет, — будет «легендой» связного киевских подпольщиков, которую придумал Виктор Игнатьевич Хохлов.

По этой «легенде», он, Сашка, — воспитанник детского дома, у него никого нет на белом

свете, кроме сестры Ольги, которая живет в Курской области. Мальчик идет к ней, чтобы не умереть с голоду.

Саше везло. Приобретал в дороге опыт, как находить подход к людям. Все жалели голодного, но веселого мальчика. Вскоре он добрался до Конотопа. Уже и Путивль позади, а там и Сумы, где-то правее Белгород... На каждом шагу немецкие патрули, солдаты. Чувствуется: фронт недалеко.

Спросил одного прохожего:

— Дяденька, как пройти на Прохоровку?

Тот удивленно глянул на тоненького, измученного мальчика в стоптанных валенках.

— А чего тебе там надо? Там бои, фронт.

— К сестре иду. Кушать хочется...— заплакал Саша, да так непритворно, будто уже и сам верил в свою «легенду», что где-то поблизости находится его родная сестра.

- Ой, смотри, убьют...

Двадцать - семь дней прошло с тех пор, как Саша вышел из Киева, и вдали замаячили хаты Прохоровки.

Но тут не повезло: Сашу задержал патруль, повел в комендатуру.

— Большевистский выродок! — закричал на мальчика комендант и не захотел слушать про сестру, не поглядел и на метрику. Приказал бросить Сашу за решетку.

Сидит в подвале посланец Киевского подпольного горкома партии. Не жизни своей жаль, а того, что не сумел выполнить задания Виктора Игнатьевича. Сидит и горькую, не детскую, думу думает: как на волю вырваться!

Рядом с Сашкой — такой же, как он, мальчишка. Только Сашу почему-то не таскают на допросы, не бьют. А того пытаются, добиваются, чтобы признался, почему крутился возле немецких окопов, кто послал?..

Залитого кровью после допросов вбрасывают в камеру мальчишку, а он молчит. И только когда понял, что не выйти ему из застенка, доверился Сашке: он советский разведчик, послал его командир узнать о расположении вражеских укреплений, но вот не удалось, попался.

— Запомни, Сашка, Мазалов моя фамилия, Анатолием звать. Расскажи товарищам, как погиб Толька Мазалов, погиб, но не предал...

Как родные братья, пролежали мальчишки последнюю ночь на холодном полу. Не спали — рассказывали о своей короткой жизни, о друзьях, о мечтах, которые не успели осуществить. Утром пришел в камеру полицейский, скрутил проволокой Анатолию руки за спиной и потащил на улицу...

Ох, Толик, Толик! В эту ночь, в это утро будто на двадцать лет повзрослел Сашка. Понял, что ему теперь во что бы то ни стало надо вырваться на волю, заменить Анатолия Мазалова, выполнить и его, и свое задание. Словно настоящий актер, начал Сашка приставать к охранникам:

— Дяденька, не привык я даром хлеб есть. Передайте начальникам, что прошу послать меня на работу, пусть на самую трудную....

Прошел день, другой, и Сашу действительно погнали с военнопленными на работу.

Работает Сашка, а в голове одна мысль — о побеге. Удалось. Старик, который на кухне работал, помог. Бежал мальчик. А когда проходил через город Обоянь, увидел посреди площади развесистое старое дерево, все в весеннем цвету. А на ветке Толя Мазалов, друг, висит! Рядом с ним дед качается, который с ними в одной камере сидел.

Кончался март. Больше месяца просидел Саша в тюрьме. Надо спешить. Старик не только бежать помог, но и рассказал, как через линию фронта перейти...

Вовек этого не забудет Сашка: овраги, прифронтовые овраги, наполненные трупами! Среди мертвецов полежит Сашка, будто убитый, пока трассирующие пули над головой пролетят, а затем снова бежит или ползет по-пластунски к лесу, где свои. Там он должен сказать пароль, который дал ему товарищ Хохлов: — Я — «пропуск номер десять». Передайте в политотдел армии, что пришел «пропуск номер десять»...

Дожил Сашка до желанной минуты, когда он смог прошептать человеку с красной звездочкой на фуражке слова пароля.

Наконец добрался Саша Козак до ЦК Компартии Украины и доложил все, о чем просил Виктор Игнатьевич Хохлов. По адресам, которые сообщил Саша, в Киев была послана помощь, а сам Саша остался на некоторое время в Ворошиловграде, где тогда находился ЦК Компартии Украины. Мальчик отдыхал и готовился к новому заданию.

5 сентября 1942 года на оккупированной территории, вблизи села Юрчевка на Харьковщине, самолет с красными звездами на крыльях сбросил двух парашютистов. Одним из них был Саша Козак, которого в ЦК партии теперь величали Александром Сергеевичем.

Документ, полученный Сашей,— ленточка, зашитая в подкладке,— свидетельствует: Александр Козак — связной ЦК КП(б)У, доверенный начальника Украинского штаба партизанского движения Тимофея Амвросиевича Строкача.

В руках у Сашки наган. Пусть только сунется хоть один фашист!

Приземлился благополучно: не испугало Сашу, что он очутился один среди черного поля. Товарищ, с которым он прыгал с самолета, приземлился где-то в другом месте. Друг друга не искали, так как задания у них разные и путь лежал в разные стороны.

Мальчик спрятал в яму парашют, забрался под стог сена и заснул. Хорошо выспавшись, на рассвете поел хлеба с колбасой, которые не забыл захватить в Москве, вынул из кармана наган. Теперь держать его при себе было, конечно, опасно. Разобрал на части, разбросал по полю. На всякий случай Саша оставил себе только нож и направился в село, видневшееся вдалеке.

И вот он на платформе немецкого эшелона. Последняя платформа — пустая, ее никто не охраняет. Вскочил на нее, забился в уголок. Едет. Местечко укромное. Даже задремал. Вдруг увидел, что прямо к нему направляется железнодорожный жандарм. Откуда он взялся во время движения на пустой платформе?..

— Документ! — крикнул жандарм.

— Ой, дяденька! — завопил Сашка не своим голосом.— Хорошо, что вы пришли. Вон там что-то треснуло. Беда... Как бы аварии не случилось...

— Показывай! — и жандарм направился за мальчиком.

— Вот, посмотрите!

Жандарм наклонился к краю. Сашка размахнулся, будто предстояло ему бить пенальти. Удар — и только ноги в воздухе мелькнули. Даже вскрикнуть не успел... Недаром Сашку считали лучшим нападающим в команде Шулявки!.. После этого уже без всяких приключений он добрался до Киева.

Золотом переливалась под теплым осенним солнцем листва киевских парков, когда Александр Козак опять появился на родной Третьей Дачной. Но передать задание ЦК было некому. К тому времени уже погиб Виктор Игнатьевич Хохлов. Прошло немало дней, пока удалось мальчику напасть на след Киевского подпольного горкома партии.

...Учитель истории Николай Степанович Король, которого трудная военная судьба забросила в оккупированный фашистами Киев и сделала подпольщиком, с волнением шел в скверик на улице Чкалова на встречу с представителем ЦК партии, прибывшим с Большой земли.

Король на месте встречи. А представителя ЦК почему-то нет. Николай Степанович волнуется: «Неужели опять предательство, опять провал?»

В скверике безлюдно. Только на одной скамейке дремлет худенький мальчик. Время от времени он поднимает голову и рассматривает Короля, который в одиночестве прогуливается по аллее. «Что нужно здесь этому голодранцу? — думает Король. — Не иначе — шпик».

Но мальчик вдруг встал и подошел к нему.

— Дяденька, вы не скажете, какой сегодня день? Случаем, не среда?

— Ты что, не выспался? Сегодня пятница, — ответил на пароль удивленный Николай Степанович.

— А как пройти на Крещатик, не покажете?

— Тебе кланялась Валя, — механически ответил Король и не выдержал, с тревогой спросил:

— А где же представитель ЦК? С ним что-нибудь случилось?

— А что могло с ним случиться? Это я сам и есть, — лукаво улыбнулся Сашка и облегченно вздохнул.

Николай Степанович растерянно смотрел на мальчика. Может быть, и вправду все это гестаповская ловушка? Но как же пароль?!

Тем временем представитель ЦК взял взволнованного учителя под руку, посадил на скамейку, сел рядом и по-взрослому заговорил:

— У меня времени в обрез, я должен уже возвращаться в ЦК партии. Слушайте, что мне поручено передать киевским подпольщикам. Вы должны немедленно заняться организацией партизанского отряда. Свяжитесь с Житомирским, Черниговским, Каменец-Подольским и Винницким подпольем. Пусть дадут людей, оружие, все, что необходимо для партизанского отряда. Запомните адреса, пароли... — и начал медленно диктовать.

Когда Король несколько раз тихо все повторил, Саша продолжил:

— Задание: чтобы через станцию Шепетовка не прошел ни один немецкий эшелон. Товарищи также просили активизировать действия, в частности, разбрасывайте как можно больше листовок. Население должно знать, что делается на Большой земле, на фронтах. Если у вас нет рации, укажите место, куда ее сбросить с самолета.

Король внимательно и удивленно слушал Сашу. В руках у мальчика появилась миниатюрная топографическая карта.

— Карандаш есть? Отметьте места, где у вас есть свои люди, куда лучше всего сбросить рацию... Вы не беспокойтесь, я понимаю... Только разберусь — и сразу уничтожу...

Николай Степанович внимательно рассмотрел карту.

— Вот тут, наверное... В сорока километрах от Киева по направлению к Житомиру, вблизи села Нежиловичи высотка, у реки, в стороне от дороги... Наши там рыбачат ночами. Заметят самолет — разожгут костер. И оружия нам немного не помешало бы сбросить...

За оградой сквера появились два полицейских.

— Пошли! — весело похлопал по плечу представителя ЦК Николай Степанович. — Дальше здесь оставаться опасно.

...Через несколько месяцев, когда Александру Козаку удастся снова перейти линию фронта и добраться до Москвы, где тогда находился ЦК Компартии Украины, он обо всем этом

доложит секретарю ЦК КП(б)У Демьяну Сергеевичу Ко-ротченко, который руководил подпольной борьбой на Украине.

За успешное выполнение заданий Киевского подпольного горкома партии и ЦК КП(б) У и проявленные при этом героизм и отвагу пионер Саша Козак был удостоен ордена Отечественной войны II степени, а за активное участие в 1945 году в разгроме японских милитаристов 18-летнего сержанта Александра Козака наградили орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Мастером «золотые руки» называют Александра Сергеевича Козака в Киевском производственном объединении «Точэлектроприбор», где бывший связной ЦК КП(б)У трудится уже не один десяток лет.

З. Сыромятникова

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

На Кавказской шла посадка. В вагон входили транзитники из Ставрополя, местные станичники, командированные, которых в эту хлопотливую уборочную пору немало бывает в кубанских станицах. Мимо нашего купе проплывали огромные чемоданы, сетки с душистыми яблоками, озабоченно сновали пассажиры, потому что невозможно проехать мимо Кавказской, чтобы не купить огромный арбуз или ароматные дыньки.

В дверях нашего купе показался инвалид. За плечами у него — армейский вещмешок, в руке — новенький чемодан.

— Вот что, товарищи,— усаживаясь рядом с нашим попутчиком-студентом, сказал мужчина, — уж не взыщите. Кого-нибудь из вас я побеспокою. Неловко мне на верхней полке своей культей махать.

— Пожалуйста, папаша! — засуетился студент и начал перекладывать свои пожитки.

Поезд тронулся. Пассажиры угомонились. Проводница постелила инвалиду постель, и он, покончив со своими дорожными делами, заскучал.

— Ты, молодой человек, никак студент? — повернулся инвалид к нашему спутнику.

— Студент.

— Домой или из дому путь держишь?

— Из дому. К старикам в Туапсе ездил.

— А учишься где?

— В Москве.

— В Москве — это хорошо! — одобрил инвалид.— Вот я тоже в Москву еду. Хоть рассмотрю ее по-настоящему. А то в сорок первом, когда эта самая петрушка со мной приключилась,— он показал на деревянную ногу,— что там можно было увидеть? Эвакопоезд, вокзал. На автобусе два раза по каким-то улицам провезли. Вот и все. А потом дальше, в Горький. Ну, теперь-то я свое возьму!

Мужчина расстегнул пиджак, отколол от бокового кармана булавку и достал сложенную втрое бумагу.

— Вот, по путевке еду. От артели. На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Все как полагается.

Он принялся рассматривать документы.

В купе стало тихо. Ровно стучали колеса.

За окном до самого горизонта дрожало в мареве иссушенное солнцем и ветрами жнивье. Курились пылью степные дороги. Только изредка на желто-серой равнине горбились огромные скирды прошлогодней почерневшей соломы.

Инвалид щелкнул прокуренным ногтем по путевке и, словно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Электростанциями интересуюсь. Моторист я.— И, помолчав, обратился к студенту: — А ты, молодой человек, если не секрет, какой специальности обучаешься? Не по моторам, часом?

— Да нет, редкая у меня специальность,— почему-то смутился студент.— Я в консерватории учусь. По классу кларнета. Это такая труба... вроде рожка...

— Так ты же, сынок, хорошему делу учишься, а будто стыдишься. Людям без музыки никак нельзя. Эх ты, чудак-человек! Я-то всюду свою музыку вожу.— Мужчина проворно повернулся к новенькому чемодану.— Если, конечно, не возражаете...

В чемодане рядом с домашними ватрушками и банкой масла, завернутая в пеструю ситцевую тряпицу, лежала скрипка. Мужчина развернул ее, обтер и приложил к подбородку.

— Вот, скажем, вальс у меня любимый,— произнес он мечтательно и занес смычок.

По вагону поплыли, заплескались «Дунайские волны». В наше купе уже заглядывали пассажиры. Инвалид преобразился: его лицо то хмурилось, то освещалось улыбкой.

Вдруг он опустил смычок и обернулся виновато к проводнице:

— Может, нельзя? Беспокойство пассажирам?

— Играйте, пожалуйста! Какое же от музыки беспокойство. Мы слушали «Лунную сонату», «Жаворонка», «На сопках Маньчжурии».

— А инструмент-то у вас старенький,— заметил студент, когда попутчик опустил скрипку на колени.— Вот в Москву едете, новую бы купили.

— Нет, парень, я её ни на что не променяю. Это о человеке память. Видишь, пулей пробита. Залатал, зашпаклевал...

Все по очереди рассматривали раненую скрипку.

— С сорок второго года она у меня.

И наш новый знакомый рассказал историю этой скрипки.

— Вот в таком виде,— рассказчик кивнул на свою деревяшку,— выписали меня из госпиталя. А родом я из-под Усть-Лабинска. А тут враг под Миллеровом прорвался. Да как стал жать! Через Шахты, через хутор Веселый, через Пролетарскую на Краснодар да на Кавказскую как повалит!.. Места ровные. Нашим зацепиться негде. Сушь. Дороги накатаны. Вражьи танки так и пылят.

У нас в Лабе эвакуация началась. А мне-то как на одной ноге от танков прыгать? А они тут как тут. На броне львы да слоны намалеваны. Пехота ж вступила — срам один. Солдаты в коротких штанишках. Волосатые ноги так и мелькают. Из Африки войска-то были. Как по ихнему радио передавали, «доблестного фельдмаршала Роммеля». Глядим, свеженькие. Видно, не шибко давал им англичанин «прикурить» в этой самой Северной Африке.

Сразу приказов на заборах понаклеивали: большевикам, дескать, комиссарам и командирам явиться на сборные пункты, евреям — на регистрацию. Много еще всякого понаписывали: больше трех человек не собираться, после десяти часов на улицах не появляться. И что ни приказ — все словом «расстрел» кончается.

Ну и, конечно, началось. Что ни день, только и видишь: то одного, то другого в гестапо волокут. По станице пальба идет. Уцепится баба за своего гуся, не дает мародеру, а тот чесанул иа автомата и пошел. Да что там! Один мальчонка змея из ихней листовки склеил, так и мальчонку, и мамашу на месте убили.

Так вот об этой самой скрипке... Работал в нашей станичной больнице хирург Пинкензон. Хороший был человек. Прямо оказать, безотказный. В ночь-полночь приходи — примет. Все его знали у нас. Кому язву желудка вылечил, кому аппендицит. А сколько мальчишек через его руки прошло! Не счесть! Один на бутылочное стекло напоролся, другого ногу сломать угораздило, третий рогаткой добаловался.

И вот по станице слух прошел, что арестовали Пинкензона. Говорили, что привезли его в штаб и приказали, чтоб он их раненых лечил. А Пинкензон отказался. «Не буду,— говорит,— у вас доктора есть. У меня своих больных полно». Как-то утром бегут по дворам полицаи и приказывают на площадь идти.

Согнали нас. На площади виселица стоит. Вокруг фашисты расхаживают, зубы скалят.

Потом, слышим, по толпе покатилося: «Ведут! Доктора ведут!» Гляжу — идет под охраной Пинкензон, а рядом сынишка его, Муся, мальчонка лет четырнадцати. Справненький такой, волосы челочкой пострижены, черная курточка бархатная на нем.

Шум по станице пошел. Ну, доктор лечить фрицев откатился, а мальчонку-то пошто убивать? А тут бабы и говорят, будто пришли Пинкензона забирать, увидели мальчишку и загалдели: «Этого щенка тоже повесить надо: наверное, пионер!».

Словом, ведут их. Толпа расступается. Пинкензон голову высоко держит. А мальчишка, представляете, вот с этой самой скрипкой идет.

Привели. На помост поднялся сам оберст. Достал бумагу и стал читать по-немецки. А полицай переводит: «Казнить врача Пинкензона как большевика и саботажника».

Оберст кончил читать и что-то солдатам крикнул.

Тут мальчонка, этот самый Муся, к нему обращается по-немецкй.

Учительница рядом со мной стояла, перевела: «Господин полковник, разрешите мне перед смертью сыграть на скрипке».

Оберест улыбнулся: «Коль в тебе такая блажь завелась, играй».

Муся взял первую ноту, а у самого губы дрожат. По началу я не догадался, что он играет. А как несколько раз по струнам прошел, понял: «Интернационал».

Оберста аж передернуло.

— «Свинья! Щенок!» — завопил фашист и бросился к мальчику.

Но Муся, не отрывая взгляда от толпы, все играл. Станичники подхватили мелодию. Сначала чуть слышно, потом все громче над площадью зазвучал «Интернационал».

Оберст выхватил пистолет и выстрелил в мальчика. Тот покачнулся, но продолжал стоять. Оберст выстрелил еще раз. Муся упал, а его скрипка скатилась с помоста к моим ногам. Я схватил ее и спрятал под пиджак.

Толпа продолжала петь. Разъяренные гитлеровцы бросились на людей. Поднялась стрельба...

— С тех пор я играть научился, — закончил свой рассказ инвалид.— Сначала «Интернационал» подобрал...

Стало тихо-тихо. В дверях купе столпились пассажиры.

Студент бережно, как живое существо, взял из рук инвалида скрипку и передал ее соседу. Раненая скрипка переходила из рук в руки...

ГЕРОИ РЯДОМ

Невысокого роста плотный человек смотрит на струйку живого металла. Стены цеха освещены ярким сиянием, и люди, работающие здесь, кажутся персонажами волшебной сказки. О чем думает сейчас этот человек? Он — литейщик, руководит бригадой коммунистического труда на прославленном киевском заводе «Арсенал» имени В. И. Ленина. Может быть, он думает о работе бригады, может быть, о встрече с пионерами, у которых он с братом Вадимом, работающим рядом, частый гость...

Назовите его героем — и он удивится. И он, и его брат просто делали то же, что и многие их сверстники и друзья...

1941 год. Бои на окраинах Киева. Вместе с бойцами — братья Анатолий и Вадим Гороховские. Они помогают советским воинам, чем только могут: приносят еду, воду, перевязывают раненых.

На киевской земле хозяйничает враг. Аресты. Расстрелы. Голод. Ждать, пока кто-то принесет тебе свободу? Нет! Несколько мальчишек с улицы Чапаева собирают и прячут оружие. Среди них Анатолий и Вадим. Они еще не знают, как связаться с подпольщиками или партизанами, но одно для них ясно — оружие пригодится.

Как-то во двор зашел фашистский офицер и полез в подвал, где ребята прятали свой трофей. Заметив в темноте Анатолия, он крикнул злобно: «Что это, здесь партизаны?» и, угрожая мальчику пистолетом, приказал вести его в глубь подвала, чтобы посмотреть, нет ли там действительно партизан.

Вадим Гороховский

Толя Гороховский

Как раз в этот момент в подвал забежал Вадим, который снова принес сюда оружие. От неожиданности и страха мальчики замерли. Нависло тревожное молчание... Но уже в следующее мгновение...

Вадим не мог бы потом сказать, о чем он тогда подумал, только помнит, как изо всех сил

ударил фашиста по голове. Тот взмахнул руками и мертвым свалился на землю. Так он, четырнадцатилетний мальчик, впервые в жизни поднял руку на человека. Нет, не на человека — на фашиста.

Тем временем с мальчиками познакомился участник подполья Федор Молчанов. Братьям казалось, что встреча с ним и знакомство были случайными. А в действительности Федор дивно присматривался к ним и понял, что на этих школьников можно положиться. Не подведут. По его заданию мальчики расклеивали в городе листовки, в которых коммунисты-подпольщики призывали население к борьбе с фашистскими палачами.

Братья продолжали собирать оружие и намеревались уйти в партизаны. Но они решили перед тем, как это сделать, уничтожить эсэсовского генерала. Ко всему приглядываясь, они обратили внимание, что генерал вечерами подолгу сидит один на скамейке под ветвистым каштаном, в парке напротив их двора.

Генерал был им хорошо известен: это по его приказу вешали и расстреливали советских людей. Уничтожить... но как? Стрелять нельзя. План возник довольно быстро, оставалось решить, кто из двух братьев возьмет на себя главную роль. Вадим уже отличился, и Анатолий предлагает себя. Он горячо доказывает свое право, так как принят именно его план. И, кроме того, он ни капельки не боится.

Близился вечер. Длинные тени деревьев легли причудливым кружевом на дорожки парка. Было тихо и тревожно. Мальчики перебрасывались мячом, внимательно наблюдая за парком и улицей. Вот появилось несколько офицеров гестапо и скрылись за углом. На улице — никого, в парке — тоже. Пора! Генерал сидит один.

Мяч, пущенный сильной рукой, катится к скамейке, на которой сидит фашистский генерал. Маленький Толя мчится за ним, наклоняется и поднимает обломок трубы, заранее положенный под скамейку.

...Все казалось просто и легко, следует размахнуться и ударить по голове. Мысленно Толя уже сотню раз выполнял эту, казалось бы, несложную операцию. А сейчас внезапно ноги стали будто бы ватными, холодный пот прошиб его с головы до пят, а сердце начало куда-то проваливаться... Сколько прошло времени, мальчики не знали. Вадим до боли закусил губу. Хотелось крикнуть: «Ну, бей же! Чего ворон считаешь?» Где-то послышались шаги. К дому пробежал вестовой. Генерал шевельнулся. — Ну!

Крепко зажмурившись от страха, ничего уже не чувствуя, Толя ударил его трубой по голове... Ждал выстрелов, криков, топота ног... Ничего. Генерал закинул лысую голову и сполз со скамьи. Минута — и из вывернутых карманов мундира взято оружие, документы. Братья отодвигают чугунную крышку канализационного люка. Еще минута — и эсэовец исчезает под землей, а мальчиков как ветром сдуло.

Через несколько дней Толя и Вадим проводят смелую операцию, чтобы достать оружие для подпольщиков Киева. Недалеко от дома, где жили братья Гороховские, находился занятый фашистами особняк. Из дома и в дом часто носили ящики с оружием. Это заметили Вадим и Анатолий. Воспользовавшись минутой, когда охрана чем-то отвлеклась, Анатолий по водосточной трубе поднялся на второй этаж и через окно залез в комнату. Не теряя времени, он опустил на веревке Вадиму ручной пулемет, потом взял несколько гранат и офицерский мундир.

Оставаться в городе было уже опасно. Три дня, голодные и уставшие, бродили они по лесу и искали партизан. С собой они взяли ручной пулемет, который сумели пронести завернутым в одеяло через весь Киев. Долго пришлось упрашивать, чтобы их взяли в отряд. Дело решил командир партизанского отряда Яков Мефодьевич Кузнец, который уже слышал о мужестве и отваге братьев.

Мальчиков часто использовали как разведчиков. Приходилось им бывать в оккупированном

фашистами в Киеве, связываться с коммунистами-подпольщиками...

Прошло лишь несколько дней после того, как отряд киевских партизан влился в партизанское соединение, которым командовал генерал-майор М. И. Наумов, а Михаил Иванович уже заметил Толю Гороховского, бесстрашного разведчика и минера.

Партизанам крайне необходимы были мины. На фронт шли вражеские эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами, живой силой. Изготавливать мины было не из чего. Но в районе действия партизанского отряда находились военные объекты, на подступах к которым немцы создавали минные поля. Казалось бы, нехитрое дело — отыскать мину, обезвредить ее, принести «адскую машинку» в отряд, а потом поставить в другом месте. Но делать это надо было незаметно, среди бела дня, голыми руками.

И взялись за дело Толя и Вадим. Десятки раз выходили они на поиск и стали опытными саперами и минерами. Затем дороги братьев разошлись — командир направил Вадима в другой отряд.

Ночные рейды, стремительные прорывы, блеск оголенных сабель и смертельный ужас в глазах фашистов. Генерал впереди всех. Анатолий старался держаться поближе к нему.

Не только за личную храбрость любил он генерала, но и за его умение перехитрить фашистов. То передевались передние конники во вражескую форму и переходили усиленно охранявшийся мост, то соединение перебиралось через реку вброд и ударяло по тылам фашистов, ожидавших партизан совсем в другом месте...

Незадолго перед приходом советских войск Толя вместе с другими партизанами взорвал мост через Ирпень.

Братья встретились в освобожденном от фашистов Киеве. Шел набор на курсы десантников. Братья отправились туда. Вадима зачислили. А Анатолий? Трудно было узнать в нем бесстрашного партизанского разведчика и минера. Анатолий Гороховский горько плакал и не вытирал слез. Не помогли и боевые медали. «Довольно тебе воевать — иди учиться», — сказал ему председатель приемной комиссии.

Идут бои, наши войска продолжают наступление, друзья-партизаны перешли линию фронта и снова громят врага, а он должен спокойно в тылу дожидаться окончания войны! Но ведь он умеет воевать, он солдат. У него немалый военный стаж — целых два года! Два года боевого стажа у пятнадцатилетнего мальчика!..

Как Анатолий уговаривал начальника штаба украинских партизан генерала Строкача, — неизвестно, но тот собственной рукой подписал приказ, и юный герой снова очутился в тылу врага.

Отряд десантников успешно выполнил несколько ответственных боевых заданий: взлетали на воздух мосты, взрывались склады с горючим. Но каратели напали на след отряда и начали преследовать десантников. Неся большие потери, отряд пробивался к линии фронта. Бойцов осталось совсем мало. Не было продовольствия. Кончились боеприпасы. Три дня пытались перейти к своим, и все неудачно...

Толя поднялся в полный рост и направился к нашим окопам. Его примеру последовали еще трое подрывников — все оставшиеся в живых. Ни фашисты, ни наши не поняли, что это значит. И только когда десантники были в нескольких шагах от советских бойцов, фашисты опомнились и подняли стрельбу. Но было уже поздно...

Снова среди своих. Теперь Анатолий стал солдатом, надел красноармейскую форму и пошел с наступающей армией. Видел руины больших городов и пылающие села, повешенных детей и расстрелянных женщин. Испытал тяготы войны и радость победы. Самые счастливые минуты пережил, когда увидел в Берлине, над рейхстагом, красное знамя...

Теперь Анатолий Александрович и Вадим Александрович Гороховские — литейщики завода

«Арсенал», «гвардейцы огненного фронта», как называют их в коллективе. Рядом с боевыми они по праву носят и трудовые награды.

К. ВАХЛИС, А. ПИЩАНСКИЙ